АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XIV

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1965

СОДЕРЖАНИЕ

Э. А. Макаев (Москва). Структура и стратиграфия общегерманской лексики 3

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Ф. Лосев (Москва). О методах изложения математической лингвистики для лингвистов 13
С. К. Шаумян, П. А. Соболева (Москва). Аппликативная порождающая модель и формализация грамматической синонимии 31
Ю. Д. Апресян (Москва). Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления) 51
С. В. Бромлей (Москва). Принципы классификации глагола в современном русском языке 67

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Е. А. Иванчикова (Москва). О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе 84
Б. В. Горнунг (Москва). О природе синонимии в языке и теоретических предпосылках составления синонимических словарей 95
А. Н. Кононов (Ленинград). Опыт реконструкции тюркского деепричастия на -(о)*п*, -(о)*б*, -(*j*)о*б*, -(о)*пан*, -(о)*бан*,-(о)*баны*, -(о)*баныӈ*(*н*) (Материалы к сравнительно-исторической грамматике тюркских языков) 100
М. А. Кумахов (Москва). Дистрибутивный анализ полисинтетического комплекса 112

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

А. Е. Кибрик, А. И. Коваль (Москва). Вопросы прикладного языкознания в сборнике «Научно-техническая информация» 118

Рецензии

Р. В. Бахтурина, И. А. Мельчук (Москва). *M. L. Alinei.* Dizionario inverso italiano 128
А. И. Мовсесян (Ереван). *Г. Джаукян.* История языкознания 133
В. А. Виноградов (Москва). *H. Pilch.* Phonemtheorie. I. 137
М. М. Копыленко (Алма-Ата). «Проблемы фразеологии. Исследования и материалы» 140

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки 144
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию 158

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1965

Э. А. МАКАЕВ

СТРУКТУРА И СТРАТИГРАФИЯ ОБЩЕГЕРМАНСКОЙ ЛЕКСИКИ

1

Общегерманский словарь — это известная, системно организованная, при этом довольно ограниченная совокупность лексических пластов общегерманского языка. В силу ряда хорошо известных соображений, рассмотрение которых представляется излишним, восстановить полностью общегерманский словарь невозможно и приходится довольствоваться реконструкцией лишь определенной части, хотя и довольно существенной, общегерманской лексики. Но и та часть общегерманской лексики, которая доступна для реконструкции, требует особой процедуры для возведения ее в ранг общегерманского состояния. Наличие определенной лексемы во всех древних германских языках еще не является доказательством того, что она может быть приписана общегерманскому словарю. Так, лат. Caesar представлено как заимствованное слово во всех германских языках; ср. гот. *kaisar*, др.-исл. *keisari*, др.-англ. *cāsere*, др.-фриз. *keiser*, др.-сакс. *kesur/kēsar*, др.-в.-нем. *keisar/cheisur*[1]. Однако по хронологическим соображениям не представляется возможным отнести данное образование к общегерманской эпохе: ко времени заимствования данного слова общегерманский язык уже не существовал.

В то же время следует подчеркнуть, что и этимологический критерий, позволяющий соотнести германскую лексему с генетически родственными образованиями в других индоевропейских языках — например, др.-исл. *arðr* «плуг», др.-швед. *arÞer*, др.-сакс. *erida*, лат. *aratrum*, греч. αρατρον, литов. *árklas*, арм. *araur* и т. д.— не является достаточным и во всех отношениях надежным основанием для отнесения данной лексемы к общегерманской лексике, ибо она далеко не всегда позволяет обрисовать контуры собственно общегерманского словаря в отличие от других индоевропейских ареалов.

В этимологических исследованиях германистов и индоевропеистов широкое распространение имеет процедура механического возведения лексемы соответствующего германского или индоевропейского языка к праязыковому состоянию на основе действующих в данных языках фонетических и фономорфологических закономерностей без выяснения вопроса о реальности существования данного образования в общегерманском или общеиндоевропейском. Так, Я. де Фрис в своем «Нидерландском этимологическом словаре» возводит нид. *duiden* к общегерм. *Þiudianan* в значении «делать ясным, объяснять народу»[2]. Была ли представлена данная лексема и именно в этом значении в общегерманском — вообще не интересует исследователя. В таком случае общегерманский или общеиндоевропейский словарь представляют не что иное, как известное скопище лексических корреспонденций между отдельными германскими или

[1] См.: S. Feist, Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, Leiden, 1939, стр. 305.

[2] J. de Vries, Nederlands etymologisch woordenboek, 1—6, Leiden, 1963 и сл., стр. 141.

индоевропейскими языками, по сути дела даже не претендующее на языковую реальность. В таком случае построение общегерманского или общеиндоевропейского словаря сводится лишь к установлению лексических корреляций между отдельными языками, и тогда лексика ничем не отличается от фонетики и морфологии, ибо, согласно широко распространенной точке зрения, сравнительная грамматика германских или индоевропейских языков сводится к установлению фонетических и морфологических корреспонденций между отдельными языками. При таком понимании общегерманский словарь представляет совокупность праформ, которые возможно сопоставить с праформами прочих индоевропейских языков. Построение общегерманского словаря на основе вышеизложенной процедуры наиболее последовательно проведено в словаре Фика-Торпа[3]. Не подлежит сомнению, что подобное понимание общегерманского словаря весьма уязвимо в одном важном пункте: при таком подходе к построению общегерманского словаря описание социальной стратиграфии различных пластов общегерманской лексики и их пространственной и хронологической соотнесенности оказывается просто невозможным. Следует полагать в то же время, что именно такое описание должно явиться одной из главных задач при построении общегерманского словаря. Социальная стратиграфия общегерманской лексики — наименее разработанный раздел в этимологии и исторической лексикологии[4]. Задачей первостепенной важности является углубленная разработка комплекса вопросов, связанных с анализом формирования и функционирования различных аспектов общегерманской лексики: поэтической, сакральной, правовой, ремесленной, выяснение их возможных индоевропейских источников, удельного веса собственно германских элементов в них, в связи с чем особое значение приобретает анализ различных форм германских инноваций, особенно в области сакральной и поэтической лексики, наряду с сохранением ряда весьма архаических образований[5], а также характеристика их ареаль-

[3] A. F i c k, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, III Tl.— Wortschatz der germanischen Spracheinheit, unter Mitwirkung von Hj. Falk gänzlich umgearbeitet von Alf Torp, Göttingen, 1909.

[4] Первые опыты в этом направлении содержатся в работе: H. M. H e i n r i c h s, «Wye grois dan dyn andait eff andacht is...». Überlegungen zur Frage der sprachlichen Grundschicht im Mittelalter, «Zeitschrift für Mundartforschung», Jg. 28, 2, 1961, стр. 98—153, особенно 143—151; е г о ж е, Sprachschichten im Mittelalter, «Nachrichten der Gießener Hochschulgesellschaft», 31, 1962; ср. также: M. S c h e l l e r, Vedisch *priyá* — und die Wortsippe *frei, freien, Freund*, Göttingen, 1959. Общий очерк (при этом поверхностный и малоудовлетворительный) дается в работе: F. S t r o h, Germanentum, в сб. «Deutsche Wortgeschichte», I, Berlin, 1959.

[5] См. об этом в интересном исследовании: P. R a m a t, Modi e forme delle innovazioni lessicali del Germanico, «Archivio glottologico Italiano», XLVIII, 2, 1963. На некоторые из подобных архаических образований в области сакральной лексики указывается в ряде исследований; см.: W. S. S c h u l z e, Zur Geschichte lateinischer Eigennamen, Berlin, 1904; W. H a v e r s, Neuere Literatur zum Sprachtabu, «Sitzungsberichte [der] Akademie der Wissenschaften in Wien», Philos.-hist. Klasse, 223, 5, 1946; е г о ж е, Zur sakralen Differenzierung, в сб. «Festschrift für A. Debrunner», Bern, 1954, H. G ü n t e r t, Von der Sprache der Götter und Geister, Halle, 1921; F. S p e c h t, Zum sakralen *u*, «Die Sprache», I, 1949, стр. 43—49; W. H a v e r s, Zur Entstehung eines sogenannten sakralen *u*-Elementes in den indogermanischen Sprachen, «Anzeiger der philos.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften», Jg. 1947, 15, Wien, 1947; H. M a r q u a r d t, Die altenglischen Kenningar, Halle, 1938; O. H ö f l e r, Germanisches Sakralkönigtum, I — Der Runenstein von Rök und die germanische Individualweihe, Tübingen — Münster — Köln, 1952; е г о ж е, Der Rökstein und die Sage, «Arkiv för nordisk filologi», 78, 1—4, 1963; M. C a h e n, Études sur le vocabulaire religieux du vieux-scandinave. La libation, Paris, 1921; H. B i r k h a n, Gapt und Gaut, «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», 94, 1, 1965; F. M e z g e r, Der germanische Kult und die ae. Feminina auf *-icge* und *-estre* «Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen», 168, 1/2, 1935, стр. 176 и сл.

ного распространения. Значительный интерес представляет также анализ экспрессивной лексики и возможность приписать ее общегерманскому состоянию (ср. особенно работы О. фон Фрисена, А. Иоуханнессона и А. Мартине). Недостаточность разработки данных проблем ущербно сказывается на результатах многочисленных исследований в области древнегерманской лексики. Так, древнегерманская правовая лексика большинством исследователей, начиная с Гримма[6], возводилась к общегерманской эпохе. Однако, как показали последние исследования[7], лишь весьма незначительная часть правовой терминологии в древних германских языках может быть отнесена к общегерманской эпохе: значительная часть германской правовой терминологии оформляется лишь в эпоху раннего средневековья, при этом в ряде случаев независимо и самостоятельно в отдельных германских ареалах.

Следовательно, для построения общегерманского словаря необходим прежде всего отбор таких критериев, которые позволяют отнести соответствующие лексические единицы и лексические пласты к общегерманскому состоянию. Можно указать на наиболее важные критерии: 1) хронологический; 2) фономорфологический; 3) семантический; 4) жанрово-стилистический.

Перечисленные критерии не являются равноценными; между ними наблюдается строгая иерархичность. Не подлежит сомнению, что наиболее важным и ведущим является хронологический критерий, которому так или иначе подчинены все прочие критерии, однако лишь с о в о к у п н о с т ь этих критериев позволяет с большей или меньшей степенью вероятности причислить определенную лексическую единицу к общегерманской лексике. Так, в словаре Фика-Торпа (стр. 186) к общегерманской лексике относится *guda* «бог» м у ж с к о г о и с р е д н е г о рода. Фономорфологический анализ, а также филологическая интерпретация др.-исл. *goð/guð* позволяет рассматривать *goð* ср. рода как более древнюю форму; ср. в готском мн. число *guda*. Семантический анализ, основанный на данных древнегерманской мифологии и религии[8], также позволяет определить как общегерманскую лишь форму с р е д н е г о рода *gudan*. Наконец, жанрово-стилистический анализ данной лексемы позволяет приписать ей в общегерманском лишь значение «идол». В словаре Фика-Торпа лексеме «бог» были приписаны характеристики р а з н ы х хронологических и семантических планов, механически перенесенные из отдельных германских языков на общегерманскую плоскость. Другие примеры подобной неудовлетворительной методики восстановления общегерманских лексем в словаре Фика-Торпа приводит В. Бец[9], который также подчеркивает важность семантического критерия. Вышеупомянутые критерии наряду с интенсивным внедрением принципов пространственной лингвистики в этимологических исследованиях позволяют более рельефно обрисовать контуры тех пластов германской лексики, которые являются общегерманским достоянием и того, что относится к эпохе реального существования различных ареалов и отдельных германских языков.

2

Вторым комплексом проблем, относящихся к построению общегерманского словаря, является выяснение структуры общегерманских лексем,

[6] См.: J. G r i m m, Deutsche Rechtsaltertümer, I—II, Berlin, 1956.

[7] См.: K. v o n S e e, Altnordische Rechtswörter, Tübingen, 1964.

[8] См. об этом в исследовании: M. C a h e n, Le mot *Dieu* en vieux scandinave, Paris, 1921; S. F e i s t, указ. соч., стр. 228.

[9] W. B e t z, Zum germanischen etymologischen Wörterbuch, «Festgabe für L. L. Hammerich», Kopenhagen, 1962.

их фономорфологическая характеристика, их морфемная членимость и акцентная оформленность, в связи с чем на первый план выдвигается определение структуры германского к о р н я, границ его фономорфологического варьирования, допустимых начальных[10] (особенно проблема *s*-mobile в германском) и конечных сочетаний корня, возможностей его расширения при помощи различных детерминативов, а также выяснение вопроса о соотношении структурных моделей корня в общегерманском и общеиндоевропейском. Данный круг проблем с неизбежностью влечет за собой решение вопроса о том, что преследует этимологическое исследование: восстановление корня или лексемы. Некоторые исследователи разделяют взгляд, согласно которому основным объектом этимологии должно являться слово, а не корень. В заслугу Ю. Покорному рецензентами было поставлено то, что автор «Индоевропейского этимологического словаря» реконструкцию корней старался дополнить реконструкцией лексем[11]. М. Лойман усматривает один из самых существенных недостатков этимологических исследований в том, что исторический анализ лексем подменяется рассечением их на корни и детерминативы в поисках этимона: это угрожало сделать этимологические исследования в конечном счете бессодержательными[12]. Следует полагать, что в самой постановке вопроса о лексемах или корнях как конечной цели этимологии таится известная двусмысленность. Дело в том, что для любого этимологического исследования принципиально важным оказывается выяснение этимологического среза или этимологической глубины, до которой доходит исследователь. Чем ниже этимологический срез, тем более эффективным и реальным оказывается восстановление корня или этимона, а не лексемы. В порядке рабочей гипотезы это можно было бы назвать уровнем этимологической глубины. Именно принцип относительной хронологии диктует необходимость вычленения нескольких этимологических уровней, каждый из которых характеризуется своим собственным структурированием основных этимологических единиц: лексемы, корня, детерминативов, преформантов. Из этого следует, что на разных этимологических уровнях структура корня может быть различной, различным может быть и соотношение корня и детерминативов, корня и преформантов (более подробно данный вопрос рассматривается ниже). Кроме того, реконструкция корня или этимона имеет большое значение для словообразовательного анализа — неотъемлемой и существенной стороны этимологии. Можно дать следующее предварительное определение э т и м о н а: германский или индоевропейский этимон — это структурно оформленный на соответствующем германском или индоевропейском этимологическом уровне фономорфологический и семантический комплекс, являющийся исходным для данной лексемы или группы производных образований в германских или индоевропейских языках. Тем самым, в зависимости от избранного исследователем уровня этимологической глубины, а также от поставленной задачи в этимологическом исследовании на первый план может быть выдвинута или лексема, или корень. Спор о примате или только лексемы, или только корня оказывается таким образом бессодержательным. Представляется желательным более подробно остановиться на следующих вопро-

---

[10] О некоторых типах начальных вариаций корня в германском см. в работе: J. V e n d r y e s, À propos de la racine germanique **tend* «allumer», «brûler», в сб. «Choix d'études linguistiques et celtiques», Paris, 1952, стр. 201—205.

[11] O. S z e m e r é n y i, Principles of etymological research in the Indo-European languages, 1962, «II Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft». Innsbruck, 1962, стр. 178.

[12] M. L e u m a n n, Grundsätzliches zur etymologischen Forschung, в его сб. «Kleine Schriften», Zürich-Stuttgart, 1959, стр. 182—191.

сах: структура общегерманского корня и детерминативов, соотношение структурных моделей корня в общеиндоевропейском и в германском, оформление и функции детерминативов на разных этимологических уровнях.

1. Структура общегерманского корня. Вопрос о структуре германского корня и его возможных вариациях в сравнительном германском и индоевропейском языкознании почти не разработан. Остается невыясненным, какие сочетания согласных допускались в абсолютном начале и в исходе корня, какие явления внешнего сандхи могли характеризовать германский корень, каковы были границы варьирования корня в германском. Анализ материала, собранного в словаре Фика-Торпа, позволяет обнаружить значительное разнообразие структурных типов корня в германском, что явствует из нижеприводимой небольшой выборки материала: *kerb-*, *kerz-*, *kelv-/kalv-*, *kizn-*, *keud-*, *kudd-*, *kut-*, *kutt-*, *kūb-*, *kupp-*, *kubb-*, *kub-*, *knakk-*, *kramm-*, *kremp-*, *kleng-*, *klajj-*, *klaiÞ-*, *trah-*, *trenn-*, *trew-*, *dag-*, *dengw-*, *dab-*, *damm-*, *derb-/darb-*, *drabl-*, *dīk-*, *dig-*, *digr-*, *drag-*, *drep-*, *dreus-*, *deuz-*, *skabb-*, *skēl-*, *skel-*, *skerp-*, *strand-*, *snag-*, *smal-*, *spelÞ-*, *swēr-* и т. д. Уже этот недостаточный и случайно подобранный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Наличие значительного количества корней с исходом на геминированный согласный (смычный или сонант) заставляет снова поднять вопрос о происхождении геминат в германских языках. Большинство исследователей отрицает наличие геминат в общегерманском [13]. Х. Вагнер полагает, что фонемизация геминат, встречавшихся в общегерманском относительно редко, происходила в довольно позднее время, в эпоху самостоятельного существования отдельных германских языков [14]. Во всяком случае надлежит выяснить условия оформления общегерманских корней с исходом на геминированный согласный, не отражающих общеиндоевропейских структурных типов корня и, следовательно, являющихся германской инновацией. Данный вопрос должен получить соответствующее освещение в связи с проблемой общегерманской экспрессивной лексики.

2. Обращает на себя внимание полное отсутствие структурного типа д в у с л о ж н ы х корней. Оставляя в стороне вопрос о возможности/невозможности приписать данный тип корня общеиндоевропейскому состоянию и об интерпретации двусложных корней в терминах ларингальной теории, следует подчеркнуть, что германский материал, даже независимо от его хронологической глубины, не дает основания, на основе внутренней реконструкции, для постулирования структурного типа двусложных корней.

3. Не может не броситься в глаза весьма значительное количество типов корней в германском, стоящих в противоречии с допустимыми структурными моделями корня в общеиндоевропейском. Так, рассматривая соотношение лат. *tangō* и гот. *tekan* «прикасаться», А. Мейе указывает на то, что германский требует восстановления праформы в виде **deg-*, что недопустимо с индоевропейской точки зрения, ибо в общеиндоевропейском корень не мог начинаться и заканчиваться звонким смычным. Тем

---

[13] См. «Сравнительную грамматику германских языков», II, М., 1963, стр. 49—54 В какой мере герм. *damm-* восходит к и.-е. *dhabh-mo-*, остается спорным; см. реконструкцию в замечательной монографии О. Семереньи: O. S z e m e r é n y i, Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent, Naples, 1964, стр. 88.

[14] H. W a g n e r, Nordeuropäische Lautgeographie, ZfceltPh, XXIX, 3/4, 1964, стр. 252—253.

самым, полагает А. Мейе, структурный тип корня в германском является вторичным, позднейшим образованием [15].

4. Наконец, следует отметить наличие в германском весьма значительного количества корней с огласовкой /а/. Не приходится сомневаться в том, что высокая частотность фонемы /а/ в германском корнеслове была частично обусловлена явлениями синкретизма, имевшими место в различные периоды истории германского вокализма, благодаря чему индоевропейские фонемы /а/, /о/, /ə/ дали в германском в результате /а/. Однако по подсчетам О. Семереньи [16], общеиндоевропейская фонема /а/ встречается в германском, по данным словаря Фика-Торпа, в 138 словах, что в процентном отношении весьма велико, если учесть относительно невысокую частотность фонемы /а/ в общеиндоевропейском. И с этой точки зрения структурное оформление корня в германском довольно существенно отлично от тех моделей, которые постулируются в классической грамматике индоевропейских языков для общеиндоевропейской структуры корня.

Следует указать на то, что универсализация определенных структурных моделей корня для разных хронологических срезов общеиндоевропейского не может не вызвать возражений [17], но при всем этом важно именно то, что детального анализа требует выяснение условий и возможностей в т о р и ч н о г о характера структурного оформления корня в германском и его соотношения с общеиндоевропейскими моделями. Следует установить, в каком объеме общегерманский отступает от общеиндоевропейских структурных моделей корня и в чем именно сказываются инновации германского в оформлении корня. Данный вопрос имеет принципиальное значение для проблемы индоевропейского корня, которая в настоящее время требует новой постановки [18]. Кроме того, данный вопрос не менее важен для выяснения совсем не разработанной проблемы анлаутных чередований корня в германском. Гетерогенный материал, собранный Я. де Фрисом, и во многом спорная или вовсе неудовлетворительная интерпретация, даваемая им отдельным примерам (ср. др.-исл. *hnøri*, др.-исл. *fnora* «чихать» и совр. норв. *snør* «сопли»; ср. др.-исл. *knykr*, *knykr*, *fnykr*, *snykr*, *nykr* «вонь», ср. др.-исл. *gneggja*, совр. исл. *hneggja*, совр. норв. *kneggja* «ржать») [19] красноречиво говорят о необходимости углубленной разработки данного вопроса, с которым тесно переплетается проблема преформантов в общегерманском, их структурная оформленность и их функции. Необходимо прежде всего выяснить, в какой мере германский материал дает основание для постулирования преформантов *s*, *d*, *w*, принимаемых некоторыми исследователями [20]. Собираясь посвятить осо-

---

[15] A. E r n o u t, A. M e i l l e t, Dictionnaire étymologique de la langue latine, Paris, 1959, стр. 676.

[16] O. S z e m e r é n y i, Structuralism and substratum. Indo-Europeans and Aryans in the ancient Near East, «Lingua», 13, 1, 1964, стр. 11 и 26—29.

[17] См. об этом подробнее в моей работе «Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания», ВЯ, 1965, 4.

[18] Некоторые предварительные замечания содержатся в работе «Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания»; см. также: K. A m m e r, Studien zur indogermanischen Wurzelstruktur, «Die Sprache», II, 4, 1952. Ряд весьма важных и безусловно справедливых замечаний о структуре индоевропейских корней в свете учения Э. Бенвениста о I и II состоянии индоевропейского корня см. в кн.: O. S z e m e r é n y i, указ. соч., особенно стр. 245 и сл.

[19] J. d e V r i e s, Die altnordischen Wörter mit *gn-*, *hn-*, *kn-* Anlaut, IF, LXII, 3, 1955—1956.

[20] См.: P h. C o l i n e t, Essai sur la formation de quelques groupes de racines indo-européennes, I. Les préformantes proto-aryennes, Gent — Leipzig — Löwen, 1892. Ряд важных положений содержит работа: F. E d g e r t o n, Indo-European *s*- movable, «Language», 34, 4, 1958.

бую работу проблеме *s*-mobile в германских языках, ограничусь здесь лишь указанием на то, что до сих пор отсутствует собрание материала по *s*-mobile в германском, а приводимые в этимологических словарях отдельные корреспонденции носят подчас случайный характер и не всегда достаточно обоснованы с этимологической или фономорфологической точки зрения; ср., например, др.-в.-нем. *smelzan*, др.-англ. *meltan*, совр. англ. *to melt*, *to smelt* «плавить (руду); топить; размягчать, таять», др.-англ. *smelt/smylt* «корюшка» (относится к тому же корню?)[21]; нем. *Specht* «дятел» при *picken* «клевать»[22]. Де Фрис приводит в своем словаре при том же образовании нид. *pikken* «клевать, колоть» и нид. *specht* «дятел», *spaak* «спица», *spijker* «гвоздь»[23]. По поводу соположения нид. *rekken* и *strekken* «вытягивать; простирать(ся)», предложенного И. Схрейненом, Я. де Фрис высказывает сомнение, полагая, что корни **reg* и **ster-g* должны рассматриваться обособленно[24] А. Иоуханнессон предлагает объединить при принятии *s*-mobile в одном образовании др.-исл. *hinna*, совр. исл. *himna* «оболочка, пленка, кожица» и др.-исл. *skinn* «кожа, шкура, мех»[25], а др.-исл. *skakkr* «кривизна», совр. исл. *skakkur* «кривой, косой, хромой» он сополагает с др.-исл. *hinkra* «хромать, мешкать, ждать»[26]. Х. Кун приводит обширный материал из германских языков с чередованием *sk*/*k*; ср. др.-исл. *skarpr* «острый» и *herpa* «стягивать»[27] и под. примеры. Де Фрис сополагает исл. *Þorn* «шип» и исл. *stirðr* «застывший, неповоротливый», возводя оба образования к и.-е. *(s)ter* «быть неподвижным, застывать»[28]. В отношении *s*-mobile в германских языках остается выяснить, следует ли чередование (*s* + Kons./Kons.) рассматривать с германской точки зрения как вариации начала корня или как преформант, иначе говоря: является ли преформант в общегерманском одним из компонентов структуры слова или он является лишь одной из разновидностей корня?

2. Проблема детерминативов в общегерманском. В настоящее время важнейшей предпосылкой для создания индоевропейского словообразования должна явиться общая теория детерминативов. Монографии П. Перссона[29], представляющие большую ценность по собранному материалу, далеко не отвечают уровню современного состояния разработки сравнительной грамматики и этимологии индоевропейских языков. Общая теория детерминативов должна исходить из того, что в отдельных ареалах индоевропейской языковой общности с течением времени происходили подчас весьма существенные преобразования, касавшиеся всей структуры слова, следствием чего явились неоднократно имевшие место процессы переинтеграции компонентов словесной структуры именных и глагольных основ, в том числе корня и детерминативов. Но и на протяжении длительной истории самого общеиндоевропейского языка неодно-

[21] F. Holthausen, Altenglisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1934, стр. 218 и 301; F. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 19-te Aufl., Berlin, 1963, стр. 663.

[22] F. Kluge, указ. соч., стр. 722.

[23] I. de Vries, Nederlands etymologisch woordenboek, Leiden, стр. 520.

[24] Там же, стр. 571.

[25] A. Jóhannesson, Isländisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1956, стр. 826.

[26] Там же, стр. 827.

[27] H. Kuhn, *Scharf*, «Festgabe für K. Wagner», Gießen, 1960.

[28] I. de Vries, Altnordisches etymologisches Wörterbuch, стр. 549 и 617; см. также: S. Fries, Studier över nordiska trädnamn, Uppsala, 1957, стр. 236 и сл.

[29] P. Persson, Studien zur Lehre von der Wirzelerweiterung und Wurzelvariation, Uppsala, 1891; его же, Beiträge sur indogermanichen Wortforschung, 1—2, Uppsala, 1912.

кратно наблюдались многоступенчатые процессы парадигматизации первоначально гетерогенных деривационных рядов и лексикализации отдельных звеньев парадигмы и становление на их основе новых деривационных рядов. Тем самым на разных этапах развития общеиндоевропейского языка иерархическое отношение между деривационным и парадигматическим уровнями неоднократно менялось. В связи с этим можно утверждать, что структурное оформление слова в разные периоды общеиндоевропейского языка, а также и в более позднее время не могло оставаться неизменным, и, следовательно, структура индоевропейского корня и его соотношение с различными детерминативами и суффиксами, наконец, структурная оформленность детерминативов, их функциональная нагрузка и принципы их выделения и членимость точно так же были подвержены многообразным и существенным преобразованиям. Как раз одним из существенных недостатков ценной и важной монографии Ф. Шпехта о происхождении индоевропейского склонения является однолинейное, статическое рассмотрение детерминативов *k/g*, *t/d*, *s*, *e/o*, *i*, *u*, *l/r*, *n*, *men* во всех индоевропейских языках, безоговорочное принятие их хронологической вездесущности, что в значительной мере обесценивает полемику Ф. Шпехта с Э. Бенвенистом по вопросу о древнейшей структуре индоевропейского корня и детерминативов и делает ее бессодержательной. Следовательно, для разных периодов общеиндоевропейского языка и для позднейших периодов стабилизации отдельных индоевропейских ареалов необходимо установление нескольких структурных моделей корня в его соотношении с детерминативами. Следует подчеркнуть, что теория индоевропейского корня, предложенная Э. Бенвенистом, оказывается оперативной и применимой лишь к древнейшему (или раннеиндоевропейскому) состоянию общеиндоевропейского языка [30]. Тем самым оказывается вполне закономерной постановка вопроса о том, в какой мере можно принимать в отношении к общегерманскому языку структурную членимость на корень и детерминатив и каково в таком случае соотношение германских и индоевропейских детерминативов? В специальной литературе данный вопрос даже не был поставлен, благодаря чему остается совершенно неясным, на каком этимологическом уровне: германском или индоевропейском — производит исследователь вычленение детерминативов. Можно указать в качестве примера на разработку словарной статьи *skera* Я. де Фрисом в его «Древнесеверном этимологическом словаре». Автор указывает на то, что и.-е. корень **sker* имеет много детерминативов, а именно в древнескандинавском представлены следующие [31]:

детерминатив	(d)	ср. *skorta, skratti, skyrta*
»	(t)	ср. *skarð, skerða, skorða*
»	(b)	ср. *skarpr, skrapa*
»	(p)	ср. *skarfr, harfr*
»	(m)	ср. *skarmr, skremsl, skráma*
»	(n)	ср. *skran, skurn*
»	(s)	ср. *skars*
»	(l)	ср. *hjarl*
»	(ei)	ср. *skrifa*
»	(eu̯)	ср. *skrjoðr, skráð*

Любопытно отметить, что Я. де Фрис в «Нидерландском этимологическом

[30] Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование, М., 1955 (ср. справедливые замечания Б. В. Горнунга в той же кн. Бенвениста, стр. 254). О роли *s* в сочетании с *t* см. в работе В. Майда, где собран большой материал из германских языков: W. Meid, Über *s* in Verbindung mit *t*-haltigen Suffixen besonders im Germanischen, IF, 69, 3, 1964.

[31] J. de Vries, Altnordisches etymologisches Wörterbuch, Leiden, 1961, стр. 490.

словаре» в словарной статье *scheren* дает то же распределение детерминативов уже применительно к современному нидерландскому языку [32]:

детерминатив (d) : ср. *schort*
» (t) : ср. *schaarden, schrander*
» (b) : ср. *scherp, schrapen*
» (p) : ср. *scherf, schraven*
» (n) : ср. *scheerling*
» (m) : ср. *scherm*
» (s) : ср. *scharrelen*
» (ei) : ср. *schrijven*
» (eu̯) : ср. *schroeien*

Следует со всей определенностью указать на то, что вышеприведенные примеры ни в какой мере не являются единичными; они отражают общепринятую методику исследования в индоевропейском сравнительном языкознании. Можно было бы принять подобную методику исследования в том случае, если бы удалось доказать, что в общегерманском детерминативы распределены примерно так же, как и в других индоевропейских языках, и что принципы членимости детерминативов в германском такие же, как и в общеиндоевропейском. Однако принципы членимости детерминативов, следовательно, их место и их функции в германском существенно отличны от индоевропейского состояния. Вопрос о соотношении германских и индоевропейских детерминативов неудовлетворительно решается прежде всего потому, что все исследователи не проводят никакого различия между детерминативом и формативом.

Можно указать на Ф. Шпехта, который в своей монографии о происхождении индоевропейского склонения в о д н о м ряду рассматривает детерминатив /s/ в таком германском образовании, как др.-в.-нем. *flahs* «лен» и в *s*-основах (в германском *s*→*r* по известному акцентному закону), или детерминатив *k*/*g* в германском словообразовании и в парадигме некоторых местоимений. Г. Хирт прямо настаивает на тождестве детерминативов и формативов. Перечисляя индоевропейские детерминативы *om*, *i*, *u*, *ā*, *k*, *g*, *t*, *d*, *r*, *l*, *s*, *n*, *w*, Г. Хирт указывает на то, что детерминативы *om*, *i*, *u*, *ā*, *s* использовались также для падежных окончаний [33]. В то же время следует решительно отвергнуть подобную точку зрения. Если в диахроническом плане детерминативы и форматив могут быть возведены к тождественным единицам, что может быть доказано далеко не во всех случаях, то в синхронном плане детерминативы и форматив представляют качественно различные образования. Детерминативы являются одной из конститутивных единиц деривационного уровня, форматив является одной из конститутивных единиц морфологического или парадигматического уровня. Независимо от своего происхождения они существенно различны функционально и по месту, занимаемому ими в определенной подсистеме. Можно указать и на некоторые формальные различия: так, детерминатив /s/ в германском, выступающий в таких образованиях, как др.-швед. *lō* «рысь» < герм. *luha* — при др.-в.-нем. *luhs* < герм. *luhsa*-; или др.-исл. *fóa* «лисица» < герм. *fuhōn*, гот. им. падеж мн. числа *fauhons* при др.-сакс. *fohs*, др.-англ. *fox*,— представлен лишь одним аллофоном /s/ [34]; в то же время форматив /s/ в *s*-основах в

[32] J. d e V r i e s, Nederlands etymologisch woorderboek, Leiden, 1964, стр. 615.
[33] H. H i r t, Indogermanische Grammatik, III — Das Nomen, Heidelberg, 1927, стр. 86; е г о ж е, Handbuch des Urgermanischen, II, Heidelberg, 1932, стр. 6—11.
[34] E. H e l l q u i s t, Svensk etymologisk ordbok, Lund, 1957, стр. 247 и 583—584; I. P o k o r n y, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern — München, 1959, стр. 690.

германском представлен алломорфами [z → r]. В порядке предварительного наблюдения можно установить, что в германском детерминативы не склонны к альтернациям, в то время как формативы обнаруживают типичные для германского фономорфологические чередования. Тем самым представляется необходимым описание общегерманских детерминативов в синхронном плане, что позволит определить их соотношение с индоевропейскими детерминативами, а также их известную продуктивность на разных этапах развития общегерманского языка. Так, рассматривая судьбу индоевропейского детерминатива /dh/ в германском, В. Леман приходит к выводу о его продуктивности в германской деривации [35]. Важность синхронного описания германских детерминативов диктуется также тем, что это позволит выяснить вопрос о границах вариации исхода корня в общегерманском. Интеграция детерминатива с корнем происходила и в общеиндоевропейском, и в общегерманском; надлежит установить, в какой мере интеграция приводила в индоевропейском и в германском к сходным и к различным результатам. В связи с вопросом о соотношении индоевропейских и германских детерминативов или, скорее, в связи с вопросом о принципах членимости индоевропейских детерминативов в разные периоды общегерманской языковой общности самого пристального внимания заслуживает проблема так называемых рифмованных образований (Reimwortbildungen) в структурном оформлении корня и детерминатитов в индоевропейском и в германских языках. Данная проблема, на исключительную важность которой еще в конце прошлого года указывал К. Бартоломе: «Рифмованные образования с древнейших времен были чрезвычайно мощным фактором в истории языка» [36] — была поставлена и получила довольно фрагментарное освещение в известной монографии Г. Гюнтерта, который специально рассматривал вопрос о соотношении рифмованных образований и детерминативов в индоевропейских языках. В этой связи Г. Гюнтерт подчеркивал: «С другой стороны, трудно понять, почему Перссон не хочет придавать большого значения рифмованным образованиям. Из того, что *ker-* и *kert-* сосуществуют, еще вовсе не следует, что *kert-* образовано при помощи суффикса *t* из *ker-*, где *t-* выступает в роли детерминатива; ведь *ker-* могло быть преобразовано в *kert-* по модели другой базы, например *ɣert-*» [37]. Данная проблема будет подробно освещена в другой работе. Тем самым описание структуры общегерманской лексемы получает свое завершение, а это позволит в свою очередь дать более обоснованный и строго научный анализ этимологического аспекта общегерманской лексики.

---

[35] W. P. Lehmann, The Indo-European *dh-* determinative in Germanic, «Language», XVIII, 2, 1942.

[36] Chr. Bartholomae, [рец. на кн.:] P. Persson, Studien zur Lehre..., «Wochenschrift für klassische Philologie», 1892, стр. 397.

[37] H. Güntert, Über Reimwortbildungen im Arischen und Altgriechischen, Heidelberg, 1914, стр. 196.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1965

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Ф. ЛОСЕВ

О МЕТОДАХ ИЗЛОЖЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ ДЛЯ ЛИНГВИСТОВ

Предлагаемый очерк не имеет в виду делать какие-нибудь положительные предложения по вопросам математической лингвистики, а ставит своей целью сформулировать некоторые критические замечания относительно вошедших в практику, и с точки зрения автора данного очерка, нецелесообразных методов изложения этой науки. Никак нельзя считать удовлетворительным то положение дела, что многотысячная масса лингвистов, работающих в научных институтах, вузах и средних школах, относится к этой науке либо равнодушно, либо даже враждебно, а ее представители излагают ее в форме, малодоступной даже для самых передовых лингвистов. Внимательное изучение всей математически-лингвистической литературы, которая стала теперь весьма обширной, убеждает нас в том, что этот разрыв отнюдь не случаен и связан с глубокими особенностями математической лингвистики. Он не только вреден для развития лингвистики, но еще и вызван искусственными причинами, которых не так трудно избежать. Основная причина этого разрыва заключается в том, что язык, будучи явлением социальным и прежде всего орудием разумного человеческого общения, ни в какой мере не охватывается только одними количественными операциями и что эти количественные операции имеют смысл только при условии существенной связи с языковой спецификой. Такие категории, как структура или модель, уже давно нашли почетное место в науке и технике, и их использование в лингвистике является не только делом естественным, но и вполне современным. Но можно ли свести язык на математические формулы? То, что мы называем словом, если иметь в виду контекст человеческой речи, обладает бесконечными семантическими оттенками и бесконечными грамматическими возможностями. Даже простой звук человеческой речи настолько бесконечен по своим артикуляционным и акустическим свойствам, что для него возможны только самые общие математические обозначения, и их невозможно выразить во всех их оттенках методами математики. Насильственное применение математических формул в области языка, особенно без использования данных так называемой традиционной лингвистики, неизбежно приводит к невероятной путанице и в теории языка, и в области изложения лингвистической науки. Чтобы это показать на деле и чтобы эта критика была вполне ясной, мы сейчас возьмем отнюдь не всю математическую лингвистику, а только одну ее проблему, именно проблему языковой модели, и по преимуществу проблему только фонологической модели. Кроме того, мы возьмем для своей критики не все множество авторов, писавших на эту тему, а только одного автора и ограничимся только одной его работой. Иначе критика будет слишком общей и не сумеет показать традиционного метода изложения математической лингвистики во всей его конкретности. Мы остановимся на книге И. И. Ревзина «Модели языка» (М., 1962).

В предисловии к своей книге И. И. Ревзин пишет, что он постепенно преодолел «первоначальное увлечение чисто внешней стороной математической символики» и понял, что «математические идеи в лингвистике плодотворны лишь там, где они связаны с ясным представлением о чисто лингвистической стороне тех или иных явлений» (стр. 3). Автор подчеркивает в этом предисловии, что он хочет построить «именно лингвистическую, а не математическую теорию моделей» (стр. 5). Он настолько отделяет лингвистическую сторону от математической символики, что пользуется этой последней только в конце своей книги, в особом приложении. Таким образом, читатель-лингвист, по мысли самого автора, вполне имеет право ожидать от него именно лингвистического понимания модели и притом такого понимания, которое возникало бы не путем случайных догадок или домыслов, но в результате систематического изложения этого предмета у автора, поскольку самый термин «модель» в традиционной лингвистике не употребляется.

Что же мы находим на эту тему у автора?

Автор нигде не дает точного определения термина «модель». Это видно уже из названия первой главы —«Типы моделей языка» и первого параграфа первой главы —«Дедуктивные методы в лингвистике». Казалось бы, сначала нужно было бы дать точное определение языковой модели, а уже потом говорить о типах языковых моделей. Изложение же вопроса о дедуктивных методах в лингвистике сразу погружает нас в очень трудные общенаучные проблемы индукции и дедукции, еще далее уводя от определения того, что такое языковая модель. Кроме того, вопрос об индукции и дедукции излагается автором чрезвычайно кратко и не находит никакого определенного или решительного ответа.

У автора книги тут несомненная путаница, потому что, с одной стороны, он утверждает: «Все же целесообразно выделять науки дедуктивные и науки индуктивные с точки зрения того, какие методы преобладают в данной науке» (стр. 7); а с другой стороны, по мнению автора, «конечно, не бывает чисто индуктивных или чисто дедуктивных наук» (там же). В такой форме лучше было бы вообще не касаться вопроса о дедукции и индукции. Если автор хотел бороться с хаосом бесконечного числа индуктивных наблюдений в языках, то совершенно непонятно, какую пользу принесет ему в этом деле дедукция. Убежденный индуктивист будет бороться с хаосом эмпирических наблюдений все равно при помощи этих же последних, а не при помощи дедукции, которую он не понимает и для которой автор книги не дает никаких существенных разъяснений.

Само определение модели в этой основополагающей главе работы сначала дается бегло, как бы случайно. Именно в контексте рассуждения об индукции и дедукции промелькивают слова относительно моделирования, сущность которого, по мнению автора, «заключается в том, что строится некоторая последовательность абстрактных схем, которые должны явиться более или менее близкой аппроксимацией данных конкретной действительности» (стр. 8). Если автор книги считает это определением языковой модели, то: 1) нельзя такие определения давать бегло, в виде замечания к другому, в данном случае более важному предмету рассуждения; 2) слова «некоторая последовательность абстрактных схем» непонятны никому из тех, кто впервые приступает к изучению этого предмета (какая это «некоторая», что это за «последовательность» и что это за «схемы»,— об этом в книге ни слова); 3) «аппроксимация данных конкретной действительности»— слова, которые без специального разъяснения никакого смысла в себе не содержат.

Что это определение языковой модели сам автор не понимает как определение, видно из того, что в конце рассматриваемого параграфа дается

еще новое определение. Оно тоже носит совершенно случайный характер. Здесь говорится о том, что моделирование есть метод, исходящий из «некоторых наиболее общих черт конкретных языков» (стр. 8). Однако и все традиционное языкознание, не знающее понятия модели, тоже исходит из тех или других общих языковых наблюдений, поскольку без обобщений не существует никакой науки.

Моделирование, согласно автору, «формулирует некоторые гипотезы о строении языка как абстрактной, семиотической системы» (стр. 8). Это тоже едва ли можно считать логически точным определением моделирования. Уже одно то, что здесь мы находим указание лишь на «некоторые гипотезы», делает это определение достаточно туманным. Всякий спросит, какие же это такие «некоторые гипотезы». Далее для представителя традиционного языкознания не очень понятно выражение «абстрактно-семиотическая система». На основании греческого словаря каждый лингвист будет знать, что семиотика есть учение о знаках. Но каждому лингвисту ясно также и то, что язык вовсе не есть только знак или система знаков. Значит, моделирование языка еще не есть языкознание в целом, а только некоторая его сторона. Как же именно эта семиотическая сторона языка относится к самому языку, об этом в книге И. Ревзина ничего не говорится а, следовательно, и сама семиотика, и тем более «абстрактно-семиотическая система», является не очень понятной.

Наконец, при исследовании языковых моделей необходимо, думает автор, устанавливать, «в каком отношении находятся следствия из этих гипотез и факты реальных языков, описываемые конкретными лингвистическими дисциплинами» (стр. 8). Но сказано это у автора опять-таки чересчур отвлеченно, потому что всякий представитель традиционного языкознания обязательно скажет, что он тоже только и занимается проверкой своих гипотез на более или менее обширном множестве фактов.

Таким образом, в этом параграфе о дедуктивных методах в лингвистике автор, может быть, и оперирует каким-то точным определением языковой модели, но этого определения для читателя он не раскрывает.

Наконец, понятие языковой модели автор еще раз пытается вскрыть в § 2, где он противопоставляет модель и ее интерпретацию. Автор исходит здесь из традиционной в математике логизации математического предмета, которая выставляет сначала самые общие категории математического мышления, не подлежащие никакому определению, ясные сами собой, затем — связь этих категорий в небольшое число основных аксиом, лежащих в основе данной математической дисциплины, и, наконец, путем чистой дедукции из этой системы аксиом выводится конкретное содержание данной математической дисциплины в виде известного числа тех или других теорем, доказываемых на основе допущенных категорий и аксиом. Лингвист, который знакомится с подобного рода утверждениями автора, прежде всего спросит себя: причем тут математика и как доказать полное тождество математических и лингвистических дедукций? Никакого доказательства в рассматриваемой книге мы не находим, а оно, несомненно, есть или может быть. Почему же оно в таком случае не приводится в руководстве, предназначенном как раз для лингвистов? Кроме того, если существует полная аналогия в логизации математики и лингвистики, то ведь логизация какой-нибудь математической дисциплины прямо и начинается с установления исходных категорий и из объединения этих категорий в аксиомы. Так, например, логизация геометрии начинается с фиксирования основных геометрических образов: точки, линии, плоскости, тела. Лингвист, желающий построить лингвистику по типу математики, казалось, и должен был бы начать с установления такого же рода первичных и далее уже не разложимых категорий или образов, за которыми тут же должны

были последовать и соответствующие лингвистические аксиомы. Тогда это была бы очевидная и понятная логизация или формализация всей лингвистической области, и всякий лингвист только приветствовал бы подобное логическое упорядочение своего спутанного и слишком уж сложного предмета. Однако никакого намека на подобного рода языковую логизацию в разбираемой книге мы не находим. И читателю приходится принимать на веру, что между математикой и лингвистикой есть такая близкая аналогия, и смутно гадать на тему, какие именно исходные категории и аксиомы лежат в основе его предмета.

Однако посмотрим, что же именно говорит автор для того, чтобы определить языковую модель? С удивлением мы отмечаем, что в начале § 2 автор не только ничего не говорит специально о языковой модели, но выставляет такое положение, которое можно применить ко всем моделям вообще и даже не только к языковым моделям. «Из всего многообразия понятий, накопленных данной наукой, отбираются некоторые, которые удобно считать первичными» (стр. 9). Во-первых, всякая реальная наука, не преследующая никаких целей логизации или формализации и даже не оперирующая никаким понятием модели, всегда начинает с установления самых общих и основных понятий. Тут нет ровно ничего характерного для учения о моделях. Во-вторых, здесь характерен субъективно-идеалистический и релятивистский налет в самом способе выражения. Употребляется такой термин, как «отбор» понятий. А в других случаях математические лингвисты щеголяют также термином «набор» понятий или элементов. Подобного рода термины тоже берутся из релятивистской математики, на каждом шагу подчеркивающей полную произвольность и субъективность понятий, выбираемых в качестве основных. Тут же говорится об «удобстве» считать те или иные понятия первичными. Мы привыкли думать, что первичными понятиями в каждой дисциплине являются вовсе не те, которые «удобно» «отобрать» и «набрать» в качестве первичных. С нашей точки зрения, первичны те понятия, которые первичны для самого бытия, для той действительности, которая отражается в понятиях. При чем тут «отбор» или «набор» или «удобство»? Такие выражения совершенно ничего не дают для логической структуры какой-нибудь области, будь то математическая или лингвистическая, а только отражают собою субъективно-идеалистическую или релятивистскую направленность соответствующих мыслителей или авторов.

Далее, автор пишет, что «фиксируются некоторые отношения между этими первичными понятиями, которые принимаются в качестве постулатов» (стр. 9). Этот способ выражения также мало удовлетворителен. Во-первых, здесь — синтаксическая двусмыслица, так как остается непонятным, что считать постулатами, отношения или понятия. Во-вторых, почему здесь говорится только о некоторых отношениях? Понимать ли эти отношения как «какие бы то ни было» или как «определенного и специфического рода»? В-третьих же, и это самое главное, какие же это такие лингвистические постулаты? Автор не только их не перечисляет, но даже не приводит ни одного из них для примера.

Итак, до сих пор ясно только то, что языковая модель есть абстрактное понятие, что и подтверждается специальным заявлением автора: это — «абстрактный объект», не зависящий от природы элементов, или «абстрактная конструкция», даже «чистая фикция». Неужели это определение языковой модели?

Термин «абстракция» уже не раз подвергался глубокому изучению в марксистской литературе. Выяснено, что термин этот может иметь весьма разнообразное смысловое содержание. Научное понятие «абстракции» несовместимо с пониманием абстракции как некоей фикции. Абстракция

есть отражение реального бытия, впервые дающее возможность понимать бытие как нечто закономерное. Всякий закон природы, например какой-нибудь закон притяжения тел, взятый сам по себе, вполне абстрактен, и тем не менее, именно благодаря законам притяжения впервые только и становится возможным получить конкретную и вполне закономерную картину притяжения (например, в пределах солнечной системы). Почему же в таком случае абстракцию нужно считать фиктивной? Термин «фикция» в мировой литературе тоже получил большую дифференциацию своего значения. Ясно, что термины «абстракция» и «фикция» употребляются автором некритически.

Но все это еще не самое главное. Самое главное — это то, что автор книги находит возможным говорить о модели без того о р и г и н а л а, моделью которого она является и без которого она вовсе не модель, а просто самостоятельно данный предмет.

С точки зрения общего чувства языка, всякому ясно, что модель всегда есть модель ч е г о - н и б у д ь. Другими словами, модель предполагает определенный оригинал, без которого она вовсе не является никакой моделью. Понятие оригинала модели обязательно должно входить в определение самой модели, но, давая свое первичное определение модели, автор, как мы видели, ни о каком оригинале модели не говорит ни одного слова. И только в дальнейшем, выясняя отношение абстрактной модели и ее конкретной интерпретации, автор, опять только совершенно случайно, заговаривает о важности изучения интерпретаций для выяснения связи интерпретации модели с ее оригиналом. А почему для всякой модели есть оригинал, если модель определена только в качестве абстрактного и фиктивного понятия? И в чем вообще заключается связь модели с ее оригиналом? Эти вопросы в данной главе — основное для определения языковой модели — не рассматриваются и даже не ставятся. Получается так, как если бы конструктор самолета конструировал самолет, не обращая внимания на те объективные и материальные особенности, которыми должен обладать его самолет, чтобы выполнять свою функцию планомерного летания по воздуху. Чертежи и вычисления конструктора имели бы в этом случае свое самодовлеющее значение, отвечая любым абстрактным фикциям конструктора вне всякого соотношения с возможным объективным оригиналом, отвечая любым и каким угодно «наборам» и «отборам» произвольных «фикций» и нарочитых выдумок.

Вопрос этот не какой-нибудь второстепенный или необязательный, но чрезвычайно принципиальный. Дело в том, что понятие модели зарождалось и распространялось в кругах, весьма далеких от диалектического материализма. Всегда была тенденция рассматривать модель в ее абсолютной данности вне всякой связи с той действительностью, которую она отражает. В этом плане рассматривает ее и автор анализируемой нами книги. Однако модель, как и все языковые категории, должна быть изучаема только в качестве о т р а ж е н и я соответствующей действительности. Это не значит, что язык и языковые категории являются прямым отражением действительности. Они являются только косвенным отражением действительности, только известным ее пониманием, только известной ее интерпретацией, а часто даже и ее искажением. В конце концов язык, будучи явлением человеческого сознания, безусловно уходит своими корнями в стихию действительности и в конце концов является ее отражением. Но, повторяем, отражение это — косвенное, интерпретативное. В качестве такового оно в свою очередь является той действительностью, которая подвергается моделированию. Будучи орудием общения разных сознаний и не будучи прямым отражением действительности, он все же сам по себе уже является той действительностью и тем естественным ориги-

налом, который задан для соответствующего моделирования. И поэтому модель, рассматриваемая только в качестве структуры, вовсе не есть модель. Моделью является только та структура, которая есть общение разных сознаний, т. е. в конце концов она уходит в стихию действительности, так или иначе отражаемой в сознании. Теория языковых моделей, не связанная с понятием оригинала моделей и с теорией отражения, есть весьма порочная теория. Ее последовательное проведение предполагает принципиальную борьбу с диалектическим материализмом и опирается на беспредметные структуры сознания, игнорируя вообще проблему сознания. Но язык, трактуемый вне проблем сознания, и языковое сознание, трактуемое не как орудие общения и вне всякой теории отражения, может выдвигаться только в порядке наступления вообще на диалектический материализм. Поэтому всякая теория языковых моделей, не базированная на указанных принципах, даже и в условиях ясной и логической ее трактовки, есть порочная теория, не говоря уже о темных и противоречивых ее формулировках.

До настоящего пункта, таким образом, в анализируемой нами книге уже дано по крайней мере четыре разнородных и плохо связанных между собою определения языковой модели: первичное, или исходное, общее языковое понятие; последовательность абстрактных схем с аппроксимацией к действительности; абстрактная и чистая фикция; гипотеза из области строения языка как семиотической системы.

Оказывается, что у автора есть еще пятое определение модели, которое он дает на стр. 10. Здесь автор пишет, несмотря на все предыдущие данные им определения модели: «Перейдем теперь к характеристике круга исходных первичных понятий, из которых строится большинство лингвистических моделей». Значит, то, что выше говорилось у него об абстрактности, фиктивности, наличии системы абстрактных схем и об аналогии с математической логизацией, сам автор теперь уже не признает «кругом исходных первичных понятий». Кроме того, он собирается говорить не просто о языковой модели, но только пока еще о «большинстве» таких языковых моделей. У всякого читателя тут сразу возникает логическое беспокойство: значит, опять-таки не будет вскрываться само понятие языковой модели, а какое-то неопределенное «большинство» этих моделей? И значит, имеются еще какие-то другие языковые модели, которые не будут охвачены этим понятием? Но оставим это в стороне и посмотрим, о каком же понятии языковой модели автор сейчас будет говорить.

Прежде всего, автору книги удивительным образом представляется, что традиционное языкознание, например, в области акустической фонетики, обязательно оперирует каким-то «континуумом» звуков. Это и непонятно, и неверно. Ведь континуум звуков, т. е. непрерывность переходов между ними, равносилен какому-то завыванию, мычанию, блеянию, шипению, гудению, рычанию, писку, свисту и т. д. и т. д. Неужели старая физиология звуков речи имела дело только с такими звуками? Когда мы говорим в традиционном языкознании, например, о губных, зубных или задненебных звуках, неужели мы ничего не имеем в виду, кроме сплошного континуума звуков? Далее, оказывается, что о дискретных звуках может говорить только математическая лингвистика. И даже больше того, только теория моделей, оказывается, и может говорить об отдельных дискретных звуках. На это нужно сказать, что ни один традиционный лингвист не согласится с таким положением дела. Для того чтобы говорить о дискретных звуках, вовсе не надо никакого учения о языковых моделях. Автор книги идет еще дальше того: он с большим сочувствием цитирует американского лингвиста М. Джуза, по мнению которого, лингви-

стика есть отрасль «дискретной математики». Однако дискретность элементов в лингвистике всегда существовала без всякой математики, а математика вовсе не занимается только дискретными элементами. И дискретность, и непрерывность всегда сосуществовали и в лингвистике, и в математике без всякого влияния этих дисциплин друг на друга. И совершенно неизвестно, почему дискретность лингвистическая обязательно должна вести к дискретности математической. Дискретность звуков речи настолько же математична, насколько и дискретность всего существующего, например дискретность предметов, находящихся в этой комнате. Резюмировать всю эту путаницу можно с помощью такого силлогизма: традиционная лингвистика имеет дело только с континуумом звуков; не-континуум звуков, т. е. отдельные дискретные звуки, возможен только в учении о моделях; следовательно, учение о дискретных звуках есть часть математики.

После этих путаных замечаний автор, наконец, переходит к намеченному им выше определению языковой модели. Но теперь, вопреки указанному у нас выше ограничению только «большинством» языковых моделей, автор говорит уже о «всех» языковых моделях.

«Во всех моделях языка в качестве исходного рассматривается понятие некоторого элемента», причем в следующей фразе уже говорится об исходном элементе. В качестве примера такого исходного элемента в фонетике признается звук, а в синтаксисе так называемая словоформа. При этом вводится никак не разъясняемое понятие уровня языка, так что речь идет о «фонологическом» и о «синтаксическом» уровне. Самый термин этот заставляет подозревать, что автор исходит из какой-то иерархии языковых областей, поскольку один уровень мыслится ниже, другой — выше. Но в чем заключается эта иерархия, об этом ничего не говорится.

Далее, кроме исходного и первичного элемента, в модели мыслится еще какой-то «кортеж», под которым автор понимает «любую упорядоченную последовательность элементов». Здесь вводится математическое понятие «упорядочение», тоже опять оставляемое без всякого разъяснения. Эта последовательность элементов тут же обозначается при помощи латинской буквы x с разными значками, как будто бы это дает что-то новое для понимания последовательности элементов. Примеры, приводимые здесь автором, терминологически непонятны. Если для фонологии первичным элементом является звук, то что такое «фонетическое слово» (стр. 11), которое приводится автором как характеристика кортежа? К тому же и сам автор ставит это выражение в кавычках (некоторое разъяснение этого термина находим только на стр. 21, вне контекста определения). И далее, если для исходного элемента на синтаксическом «уровне» характерна, согласно автору, какая-то «словоформа», то для кортежа — «фраза». На этот раз лингвистические интерпретации теоретико-множественных понятий, «словоформа» и «фраза», автором книги не ставятся в кавычках, но от этого сущность дела не меняется. Что такое словоформа, не известно, и что такое фраза в математически-лингвистическом смысле — тоже не известно. Или «фразу» тут надо понимать и не математически и не лингвистически, а просто обывательски? Но уже небольшое наблюдение над функционированием этого термина в обывательской речи указывает на его многосмысленность и достаточную запутанность. Итак, ясных примеров на исходный элемент и на кортеж элементов автор книги не сумел привести.

Наконец, для определения модели оказывается необходимым еще «понятие разбиения множества элементов на подмножества». «Иначе говоря, обычно считается заданной некоторая система подмножеств исходного

множества, и для каждого элемента указано, к каким множествам он принадлежит» (стр. 11).

Все это определение языковой модели (по нашему счету, уже пятое) усыпано математическими понятиями («множества», «подмножества», «упорядоченность», «разбиение» множества на подмножества), которые никак не определяются у автора книги. Что же остается делать лингвисту, не знакомому с математикой? Сам же автор обещал изложить нам математическую лингвистику так, чтобы она была понятна для лингвистов. Почему же в таком случае он оставляет эти математические понятия решительно без всякого объяснения? А между тем, если бы автор постарался объяснить эти сложные математические понятия, то здесь вскрылся бы основной характер понятия модели, упущенный автором книги в приведенных выше пяти определениях модели. К сожалению, в данном месте, не вскрывая наших собственных построений, мы можем рассуждать только догматически. А догматически вся эта теория множеств и их разбиение на классы есть не что иное, как теоретико-множественное учение о структуре, т. е. о том понятии, которое автор книги либо вообще не употребляет, либо употребляет в обывательском смысле. Но можно ли построить теорию языковых моделей, не вводя принципа структуры в это построение?

Впрочем дело здесь, к сожалению, не только в разъяснении математических понятий и даже не в отсутствии принципа структуры. Допустим, лингвист решил проштудировать какой-то небольшой курс, посвященный теории множеств. И, допустим, он добился ясного представления того, о чем говорит здесь автор книги. Все равно долгожданного им определения языковой модели он не получит. И вот почему.

Указываемые в книге три момента языковой модели (в этом ее, как сказано, пятом определении) даны в такой отвлеченной и взаимно изолированной форме, что объединить их в единое понятие модели никак не представляется возможным.

Во-первых, какое отношение или какая связь между исходным элементом и кортежем элементов? Если все это оставить в такой изолированной форме, то подобного рода моменты определения относятся решительно к любым объектам реального мира.

Во-вторых, эта отвлеченность взаимно изолированных и только арифметически перечисленных моментов определения модели получилась у автора потому, что он понимает языковую модель как нечто плоское, нерельефное, самостоятельное и коррелятивно ни с чем не связанное. Тем не менее модель относится к тому кругу понятий, само определение которых не может осуществиться без соотношения их с другими понятиями, для них коррелятивными. Ведь нельзя понять самое слово «план», если при этом не иметь в виду, что всякий план нечто планирует. Нельзя понять, что такое «чертеж», «рисунок», «образ», «образец», «репродукция» и т. д., если не учитывать того, что существуют какие-то предметы или оригиналы, в отношении которых употребляются зафиксированные в этих терминах понятия. К числу этих понятий относится и понятие модели. Для всякой модели нужен тот или иной оригинал, который определенным образом воспроизведен в данной модели. Может быть, то, что автор называет исходным элементом модели, и есть этот ее оригинал или прообраз, ее принцип? Неизвестно. Или, может быть, языковая модель есть только сокращенное воспроизведение того или другого языкового явления, перенесенная таким образом из общеязыкового субстрата в область логического аппарата нашего мышления? Неизвестно. Или, может быть, это есть перенесение не в область логических определений, но в область материально-технической аппаратуры? Неиз-

вестно. И вообще читатель разбираемой нами книги может тут гадать и фантазировать сколько ему угодно; но понять из даваемого автором изложения, что́ такое языковая модель, ему все равно не удастся. Автор книги поступает здесь так, как поступал бы тот, кто давал бы определение часового механизма путем простого перечисления составляющих его частей, без указания общего принципа, который лежит в основе часового механизма, и без разъяснения взаимной связи отдельных частей этого механизма.

В дальнейшем идут указания на разные типы языковых моделей. Можно было бы спросить: о каких же типах языковых моделей будем мы говорить, если неизвестно, что такое сама языковая модель?

Прежде всего, автор делит языковые модели на аналитические и синтетические, в зависимости от того, «исходим ли мы из множества отмеченных кортежей (аналитическая модель) или получаем отмеченные кортежи в результате некоторых операций (синтетическая модель или, как иногда говорят, модель порождения)» (стр. 12). Этот неясный способ выражения поясняется, однако, очень просто. А именно, аналитическая модель, оказывается, там, где мы исходим «от речевых фактов к системе языка»; синтетическая же — там, где мы идем «от системы языка к речевым фактам». Правда, и тут не плохо было бы пояснить, что́ такое «речевой факт» и что́ такое «система языка». К сожалению, это здесь предполагается уже известным, и ни одного конкретного примера на два указанных типа языковых моделей не приводится.

Далее говорится о так называемых распознающих моделях. Это — те модели, в которых задано «множество отмеченных кортежей» и задана «система порождения» и «рассматривается процесс перехода от кортежей к системе» (стр. 15). При таком слишком кратком определении распознающей модели у читателя возникает вопрос: а разве возможны такие модели, в которых нет перехода от речевых фактов к системе языка или от системы языка к речевым фактам и не является ли всякая вообще модель распознающей. Однако явно, что с точки зрения автора книги имеются какие-то также и ничего не распознающие модели. Что это за модели, об этом ни слова.

Бывают, далее, парадигматические и синтагматические модели. «К парадигматическим относятся те модели, в которых исследуются принципы объединения некоторых элементов в классы (отдельных звуков в фонемы, отдельных морф в морфемы, отдельных слов в категории и части речи и т. п.) и установления отношений в системе» (стр. 16). Здесь обращает на себя внимание новое понятие, которого раньше не было и сущность которого не разъясняется. Это — понятие класса. До сих пор говорилось о множествах, а не о классах. Одно и то же это или не одно и то же, пояснений не дается. Приводимые здесь примеры мало о чем говорят, так как читатель в данном месте книги еще не знает, что такое фонема, что такое морф, что такое морфема и что такое части речи с точки зрения математической лингвистики. Что же касается «установления отношений в системе», то, судя по предыдущему, математическая лингвистика и, в частности, теория моделей, вообще только тем и занимается, что устанавливает отношения в системе. В чем же в таком случае специфика именно парадигматической модели? Не объяснен и самый термин для такой модели, так как традиционный лингвист под парадигмами понимает образцы склонения и спряжения; и тот новый смысл термина «парадигматический», который здесь имеется в виду, ему хотелось бы представить в полной ясности. Тут и сказывается неясность данных выше многочисленных определений языковой модели, когда автор находил возможным говорить о модели вне всяких вопросов об ее взаимо-

отношении с ее оригиналом. Это взаимоотношение как раз и сделало бы понятным, почему лингвист в данном случае пользуется термином «парадигматический», несмотря на его совершенно другое значение в традиционном языкознании. Однако здесь мы воздерживаемся от своих положительных суждений и ограничиваемся только критикой того, что реально дано в разбираемой книге.

Определение синтагматической модели как той, в которой «исследуются отношения между элементами (фонемами, словами) в некотором фиксированном кортеже, т. е. в речи» (стр. 16), никак не проясняет ее специфики. Ведь и во всех моделях говорилось об отношении элементов множеств к самим множествам. И о парадигматических моделях говорилось, что в них исследуется отношение элементов к классам и системам. И теперь то же самое говорится о синтагматических моделях. Здесь опять все то же отношение элементов к кортежу элементов. Да как же оно могло бы быть иначе? Что такое множество — неизвестно. Что такое кортеж — неизвестно. Что такое класс — неизвестно. Что такое система — неизвестно. В смутной форме известно только одно, что модель есть какое-то множество элементов. Да и то, ввиду отсутствия всяких разъяснений со стороны автора, читателю приходится оставаться при обывательском понимании строгого математического термина «множества». Что это может дать для понимания предмета?

В дальнейшем учение о модели связывается со статистикой речи (стр. 16—17). То, что статистика речи всегда имела огромное значение для лингвистики, это знает всякий, кто ею занимался. Если знать, что такое языковая модель, то ясно было бы и без специальных разъяснений, как связывать такую языковую модель с конкретной речью. Конечно, нужно было бы в первую очередь установить, как часто встречается такая модель в языке и какова вероятность ее появления в тех или других условиях. Тут нет ничего нового и спорить тут не о чем. Однако здесь совершенно неожиданно промелькивает еще новое (по нашему счету, следовательно, уже шестое) определение языковой модели (стр. 17).

«Основным понятием модели» объявляется теперь «отмеченность фразы». Как связать это новое определение с предыдущими, об этом нечего и спрашивать. Кроме того, здесь опять допущена синтаксическая двусмыслица, т. е. неизвестно, идет ли здесь речь об основном понятии отмеченности фразы или об основном понятии модели отмеченности фразы. При этом сам автор выражение «отмеченность фразы» ставит в кавычки. Что значат здесь эти кавычки? То ли, что сам автор считает это выражение неточным и приблизительным, не отвечающим его собственному взгляду, то ли здесь ссылка на традиционный способ выражения у математических лингвистов? Неизвестно. Заметим, что определение «отмеченной фразы», вообще говоря, в книге не отсутствует, но оно дается только на стр. 60, т. е. почти на 40 страниц позже, и дается тоже в тонах весьма неуверенных и неокончательных. А некое отношение «отмеченной фразы» к определению модели остается нерассмотренным и даже неупомянутым также и в этом позднейшем месте книги. И, действительно, в самом начале изложения вопроса об аналитических и синтетических моделях содержится нечто вроде определения (следовательно, уже седьмое) модели, хотя тут говорится не об определении, но о «логической структуре каждой модели». Является ли эта «логическая структура» определением или не является, судить об этом невозможно. Однако это во всяком случае нечто близкое к определению. Хотелось бы, конечно, знать, что тут автор понимает под структурой. Но, как обыкновенно, автор никаких разъяснений по этому вопросу не делает и, даже более того, явно употребляет этот термин в обывательском смысле, потому что вместо выражения «логическая струк-

тура» автор книги мог бы с тем же успехом употребить и многие другие выражения вроде «логическое содержание», «логическая форма», «логический смысл», «логическое значение», «логическое выражение» и т. п. Оказывается, что «логическая структура каждой модели такова, что мы в ней имеем дело с некоторыми формальными операциями над некоторым множеством объектов» (стр. 12). Тут, правда, не очень понятно, что такое «формальные операции». Ведь сама языковая модель, как уверял нас выше автор, есть только формальное построение, только чистая абстракция и даже чистая фиктивность. Какие же другие операции можно производить с моделью, кроме как только формальные? На примерах это было бы понятнее; но автор, как правило, вообще никаких примеров не приводит. Тем не менее, рассуждая чисто отвлеченно, вдали от всяких примеров, и языковых и неязыковых, можно сказать, что приводимое им здесь тройное деление «логической структуры» каждой модели является, кажется, единственно ясным пунктом во всей этой главе о типах модели.

А именно, с точки зрения автора книги, имеются: объекты, заданные извне до всяких формальных операций над ними; объекты, впервые возникающие в результате операций; и, наконец, объекты, возникающие в результате операций, но сами уже не допускающие дальнейших формальных операций над ними. Это весьма понятное деление, но оно настолько отвлеченное, что опять-таки служить определением модели едва ли может. Нужно было бы сказать, что всякая модель предполагает свой оригинал, воспроизведение этого оригинала при помощи формальных операций и осуществленность этих формальных операций на новом субстрате, т. е. уже теоретически осознанный и технически воспроизведенный оригинал, т. е. в конце концов машина. Этого, однако, невозможно вывести на основании суждений автора, слишком уж заумных и далеких от практики жизни и языка.

В последних двух параграфах главы «Типы моделей языка» автор в догматической форме связывает теорию языковых моделей с типологией языков, не поясняя того, что он понимает под типологией языка, и отсылая по этому поводу к другим исследователям. Так же немотивированно постулируется связь теории языковых моделей с математической логикой, со структурной лингвистикой и даже с современной теорией автоматов. Следуют опять ссылки на других исследователей. Так как сам автор не считает свою теорию ни математической, ни логической, но чисто лингвистической (стр. 19), то зачем же было уснащать изложение математическими терминами, не давая при этом никакого их разъяснения, и к чему теперь эти ссылки на математическую логику, в которой представитель традиционного языкознания, конечно, не разбирается и имеет право не разбираться. А если ему надо в этом разбираться, то кто же иной должен ему в этом помочь, как не автор исходного и элементарного изложения вопроса о сущности языковой модели?

Между прочим здесь впервые промелькивает замечательный термин современного языкознания «структура». А можно ли было давать основное и первоначальное определение языковой модели без всякого использования современного учения о структуре? Но автор разбираемой книги при всех своих многочисленных подходах к языковой модели сумел обойтись без всякого структурного ее понимания. И только теперь, в конце этой основополагающей главы вдруг говорится о связи учения о моделях с учением о структурах. При этом самый термин «структура» опять не разъясняется, несмотря на его очевиднейшую многозначность в современном языкознании, как не разъясняются и все другие важные термины, которыми изобилует в этом заключительном параграфе глава о типах

модели: «теория автоматов», «теория рекурсивных функций», «теория канонических систем Поста», «аксиоматическое языкознание», «уровни исследования языка», «изоморфизм в лингвистике», «глоссематика», «формализованность» способов описания языка. Само собой разумеется, мы нисколько не собираемся входить в сущность всех этих вопросов и обсуждать степень связанности их с теорией языковых моделей, потому что и сам автор книги тоже этим не занимается.

Подробный анализ последующих глав обнаруживает, что их автор оперирует многочисленными и весьма интересными материалами. Эти конкретные рассуждения автора иной раз позволяют косвенным путем установить некоторые положительные данные и для понятия модели. Тем не менее во многих, и притом весьма существенных, пунктах изложение продолжает страдать неясностью и запутанностью, заставляющей читателя помногу раз перечитывать одни и те же страницы.

Так, во второй главе книги мы находим попытку формулировать фонологические модели. Здесь опять выступают три момента в определении модели. Однако остается неизвестным, те ли это три момента, о которых автор говорил выше, или другие. «Исходный элемент» (в данном случае звук), по-видимому, остается тем же самым. Но теперь автор говорит уже о совокупности признаков каждого звука; и неизвестно, тот ли это кортеж, о котором речь шла выше. В качестве третьего момента выдвигается «фонетическое слово», под которым автор понимает либо «минимальный отрезок между двумя паузами» в речи, либо «минимальное сочетание звуков речи, допустимое в данном языке между двумя паузами» (стр. 21). Является ли этот третий момент разбиением на подмножества (как об этом говорилось выше) или здесь мы имеем нечто новое, неизвестно. И какое отношение имеет этот тройной состав фонемы к теории моделей, тоже остается без пояснения.

В центральном пункте этой главы, в котором рассматривается парадигматическая модель в фонологии, дается подробная картина разных звуковых сочетаний, но при этом ни разу не упоминается термин «модель». Считать ли, например, моделью «класс» взрывных глухих, взятых из разных мест звукообразования, об этом ни слова. Вместо термина «модель» здесь фигурирует даже не «множество», но по преимуществу «класс»— термин с невыясненным значением.

Немного яснее излагается вопрос о синтагматической модели. Но определение ее тоже не дается, а о нем можно лишь догадываться из конкретного оперирования этими моделями в дальнейшем изложении. Казалось бы синтагматическую модель яснее всего можно было бы определить как множество разных фонем или множество одной и той же фонемы в различных позиционных условиях (что резко отличало бы эту модель от парадигматической, которая, наоборот, отображает нам положение разных фонем в одной и той же позиции). Но вместо этого ясного определения дается ссылка на американцев Блока и Трейгера, которые ввели понятие «структурного объединения фонем как класса фонем, встречающихся в одинаковом окружении». При чем тут «одинаковое окружение», не поясняется; читатель, наоборот, ожидал бы, что тут будет идти речь о разных окружениях или вовсе тут дело не в окружении. Кроме того, беря ту «простейшую» ситуацию, которая сводится к паре «фонем», автор утверждает, что к такой модели можно применить «теорию отношений». Но что такое эта «теория отношений», традиционный лингвист опять ничего не знает, а автор книги тоже ничего не поясняет. Тут же даются у автора ссылки на ряд исследователей, которые тоже неизвестны традиционному лингвисту. Таким образом, определение синтагматической фонологической модели, строго говоря, отсутствует у автора книги, и о

нем можно только смутно догадываться по дальнейшим рассуждениям, уже предполагающим, что такое определение читателю известно. В этом месте никаких более ясных определений в сравнении с данным выше анализом этого понятия не дается.

Благодаря всем неясностям и неточностям изложения нет никакой возможности найти в анализируемой книге точного разделения между звуком речи, фонемой и звуковой моделью.

С одной стороны, для конструирования понятия звуковой модели привлекается, как сказано, три основных момента — исходный звук, множество составляющих его признаков и разбиение этих признаков на классы. Попросту говоря, здесь выставляется школьное учение о том, что всякий звук речи отличается теми или другими признаками, а также, что эти признаки могут комбинироваться в разные другие группы. Традиционный фонетист при этом только удивится, зачем тут нужно еще новое понятие, а именно понятие модели. Нам кажется, что звук речи или звуковая модель есть вовсе не одно и то же. Но мы знаем это из других работ по фонологии. А традиционный фонетист, не знакомый с основами фонологии и намеревающийся получить эти сведения из анализируемой книги, оказывается в большом затруднении, так как точного разграничения звука речи, фонемы и звуковой модели он тут найти не сможет.

В дальнейшем автор книги дает две «интерпретации фонетического слова» (стр. 20—21). Обе интерпретации, избегая всякой лексики и грамматики, основываются только на звуках между паузами речи, причем первая интерпретация говорит просто о звуках между паузами речи, другая же — о «допустимых» сочетаниях звуков речи между паузами. Интерпретации эти для традиционной лингвистики очень сбивчивы. Ведь в речевом потоке паузу можно делать где угодно. Так, например, во французском выражении *l'Académie des sciences* не только много разных звуков, но даже четыре цельных слова; а читается оно сразу, «одним духом», и никаких пауз внутри себя не содержит.

Да еще не известно, будет ли оно содержать паузы перед собой и после себя, так как это всецело зависит от фонетического и всякого другого контекста речи. Что же, спросит традиционный фонетист, под фонемой можно понимать не только единичный звук, но и целую массу звуков? Конечно, это — вопрос терминологии. Однако для лингвиста тут нужны пояснения. Но если определение фонемы при помощи пауз является вполне условным, то об условности принципа допустимости говорит уже и сам автор, считая его «не вполне формальным» (стр. 21). И неизвестно, является ли приведенное нами французское выражение сочетанием звуков речи, одной и единичной фонемой или множеством фонем, и причем тут звуковое моделирование.

Но не успели мы поверить, что фонема определяется пограничными паузами, как вдруг дается еще новое определение фонемы (стр. 24): «Мы будем называть фонемой любую совокупность релевантных неоднородных признаков, поставленных в соответствие с некоторым звуком речи». Мы не будем здесь входить в анализ темных определений того, что такое неоднородный (попросту говоря, различный) и что такое релевантный (попросту говоря, могущий взаимодействовать с другими, соседними звуками) звук речи. Но ясно, что это определение обходится без всякого принципа паузы.

Еще новая путаница возникает в связи с тем, что автор книги солидаризируется с определением фонемы у Л. В. Щербы и его учеников. В одной из своих ранних работ Л. В. Щерба писал: «Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать сло-

ва...»[1]. Это определение Л. В. Щербы не имеет ничего общего с определением И. И. Ревзина. Но и в более поздних работах Л. В. Щерба тоже подчеркивал смыслоразличительный характер фонемы. Однако сам И. И. Ревзин пишет: «Мы уже не сможем в дальнейшем определить „фонему" как мельчайшую единицу, служащую для смыслоразличения» (стр. 22). Как же он может после этого думать, что определение Л. В. Щербы «практически совпадает» с тем, что «предусмотрено» его «моделью» (стр. 25)?

Не вносит ясности в дело также и солидаризация И. И. Ревзина с московской фонологической школой, поскольку автор книги пишет: «Мы дали определение не для фонемного ряда в понимании Аванесова, а построили некоторый формальный аналог этого понятия» (стр. 26). Ссылается автор книги и на работу П. С. Кузнецова «Об определении фонемы», но опять-таки совершенно не использует того морфематического определения, о котором говорит П. С. Кузнецов (стр. 20). Приводится вдруг и определение Джоунза: «Если два звука языка могут встречаться в одной и той же позиции по отношению к окружающим звукам, то они, по определению, относятся к разным фонемам» (стр. 22).

Наконец, при определении парадигматической модели (стр. 27—28) автор книги просто прибегает к составлению разных классов звуков с точки зрения того или другого артикуляционного принципа. И это тоже называется у него звуковой моделью. Другими словами при конструировании модели он вовсе не возвращается к тому оригиналу, т. е. к тем реальным звукам речевого потока, ради упорядочения которых только и стоило выдвигать учение о звуковых моделях. Автор книги остается, следовательно, в рамках различного комбинирования того, что Н. С. Трубецкой называл звуками языка в отличие от звуков речи. Такой метод, в крайнем случае, можно назвать методом структур, но никак не методом моделей, так как если всякая модель является в некотором смысле структурой, то далеко еще не всякая структура является обязательно моделью. Для модели нужен тот или иной оригинал, тот или иной первообраз, та или иная отражаемая в сознании действительность. Но автор книги нигде и ничего не говорит о теории отражения.

Если в целях установления ясности проследить высказывания И. И. Ревзина фразу за фразой, то можно установить очень много разных тенденций при определении фонемы, т. е. определение это постоянно у него колеблется и лишено всякой ясности. Определение через пограничные паузы, определение при помощи неоднородных и релевантных признаков, определение через смыслоразличение при помощи методов ассоциативной психологии, солидаризация с московской фонологической школой и морфематическое понимание фонемы, позиционная независимость фонемы, определение фонемы при помощи разнообразной группировки ее признаков,— вся эта путаница в определении фонемы так же случайна и разбросана, как и приведенное выше определение модели. Нас не нужно понимать в том смысле, что звук речи, фонема и звуковая модель есть одно и то же, и сама эта терминология не имеет никакого смысла. Наоборот, при современном состоянии лингвистики невозможно не пользоваться этим различением и этой терминологией. Однако в анализируемой нами книге все это различение и вся эта терминология даны в спутанном и неточном виде.

Гораздо яснее определение фонемы дают другие советские лингвисты. Мы можем привести, например, работу А. А. Реформатского «Проблема фонемы в американской лингвистике»[2], где, кроме изложения американ-

[1] Л. В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912, стр. 14.

[2] «Уч. Зап. Моск. гор. пед. ин-та», V. Кафедра русск. языка, 1941.

ской лингвистики, дается на стр. 134—139 довольно подробное и вполне ясное изложение вопросов о сущности фонемы и, между прочим, с учетом социального содержания этого понятия, в то время как об этом социальном содержании во всей книге И. И. Ревзина нет ни одного слова. Яснейшее определение фонемы находим мы также и у Н. С. Трубецкого [3], который весьма удачно критикует разные другие определения фонемы и, несмотря на отделение фонологии от фонетической стилистики, тоже не чуждается весьма важных принципов социального понимания предмета. Разделение между звуками языка и звуками речи, признаваемое им вслед за де Соссюром, является у Н. С. Трубецкого основанием всей фонологической системы и он везде охраняет ее от путаности и неясности. Весьма ясное понимание фонемы, к тому же в контексте правильного сопоставления фонемы с морфемой и фонемным рядом дает Р. И. Аванесов в своей статье «Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы» [4]. Для тех, кто хотел бы начать изучение математической лингвистики и, в частности, теории фонемной модели, нужно начинать читать не книгу И. И. Ревзина, содержащую разбросанные, противоречивые и путаные материалы, но очень ясную и простую статью Р. И. Аванесова. Блестяще развивает учение о фонеме также С. К. Шаумян, у которого большую ясность вносят в дело принципы наблюдения и принципы конструктов, а также разделение глобального, реляционного и конструктного подхода к фонеме [5]. Фонологическая специфика также хорошо формулирована у С. К. Шаумяна и в главе о парадигматической и синтагматической идентификации фонем [6].

Наконец, и сам И. И. Ревзин в других своих работах рассуждает о фонеме гораздо более ясно. Так, по поводу статьи П. С. Кузнецова «Об основных положениях фонологии» И. И. Ревзин, стоя на этот раз на морфематической позиции, рассуждает весьма вразумительно и вносит в понятие фонемы П. С. Кузнецова вполне ясное и допустимое упрощение [7]. К сожалению, анализируемая нами книга И. И. Ревзина о моделях в языке этой ясностью не отличается. Вернемся к анализу этой книги.

В отношении фонологии возникают некоторые сомнения и независимо от книги И. И. Ревзина, тем более что этот автор нисколько не рассеял этих сомнений, а, наоборот, сделал их еще более заметными.

Дело в том, что возникает даже такой фундаментальный вопрос: можно ли без всяких оговорок относить фонологию к языкознанию и считать ее частью этой науки. Если придерживаться того мнения, что фонология занимается звуками как таковыми, решительно отвлекаясь от всякой их семантики, то такая фонология, хотя она и обладает полным правом на существование, совсем не имеет никакого отношения ни к языку, ни, следовательно, к языкознанию. Ведь язык вовсе не есть только одно звучание, а иначе гром или свист ветра, тоже были бы предметом языкознания. Если фонология строится как часть языкознания, то она вырастает на той логической ошибке, которая обыкновенно называется petitio principii. Ошибка эта заключается в том, что для доказательства какого-

[3] Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960.
[4] Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.
[5] Сб. «Проблемы теоретической фонологии», М., 1962, стр. 7—90.
[6] Там же, стр. 91—115.
[7] И. И. Ревзин, По поводу определения фонемы, данного проф. П. С. Кузнецовым, «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», 5, М., 1957 (в этом же издании прекрасная статья П. С. Кузнецова о фонологических понятиях). Мы ничего не можем возразить также против методов изложения у И. И. Ревзина в его статьях «О некоторых вопросах дистрибутивного анализа и его дальнейшей формализации» и «Об одном подходе к моделям дистрибутивного фонологического анализа (сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962, стр 13—21; 80—85).

нибудь тезиса используется этот же самый тезис, но только в завуалированной форме. Фонология хочет обойтись без физической, физиологической, психологической и социально-исторической основы звучания, относя это к той науке, которая обычно называется фонетикой или исторической фонетикой. А тем не менее свои материалы она черпает только из этой же самой основы. Получается так, что физиология акустики звуков, с одной стороны, не имеет никакого отношения к фонологии; а с другой стороны, те фонемы, которыми занимается фонология, являются не чем иным, как теми же самыми звуками фонетики, но только получающими другую характеристику.

Отрыв звука от организма слов естественного языка происходил еще у младограмматиков и в школе Ф. Ф. Фортунатова. И эту фетишизацию звука блестяще вскрыл В. В. Виноградов. Но даже и у Фортунатова все же дело не доходило до полного отрыва звука от слова, так как Фортунатов, по крайней мере теоретически, считал себя языковедом и в идеале стремился к изучению цельного слова. Фонология же, принципиально исключая всякую семантику, должна либо строиться вне всякого языкознания, либо считать себя частью языкознания, но только на основе petitio principii. Есть и третья возможность, на которую едва ли пойдут фонологи,— это считать фонологию частью языкознания, но без опоры на традиционное языкознание; тогда фонология оказывается той же самой фонетикой, только изложенной более сложно и точно.

Подобного рода сомнения возникают вообще при изучении работ по фонологии. Возникают они и при изучении фонологии И. И. Ревзина.

Понятие модели применяется также и в области грамматики, не только фонологии. Однако путаница здесь настолько велика, что грамматическим моделям должно быть посвящено специальное исследование. Сейчас же мы ограничимся только подведением итога тех наблюдений над математической лингвистикой, которые мы сделали в предыдущем.

1. Математика, точнейшая из наук, является идеалом знания вообще во всех областях науки. Ее применение к лингвистике не только возможно, но и необходимо. Тем не менее плодотворность этого применения зависит от того, учитываем ли мы качественную специфику той области знания, в которой применяется математика, или сводим ее всецело на систему одних только количественных отношений. Поскольку сама математика есть наука о числе и об его многочисленных модификациях, постольку она не может быть формализмом, и уже самый ее предмет по своей сущности обладает количественной, т. е. формальной природой. Однако все другие науки, кроме количественной стороны, обладают еще и качественным содержанием, отражая специфику своего предмета. Каждый цветок имеет свою форму, которую можно и необходимо изучать геометрически и которая поддается даже выражению при помощи алгебраических уравнений. Однако это не означает ни того, что ботаника есть математика, ни того, что она часть или раздел математики. Поэтому применение математики в лингвистике обязательно должно учитывать специфику языковой области, так как иначе подобная лингвистика становится формализмом уже в дурном смысле слова, т. е. становится пустой и бессодержательной.

2. Математическая лингвистика, основанная на внесмысловых методах, т. е. изучающая язык вне специфического для него качества, оказывается основанной на логической ошибке и не может иметь определенного научного содержания. Эта логическая ошибка основана на сознательном или бессознательном использовании того, что сознательно игнорируется и заменяется математическим формализмом. Если говорится, например, что фонема есть принцип смыслоразличительной оппозиции, то, хотя

такого рода утверждение и правильно само по себе, оно в качестве логического определения основано на ошибке petitio principii, потому что доказывает тезис при помощи самого же этого тезиса, но только взятого в завуалированной форме. Попросту говоря, если фонему определять, как математическую категорию, здесь перед нами просто тавтология, потому что языковая фонема уже определяется при помощи свойственного ей смысла или значения, без чего не может возникнуть и самый термин «фонема». Можно сколько угодно определять структурно-математическое значение термина «падеж». Но для этого предварительно уже нужно знать, что такое падеж; а структурно-математическое определение падежа только переведет интуитивное понимание падежа в понимание, логически оформленное. Итак, внесмысловая математическая лингвистика волей-неволей должна использовать данные традиционного языкознания; и если она пытается давать свои определения без этого последнего, она основывается на petitio principii.

3. Математическая лингвистика должна быть строгой логической дисциплиной, как того и требует математика. Но язык не есть чистая логика. Он есть практическое мышление, извлекающее из объективной действительности те моменты, которые необходимы для общения людей, и те моменты из чистой логики, которые в результате сложнейшей модификации могут стать орудием разумного общения; поэтому логически даваемое определение любой языковой категории и любого языкового правила всегда и обязательно содержит массу всякого рода «исключений» и натыкается на массу всякого рода языковых неожиданностей. Но все эти исключения и неожиданности как раз и являются закономерным результатом человеческого общения, которые нужно формализовать отдельно; да еще неизвестно, можно ли их формализовать, если вся их сущность часто только и заключается в неожиданности и никакому обобщению не поддающейся единичности. Поэтому самая элементарная и школьная грамматика любого языка, со всеми своими неуклюжими правилами и исключениями, гораздо ближе к естественным языкам, чем самая точная математическая лингвистика.

4. Что касается практического построения внесмысловой лингвистики, то, отбрасывая все традиционное языкознание и тем самым лишая себя возможности дать существенное определение той или другой языковой категории или языкового правила, она необходимым образом дает десятки и сотни всякого рода определений, которые для языка несущественны и которые возникают не на основании изучения естественных языков, но на основании некритического сопоставления их категорий или правил, или их принципов и законов с разными соседними, несущественными для языка областями. Поэтому внесмысловая лингвистика либо вовсе не дает никаких определений, либо эти определения слишком широки или узки, либо формулируются они на основании всякого рода смежных, побочных и даже случайных сопоставлений. Невозможно, например, добиться точного определения языковой модели. Этих определений дается огромное множество; и как объединить их с языковыми явлениями естественных языков большею частью остается неизвестным. Однако этому обстоятельству нечего и удивляться, потому что, если игнорируется коммуникативная специфика языковой области, то всякое определение из этой области по необходимости оказывается и несущественным и случайным. Такие, например, категории, как «множество», «класс», «разбиение множества», «подмножество», «эквивалентность», «функция» и т. д. и т. д., имеют в математике строго определенное значение. Если же применять эти категории к языку без учета его специфики, они получают очень смутное, противоречивое и неопределенное значение, так как непо-

средственное применение их к языку, понимаемому внесмысловым образом, на каждом шагу наталкивается на непреодолимые трудности. Как, например, определить фонему, если игнорировать всю артикуляционную область звукообразования, всю физически-физиологически-психологически социальную область звука, всю его акустическую природу. Приходится делать разного рода случайные заимствования из естественной фонетики языков либо прямо исключать фонологию из области языкознания.

5. Опора исключительно на одну математику ведет к недопустимому игнорированию огромного количества тех структурно-языковых наблюдений, которые мы находим у старых лингвистов, несмотря на неприемлимость для нас их методов, например, у Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского и мн. др. Особенно тяжелое впечатление производит игнорирование замечательных трудов В. В. Виноградова, который, стоя на позициях критически перестроенного традиционного языкознания, всегда делал в своих трудах массу всякого рода структурно-модельных наблюдений, но делал их так, что все эти структуры и модели органически вырастали у него из тщательного изучения именно естественного языка. Такое отгораживание от традиционного языкознания и такое пренебрежительное к нему отношение могло вести и фактически ведет только к неимоверному хаосу языковых наблюдений, в которых весьма трудно разобраться языковедам, да едва ли и стоит разбираться.

6. Наконец, релятивизм и субъективизм зарубежной математической лингвистики тяжелым грузом лег также и на многие советские работы из этой области. Желая свести лингвистику к небольшому количеству самых общих категорий и аксиом, говорят об «отборе» или «наборе» тех или других аксиом для языкового построения, говорят об их «фикциях» или внесмысловом функционировании. Получается такое впечатление, что аксиому, лежащую в основе языкознания, каждый исследователь может по собственному произволу отбирать, выбирать, комбинировать и интерпретировать. В предельном отрыве от естественных языков и грамматик это является законченной системой релятивистского и субъективного идеализма, опровергать который не входит в задачи настоящего очерка. Можно только порадоваться, что ввиду хаотичности внесмысловых языковых построений это не доходит до законченной системы мировоззрения и остается только в виде не продуманных до конца тенденций, то более, то менее интенсивных.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1965

С. К. ШАУМЯН, П. А. СОБОЛЕВА

АППЛИКАТИВНАЯ ПОРОЖДАЮЩАЯ МОДЕЛЬ И ФОРМАЛИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

1. Предварительные замечания

Для того чтобы понятие грамматической синонимии могло считаться удовлетворительным, необходимо найти способ его формализации. Задача состоит в том, чтобы построить формальное исчисление грамматических синонимов. Поскольку исчисление грамматических синонимов сводится к исчислению трансформаций, то решение данной проблемы должно, в сущности, опираться на построение исчисления трансформаций. До настоящего же времени трансформационный метод представляет собой эмпирический перебор трансформаций, которые задаются списком. Отсюда становится понятным, почему проблема грамматической синонимии до сих пор не решена удовлетворительным образом: не было необходимой базы для решения этой проблемы в виде определенной системы исчисления трансформаций.

Впервые одна из возможных систем исчисления трансформаций была представлена в аппликативной порождающей модели С. К. Шаумяна[1]. То, что другие типы порождающих моделей не использовались для построения исчисления трансформаций, объясняется, по-видимому, тем, что эти модели представляют собой генераторы фраз, между тем как наряду с генераторами фраз необходимы и генераторы слов. Основу аппликативной порождающей модели составляют два генератора: генератор фраз (в прежних работах он назывался генератором комплексов слов, или кратко — генератором комплексов) и генератор слов. Именно взаимодействие этих двух генераторов создает необходимую основу для исчисления трансформаций. Система правил этого исчисления называется в аппликативной порождающей модели генератором трансформационных полей (или кратко Т-полей).

Понятие трансформации в аппликативной порождающей модели принципиально отличается от понятия трансформации в трансформационной грамматике З. Харриса и Н. Хомского. Чтобы сделать это различие более осязательным, воспользуемся аналогией из истории фонологии.

В истории фонологии можно различать два главных этапа. На первом этапе (до появления исследований Н. С. Трубецкого и Р. Якобсона) фонема принималась в качестве первичного объекта фонологической системы. На втором этапе фонема перестала считаться первичным объектом фонологической системы и ее место заняло понятие фонологической оппозиции;

[1] См.: С. К. Шаумян, Порождающая лингвистическая модель на базе принципа двухступенчатости, ВЯ, 1963, 2; С. К. Шаумян и П. А. Соболева, Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке, «Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)», С. К. Шаумян, Трансформационная грамматика и аппликативная порождающая модель, сб. «Трансформационный метод в структурной лингвистике», М., 1964.

теперь фонема стала рассматриваться в качестве элементарного члена фонологической оппозиции, т. е. как понятие, определяемое через понятие фонологической оппозиции. Введение понятия фонологической оппозиции произвело коренную ломку основ фонологии: из теории фонем фонология превратилась в теорию фонологических оппозиций. Система дифференциальных элементов, успешно развиваемая Р. Якобсоном и его школой, есть не что иное, как система бинарных фонологических оппозиций, рассматриваемых в качестве первичных элементов в отношении к фонеме.

Аналогичным образом обстоит дело и с понятием трансформации. В настоящее время во всех трансформационных грамматиках трансформация рассматривается в качестве первичного понятия. В результате трансформации берутся изолированно друг от друга, атомистически; трансформации задаются списком и не образуют системы, которая могла бы быть представлена в виде исчисления.

В аппликативной модели первичным понятием служит не трансформация, а трансформационный ряд, представляющий собой операцию получения Т-полей [2]. Что же касается трансформации, то она рассматривается в качестве элементарного члена трансформационного ряда. Подобно тому, как с введением в фонологию понятия оппозиции в качестве ее первичного понятия фонология превратилась из теории фонем в теорию фонологических оппозиций, точно так же и с введением в трансформационную грамматику понятия трансформационного ряда трансформационная грамматика должна превратиться из теории трансформаций в теорию трансформационных рядов.

Благодаря тому, что в аппликативной модели трансформации рассматриваются в качестве элементарных членов трансформационных рядов, стало возможным преодолеть атомистический подход, имеющий место в существующих работах по трансформационной грамматике, в силу которого трансформации задаются списком. В аппликативной модели мы имеем дело не со списком изолированных трансформаций, а с исчислением трансформаций внутри трансформационных рядов. Исчисление трансформаций позволяет получить трансформационные поля для любого типа фраз.

В настоящем исследовании грамматической синонимии Т-поле используется в качестве инструмента для исследования структуры грамматического синонимического ряда (расстояние между синонимами и симметричные группы синонимов), для построения иерархии грамматических синонимов относительно доминанты синонимического ряда и для исследования вопроса о соотношении лексической и грамматической синонимии [3].

2. Структура Т-поля и расстояние между грамматическими синонимами

Рассмотрим структуру Т-поля операнда $R_2OR_1OR_4R_2O$ (см. рис. 1) с точки зрения сходства и различия его трансформов. Степень сходства и различия трансформов может измеряться количеством совпадающих и несовпадающих реляторов и интерпретироваться как расстояние между грамматическими синонимами.

Для трехчленного Т-поля расстояние между грамматическими синонимами может измеряться одним, двумя или тремя несовпадающими реляторами. В соответствии с этим устанавливаются три степени возможной удаленности грамматических синонимов друг от друга. Первая степень

---

[2] См.: С. К. Шаумян, Структурная лингвистика (в печати).

[3] Предполагается, что читатель знаком с указанными выше работами авторов, и поэтому мы не будем здесь повторять описание генератора Т-полей.

удаленности грамматических структур в пределах Т-поля соответствует совпадению двух вершин трансформов из трех возможных, т. е. измеряется расстоянием в один релятор. На графе Т-поля расстояние в один ре-

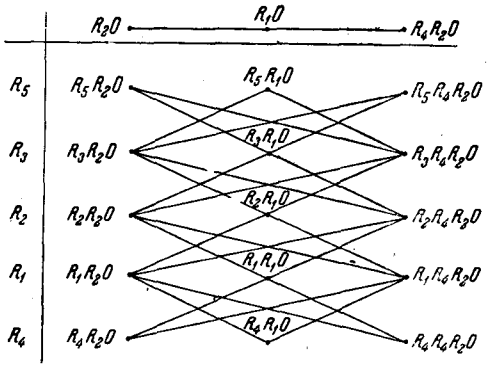


Рис. 1

лятор имеют, например, фигуры типа «развилка», «угол» и «ромб».

Синонимия первой степени удаленности типа «развилка» имеет, например, место между безличными и неопределенно-личными оборотами, с одной стороны, и страдательными оборотами, с другой (см. рис. 2). Нижняя

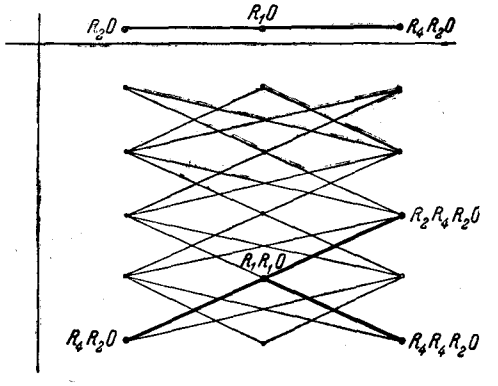


Рис. 2

ветвь развилки моделирует образование безличных и неопределенно-личных, а верхняя — страдательных оборотов из операнда данного Т-поля:

$$R_2OR_1OR_4R_2O \left\{ \begin{array}{l} \longrightarrow R_4R_2OR_1R_1OR_4R_4R_2O \\ \longrightarrow R_4R_2OR_1R_1OR_2R_4R_2O \end{array} \right.$$

Общее между трансформами заключается в том, что в обоих случаях подлежащее операнда обратилось в послеглагольный член (генотипическое наречие [4]), а глагол подвергся тождественному преобразованию. Различие

[4] Напомним читателю, что в аппликативной модели R_2-классы называются «существительным», R_3-классы — «прилагательным», R_1-классы — «глаголом», R_4- и R_5-классы — «наречиями». (В генотипическом языке модели мы не различаем объект и обстоятельство и относим их к одному и тому же классу «наречий» на основании их общего свойства служить определителем глагола.) Для удобства при описании R-формул мы будем также пользоваться терминами «подлежащее», «сказуемое», «определение», «отглагольное имя», «отглагольное прилагательное», «причастие» и другими лингвистическими терминами, которые, строго говоря, относятся не к генотипическому, а к фенотипическому, т. е. естественному языку. R_4-класс также будет в ряде случаев называться «послеглагольным членом».

заключается в поведении послеглагольного члена операнда, который в первом случае не изменил своей функции, а во втором обратился в подлежащее трансформа:

Вода заливает луга
Фильм показывает войну
Суд рассматривает дело
Школа исключает ученика
Корабль обстреливает берег
Соседи жарят пироги

→ *Водой заливает луга*
В фильме показывают войну
На суде рассматривают дело
Из школы исключают ученика
С корабля обстреливают берег
У соседей жарят пироги

→ *Водой заливаются луга*
В фильме показывается война
На суде рассматривается дело
Из школы исключается ученик
С корабля обстреливается берег
У соседей жарятся пироги

Синонимия первой степени удаленности типа «угол» имеет место между двумя видами действительных глагольных оборотов, различие между

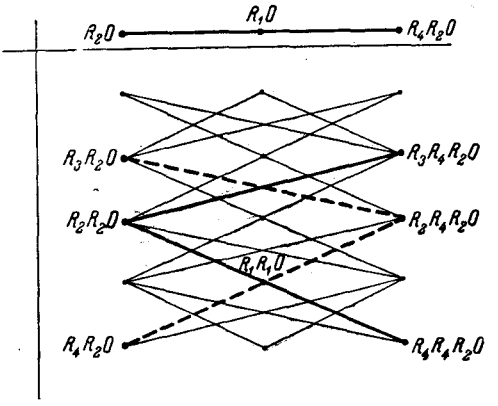


Рис. 3

которыми касается поведения послеглагольного члена операнда (см. праворазкрывающийся «угол» на рис. 3):

$R_2OR_1OR_4R_2O$ → $R_1R_1OR_2R_2OR_3R_4R_2O$
→ $R_2R_2OR_1R_1OR_4R_4R_2O$

Общее между данными трансформами заключается в том, что подлежащее и глагол операнда подверглись тождественному преобразованию. Различие заключается в поведении послеглагольного члена, который в первом случае обратился в прилагательное, а во втором случае сохранил свою исходную функцию:

Поезд прибыл из Ленинграда
В Москве состоялась конференция

→ *Ленинградский поезд прибыл*
Московская конференция состоялась

→ *Поезд прибыл из Ленинграда*
В Москве состоялась конференция

Симметричный праворазкрывающемуся «углу» леворазкрывающийся «угол» моделирует синонимию двух видов страдательных глагольных оборотов, различие между которыми касается поведения подлежащего операнда:

$$R_2OR_1OR_4R_2O \begin{cases} \rightarrow R_3R_2OR_2R_4R_2OR_1R_1O \\ \rightarrow R_4R_2OR_1R_1OR_2R_4R_2O \end{cases}$$

В первом трансформе подлежащее операнда обращается в прилагательное, а во втором — в послеглагольный член:

Вода наполнила бассейн
Завод выпускает продукцию
Школа пересматривает программу

→ { *Водный бассейн наполнился*
Заводская продукция выпускается
Школьная программа пересматривается

→ { *Бассейн наполнился водой*
Продукция выпускается заводом
Программа пересматривается школой

Два симметричных «угла» в верхней части поля моделируют синонимию причастных оборотов (см. рис. 4).

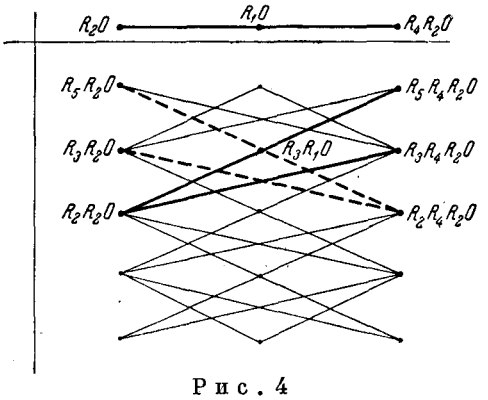


Рис. 4

Праворазкрывающийся «угол» моделирует синонимию действительных причастных оборотов, различие между которыми касается поведения послеглагольного члена операнда:

$$R_2OR_1OR_4R_2O \begin{cases} \rightarrow R_2R_2OR_3R_1OR_5R_4R_2O \\ \rightarrow R_3R_1OR_2R_2OR_3R_4R_2O \end{cases}$$

В первом трансформе послеглагольный член операнда обращается в приадъективное наречие $R_5R_4R_2O$. Во втором — в прилагательное $R_3R_4R_2O$.

Поезд прибыл из Ленинграда
В Москве состоялась конференция

→ { *поезд, прибывший из Ленинграда*
конференция, состоявшаяся в Москве

→ { *прибывший ленинградский поезд*
состоявшаяся московская конференция

Леворазкрывающийся «угол» моделирует синонимию страдательных причастных оборотов, различие между которыми касается поведения подлежащего операнда:

$$R_2OR_1OR_4R_2O \begin{cases} \rightarrow R_3R_2OR_2R_4R_2OR_3R_1O \\ \rightarrow R_5R_2OR_3R_1OR_2R_4R_2O \end{cases}$$

Вода наполнила бассейн
Завод выпускает продукцию
Школа пересматривает программу

→ *наполненный водой бассейн*
→ *выпускаемая заводская продукция*
→ *пересматриваемая школьная программа*

→ *бассейн, наполненный водой*
→ *продукция, выпускаемая заводом*
→ *программа, пересматриваемая школой*

Синонимия типа «угол» возможна в том случае, если подлежащее или послеглагольный член операнда могут образовывать отыменные прилагательные.

Синонимия первой степени удаленности типа «ромб» имеет место между двумя разновидностями взаимно-совместной трансформации — причастной и глагольной (см. рис. 5).

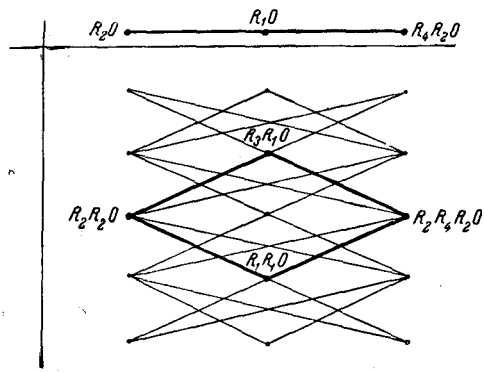


Рис. 5

Общим для обоих трансформов является поведение подлежащего и послеглагольного члена операнда, которые в обоих случаях принимают значение R_2R_2O и $R_2R_4R_2O$. Различие касается поведения глагола, который в одном случае обращается в причастие, а в другом — опять преобразуется в глагол:

$R_2OR_1OR_4R_2O$ → $R_2R_2OR_3R_1OR_2R_4R_2O$
→ $R_2R_2OR_1R_1OR_2R_4R_2O$

Обе трансформации возможны только в том случае, если и подлежащее и послеглагольный член операнда выражены или одушевленными, или неодушевленными существительными, а глагол относится к семантическому разряду взаимных или совместных действий: *ссориться*, *драться*, *целоваться*, *мириться*, *воевать*, *спорить*, *расставаться*, *переписываться* и т. д., а также *работать*, *танцевать*, *бегать*, *уезжать*, *гулять* и т. д.

Брат ссорится, спорит, расстается, переписывается, работает, гуляет с сестрой

→ *ссорящиеся, спорящиеся, расстающиеся, переписывающиеся, работающие, гуляющие брат и сестра*
→ *совпадающие, сливающиеся, пересекающиеся, встречающиеся А и В*

А совпадает, сливается, пересекается, встречается с В

→ *Брат и сестра ссорятся, спорят расстаются, переписываются, работают, гуляют*
→ *А и В совпадают, сливаются, пересекаются, встречаются*

В данном случае имеет место синонимия предложения и не-предложения, которая становится очевидной в более широком контексте, например, при порождении и интерпретации сложных членов [5]:

$$R_1XR_4 \left\{ \begin{matrix} R_2R_2OR_3R_1OR_2R_4R_2O \\ R_2R_2OR_1R_1OR_2R_4R_2O \end{matrix} \right\}$$

$$\textit{Вижу (, что)} \left\{ \begin{matrix} \textit{спорящих брата и сестру} \\ \textit{брат и сестра спорят} \end{matrix} \right\}$$

Вторая степень удаленности грамматических структур друг от друга в пределах трехчленного Т-поля соответствует совпадению одной вершины из трех возможных, т. е. измеряется расстоянием в два релятора. На

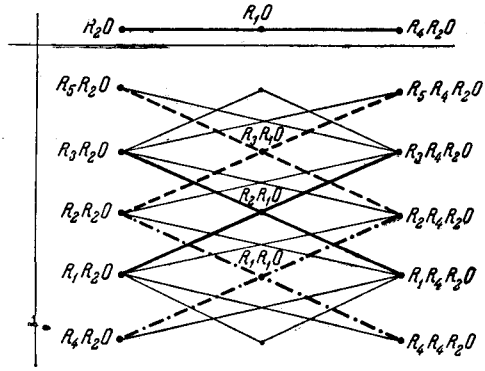


Рис. 6

графе Т-поля расстояние в два релятора имеют фигуры типа «крест», «раствор», «трапеция», «полузвезда» и др. Проинтерпретируем некоторые из них.

Синонимия второй степени удаленности типа «крест» связывает различные фразы, в которых подлежащее и послеглагольный член операнда взаимно меняются синтаксическими ролями (см. рис. 6).

Рассмотрим верхний «крест» Т-поля:

$$R_2OR_1OR_4R_2O \left\{ \begin{matrix} \rightarrow R_5R_2OR_3R_1OR_2R_4R_2O \\ \rightarrow R_2R_2OR_3R_1OR_5R_4R_2O \end{matrix} \right.$$

Общим для обоих трансформов является поведение глагола операнда, который в обоих случаях обращается в причастие. Различие касается подлежащего и послеглагольного члена, которые в первом случае меняются синтаксическими ролями, а во втором не меняются:

Гость разбил чашку
Инженер покупает картину

$\rightarrow$ { *чашка, разбитая гостем*; *картина, покупаемая инженером* }

$\rightarrow$ { *гость, разбивший чашку*; *инженер, покупающий картину* }

Средний крест Т-поля моделирует другой вид синонимических отношений, связанных со взаимной меной синтаксических функций:

$$R_2OR_1OR_4R_2O \left\{ \begin{matrix} \rightarrow R_3R_2OR_2R_1OR_1R_4R_2O \\ \rightarrow R_1R_2OR_2R_1OR_3R_4R_2O \end{matrix} \right.$$

[5] О порождении сложных членов см.: С. К. Шаумян, П. А. Соболева, указ. соч., стр. 31.

Общим для обоих трансформов является поведение глагола операнда, который в обоих случаях обращается в отглагольное существительное. Различие заключается в поведении классов слов R_2O и R_4R_2O операнда, которые в трансформах взаимно меняются синтакисческими ролями:

Флеминг открыл пенициллин
Инженер покупает картину

→ { *Открытие Флеминга — пенициллин*
  Покупка инженера — картина

→ { *Открыватель пенициллина — Флеминг*
  Покупатель картины — инженер

Синонимия типа «средний крест» возможна только в том случае, если от глагола операнда можно одновременно образовать существительные с объектным (или результативным) и агентивным значением (например, *открытие — открыватель*, *покупка — покупатель*).

Нижний «крест» Т-поля моделирует синонимию действительных и страдательных глагольных оборотов:

$$R_2OR_1OR_4R_2O \;\Big|\; \begin{cases} \longrightarrow R_2R_2OR_1R_1OR_4R_4R_2O \\ \longrightarrow R_4R_2OR_1R_1OR_2R_4R_2O \end{cases}$$

Общим для данных трансформов является поведение глагола операнда. Различие, как и в верхнем и среднем «крестах», касается поведения подлежащего и послеглагольного члена, которые в трансформах взаимно меняются синтаксическими ролями:

Гость разбил чашку
Инженер покупает картину

→ { *Гость разбил чашку*
  Инженер покупает картину

→ { *У гостя разбилась чашка*
  Картина покупается инженером

Синонимия второй степени удаленности типа «раствор» связывает глагольные обороты с соответствующими причастными. Например, «правый раствор» и «левый раствор» представлены на рис. 7.

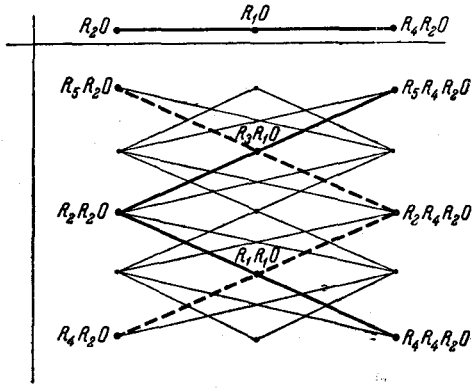
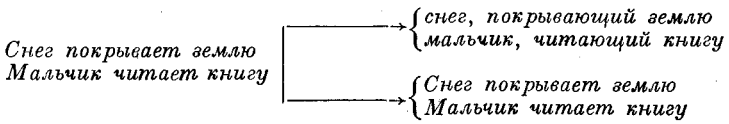


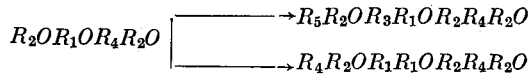
Рис. 7

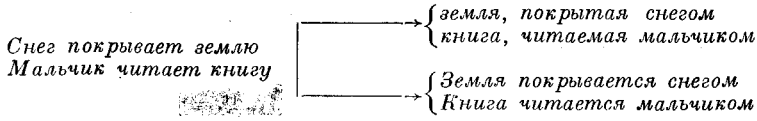
«Правый раствор» образуется двумя трансформами, моделирующими синонимию действительных причастных и глагольных оборотов. Сближает эти трансформы поведение подлежащего операнда, которое в обоих случаях преобразуется само в себя:

$$R_2OR_1OR_4R_2O \;\Big|\; \begin{cases} \longrightarrow R_2R_2OR_2R_1OR_5R_4R_2O \\ \longrightarrow R_2R_2OR_1R_1OR_4R_4R_2O \end{cases}$$



Левый раствор образован трансформами, моделирующими синонимию страдательных причастных и глагольных оборотов. Общим для обоих трансформов является поведение послеглагольного члена операнда, который в обоих случаях обращается в класс $R_2R_4R_2O$:





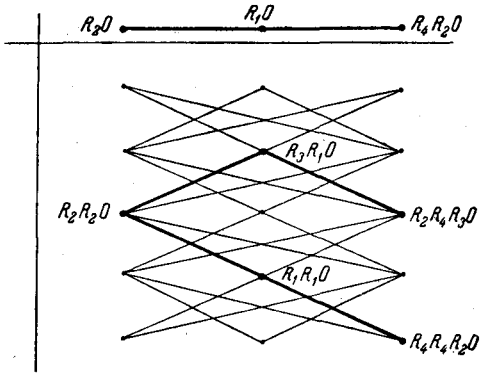


Рис. 8

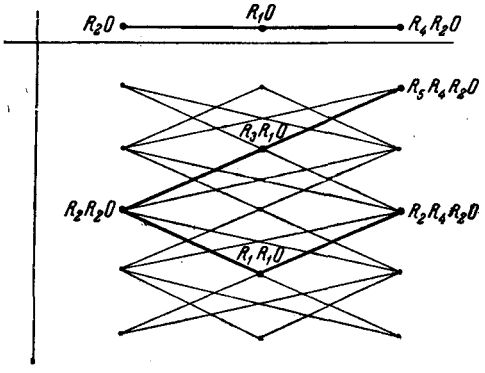
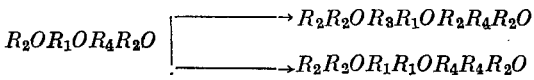


Рис. 9

Синонимия второй степени удаленности типа «трапеция» связывает глагольные и причастные обороты, содержащие однородные члены (см. рис. 8 и 9):



$$R_2OR_1OR_4R_2O \begin{cases} \longrightarrow R_2R_2OR_3R_1OR_5R_4R_2O \\ \longrightarrow R_2R_2OR_1R_1OR_2R_4R_2O \end{cases}$$

«Трапеция», показанная на рис. 8, содержит причастный оборот с однородными членами, а «трапеция», показанная на рис. 9,— глагольный оборот с однородными членами:

Брат ссорится, спорит, работает, играет с сестрой

→ *ссорящиеся, спорящие, работающие, играющие брат и сестра*

→ *Брат ссорится, спорит, работает, играет с сестрой*

Брат ссорится, спорит, работает, играет с сестрой

→ *брат, ссорящийся, спорящий, работающий, играющий с сестрой*

→ *Брат и сестра ссорятся, спорят, работают, играют*

Третья степень удаленности фраз в пределах Т-поля соответствует несовпадению всех трех вершин трансформов, т. е. измеряется расстоянием в три релятора. На графе Т-поля расстояние в три релятора имеют фигуры типа «бабочка», типа «параллельные линии», типа «ножницы», типа «пересекающиеся углы», «параллельные углы» и др. Все эти фигуры не имеют ни одной общей вершины. Приведем интерпретацию некоторых из них.

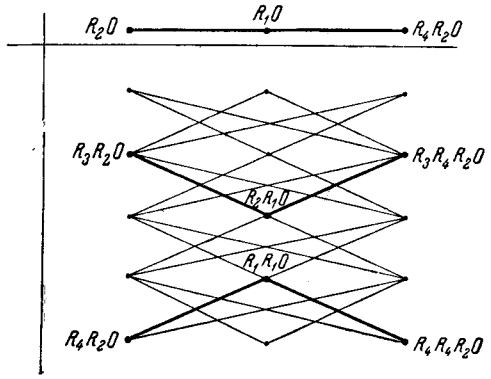


Рис. 10

Синонимия третьей степени удаленности типа «бабочка» имеет, например, место между номинализованными именными фразами и безличными и неопределенно-личными предложениями (см. рис. 10):

$$R_2OR_1OR_4R_2O \begin{cases} \longrightarrow R_3R_2OR_2R_1OR_3R_4R_2O \\ \longrightarrow R_4R_2OR_1R_1OR_4R_4R_2O \end{cases}$$

Общим между данными трансформами являются только лишь исходная фраза операнда — инвариант трансформов $R_2OR_1OR_4R_2O$.

Снег занес дорогу
Колхоз производит молоко

→ *снежные заносы на дороге колхозное производство молока (молочное производство в колхозе)*

→ *Снегом занесло дорогу В колхозе производят молоко*

Синонимия третьей степени удаленности типа «параллельные линии» имеет место между различными именными и предикативным фразами, рассматривавшимися выше. Проанализируем, например, группу трансформов, состоящую из двух симметричных подгрупп «параллельных линий» (см. рис. 11).

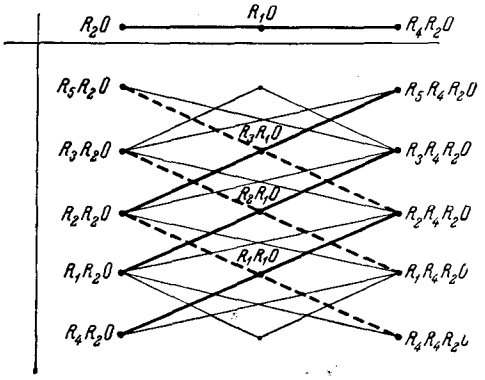


Рис. 11

В подгруппе трансформов, показанных сплошной линией:

$$R_2OR_1OR_4R_2O \begin{cases} \longrightarrow R_2R_2OR_3R_1OR_5R_4R_2O \\ \longrightarrow R_1R_2OR_2R_1OR_3R_4R_2O \\ \longrightarrow R_4R_2OR_1R_1OR_2R_4R_2O \end{cases}$$

первый трансформ моделирует образование действительных причастных оборотов, второй моделирует образование предикативных оборотов с субъектной номинализацией и третий моделирует образование страдательных глагольных оборотов:

Попов изобрел радио →
- *Попов, изобретший радио*
- *Изобретатель радио — Попов*
- *Радио изобретено Поповым*

В подгруппе трансформов, показанных пунктиром:

$$R_2OR_1OR_4R_2O \begin{cases} \longrightarrow R_5R_2OR_3R_1OR_2R_4R_2O \\ \longrightarrow R_3R_2OR_1OR_1R_4R_2O \\ \longrightarrow R_2R_2OR_1R_1OR_4R_4R_2O \end{cases}$$

первый моделирует образование страдательных причастных оборотов, второй моделирует образование предикативных оборотов с объектной номинализацией и третий моделирует образование действительных глагольных оборотов.

Попов изобрел радио →
- *радио, изобретенное Поповым*
- *Изобретение Попова — радио*
- *Попов изобрел радио*

Синонимия третьей степени удаленности типа «ножницы» существует, например, между действительными причастными оборотами и предикативными оборотами с объектной номинализацией (праворасскрывающиеся «ножницы»), а также между страдательными причастными оборотами и предикативными оборотами с субъектной номинализацией (леворасскрывающиеся «ножницы») (см. рис. 12).

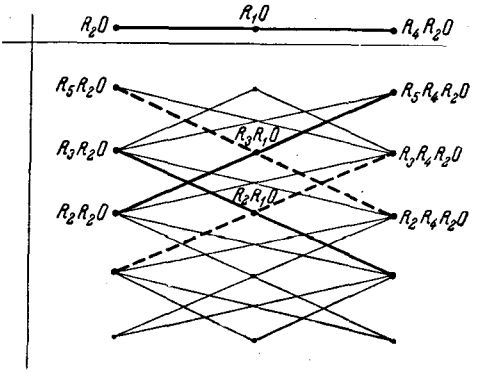


Рис. 12

Ножницы, раскрывающиеся вправо:

$$R_2OR_1OR_4R_2O \begin{cases} \longrightarrow R_2R_2OR_3R_1OR_5R_4R_2O \\ \longrightarrow R_1R_2OR_2R_1OR_3R_4R_2O \end{cases}$$

Флеминг открыл пенициллин
Инженер покупает картину

$\longrightarrow$ { *Флеминг, открывший пенициллин*; *инженер, покупающий картину* }

$\longrightarrow$ { *Открытие Флеминга — пенициллин*; *Покупка инженера — картина* }

Ножницы, раскрывающиеся влево:

$$R_2OR_1OR_4R_2O \begin{cases} \longrightarrow R_5R_2OR_3R_1OR_2R_4R_2O \\ \longrightarrow R_1R_2OR_2R_1OR_3R_4R_2O \end{cases}$$

Флеминг открыл пенициллин $\longrightarrow$ { *пенициллин, открытый Флемингом*; *картина, покупаемая инженером* }

Инженер покупает картину $\longrightarrow$ { *Открыватель пенициллина — Флеминг*; *Покупатель картины — инженер* }

Синонимия третьей степени удаленности типа «перекрещивающиеся углы» имеет, например, место между двумя именными фразами с однородными членами (см. рис. 13).

$$R_2OR_1OR_4R_2O \begin{cases} \longrightarrow R_3R_2OR_2R_1OR_3R_4R_2O \\ \longrightarrow R_2R_2OR_3R_1OR_2R_4R_2O \end{cases}$$

Как и в других случаях синонимии третьей степени удаленности, оба трансформа не имеют ни одной совпадающей вершины. Единственно общим моментом в их структуре является исходная фраза $R_2OR_1OR_4R_2O$ — операнд Т-поля:

Муж спорит, ссорится, расстается с женой

$\longrightarrow$ *спор, ссора, расставание мужа и жены*

$\longrightarrow$ *спорящие, ссорящиеся, расстающиеся муж и жена*

Не будем останавливаться на интерпретации других случаев третьей степени удаленности синонимичных фраз.

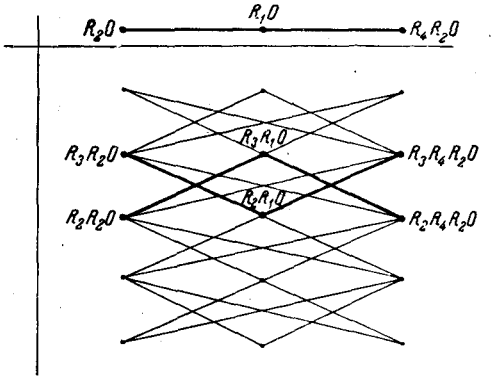


Рис. 13

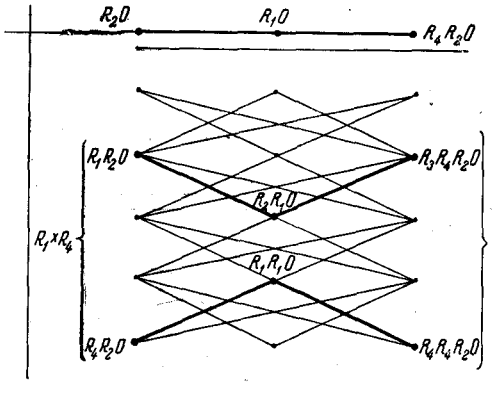


Рис. 14

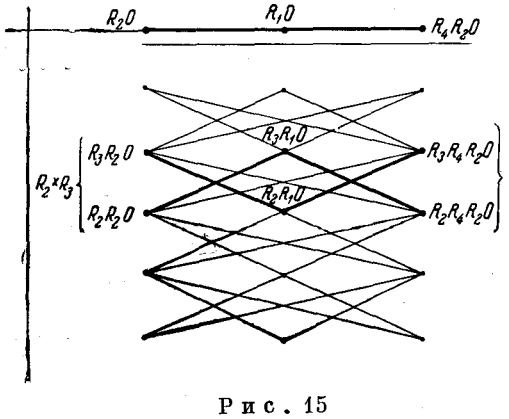


Рис. 15

Следует отметить, что как бы ни были «далеки» друг от друга отдельные фразы в пределах Т-поля, всегда существует некоторый более широкий контекст, в котором они взаимо-заменимы (см. рис. 14 и 16). Например:

Сообщают (, что) { *о снежных заносах на дороге* / *снегом занесло дорогу* }

письмо { *о ссоре мужа и жены* / *о ссорящихся муже и жене* }

Выше при описании структуры Т-поля мы не останавливались специально на случае «нулевого» расстояния между трансформами, т. е. на случае совпадения всех трех вершин подграфов, так как для Т-поля первого такта случай «нулевого» расстояния может интерпретироваться только лишь как один и тот же трансформ. Однако если для изучения струк-

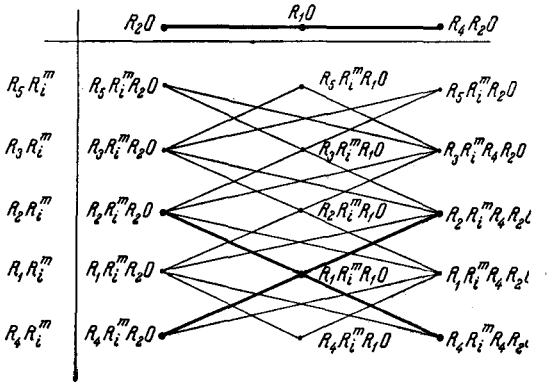


Рис. 16

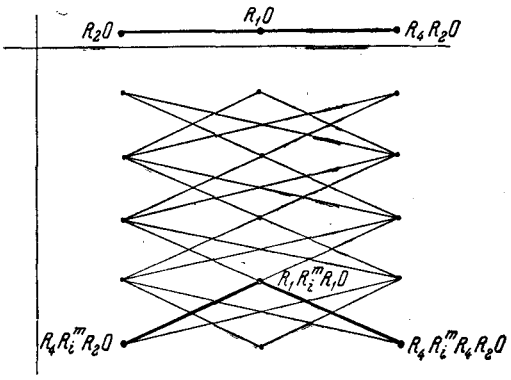


Рис. 17

туры синонимического ряда воспользоваться Т-полями более высоких тактов производности, то случай «нулевого» расстояния между трансформами приобретает определенный лингвистический смысл. В качестве примера рассмотрим три группы трансформов из четырех, образованных нижним крестом графа Т-поля n-го такта [6] (см. рис. 16).

Нижний «полукрест» графа (см. рис. 17) Т-поля n-го такта при m среднего члена, равного единице, и m крайних членов, равных нулю, порождает грамматические структуры, находящиеся в отношении наименьшей (нулевой) удаленности друг от друга.

$R_2OR_1OR_4R_2O$ →
- $R_4R_2OR_1R_1R_1OR_4R_4R_2O$
- $R_4R_2OR_1R_2R_1OR_4R_4R_2O$
- $R_4R_2OR_1R_3R_1OR_4R_4R_2O$
- $R_4R_2OR_1R_4R_1OR_4R_4R_2O$
- $R_4R_2OR_1R_5R_1OR_4R_4R_2O$

[6] Алгоритм получения Т-поля n-го такта см. в кн.: С. К. Шаумян, П. А. Соболева, указ. соч., стр. 47.

Крайние реляторы всех классов слов каждой из пяти фраз совпадают. Данные пять фраз различаются только характером промежуточных реляторов среднего члена.

Приведенная выше группа из пяти трансформов моделирует различные типы трехчленных односоставных предложений, соотносительных с двусоставными, играющими роль операнда этих трансформов:

Соседи ремонтируют дом

1. *У соседей ремонтируют дом*
2. a. *У соседей ремонт в доме*
   b. *Соседям надо отремонтировать дом*
3. *У соседей отремонтировано в доме*
4. — [7]
5. —

Общим для данной группы трансформов является то, что во всех случаях подлежащее операнда обращается в послеглагольный член. Различаются они характером главного члена предложения: в первом случае

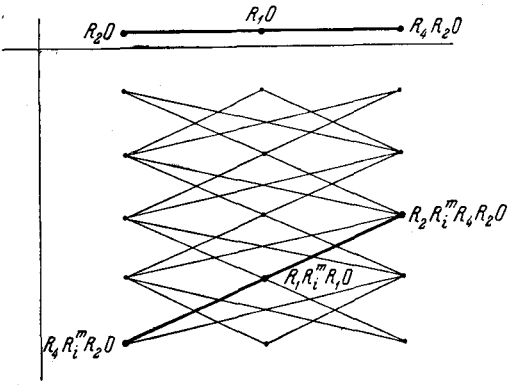


Рис. 18

это глагол в неопределенно-личной форме, во втором — присвязочное отглагольное имя (или инфинитив) и в третьем случае — присвязочное причастие.

Наименьшая степень удаленности характерна также для грамматических структур, образованных двумя ребрами, составляющими одну из перекладин нижнего креста (см. рис. 18). При тех же значениях m, что и в предыдущем случае, данный подграф соответствует следующим пяти фразам:

$R_2OR_1OR_4R_2O$

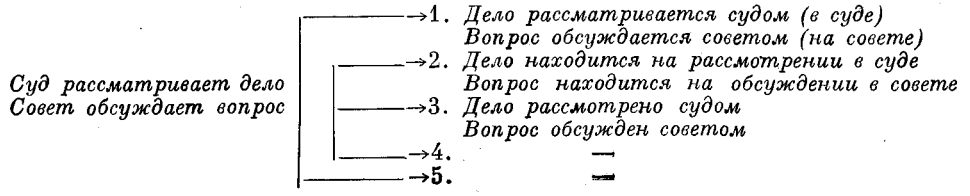
1. $R_4R_2OR_1R_1R_1OR_2R_4R_2O$
2. $R_4R_2OR_1R_2R_1OR_2R_4R_2O$
3. $R_4R_2OR_1R_3R_1OR_2R_4R_2O$
4. $R_4R_2OR_1R_4R_1OR_2R_4R_2O$
5. $R_4R_2OR_1R_4R_1OR_2R_4R_2O$

Как и в случае нижнего полукреста, все крайние реляторы у слов совпадают. Различие заключается в характере промежуточных реляторов.

Данная группа трансформов моделирует различные типы страдательных оборотов, соотносительных с действительными оборотами, выступаю-

[7] Тире обозначает отсутствие интерпретации в русском языке.

щими в роли операнда данной группы трансформов:



Общим для этих трансформов является то, что подлежащие и послеглагольные члены во всех случаях взаимно меняются синтаксическими ролями по отношению к операнду. Различие заключается в структуре сказуемого: в первом случае сказуемое выражено возвратным глаголом, во втором — присвязочным отглагольным именем и в третьем — присвязочным страдательным причастием.

В отношении наименьшей степени удаленности находятся также грамматические структуры, образованные второй «перекладиной» нижнего креста (см. рис. 19).

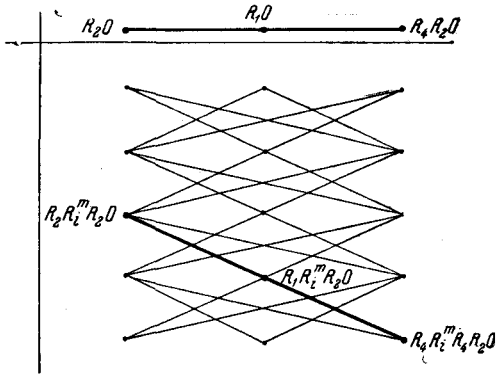
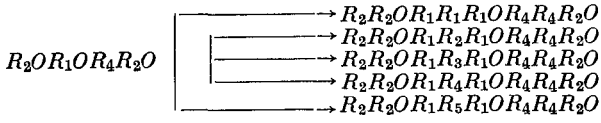


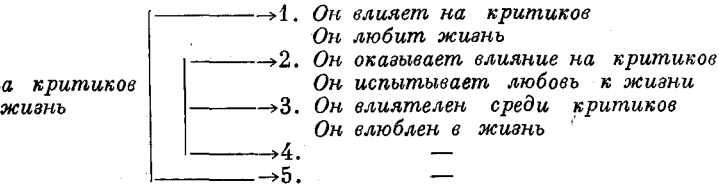
Рис. 19

При $m = 0$ у крайних членов и $m = 1$ у среднего члена данный подграф порождает следующие пять фраз:



Все крайние реляторы данной группы трансформов совпадают с крайними реляторами классов слов операнда.

Различие в их структуре касается только среднего члена $R_1R_iR_1O$



Общим для данных трансформов является идентичность отношений между подлежащими и послеглагольными членами в трансформах и в опе-

ранде. Различие, как и в предыдущей группе, касается структуры сказуемого.

Приведенная нами интерпретация отдельных трансформов из Т-полей n-го такта показывает, что изучение структур синонимических рядов путем соотнесения их с Т-полями более высоких степеней производности, чем первая степень, может дать интересные результаты.

Выше при описании трехчленного Т-поля далеко не были исчерпаны все возможные комбинации его подграфов, а также не было проведено исчерпывающего описания всех конкретных случаев реализации упомянутых фигур. Так, например, из двенадцати возможных комбинаций типа «развилка» рассмотрена только одна. Из восьми возможных комбинаций типа «трапеция» мы остановились только на двух. Из четырех комбинаций типа «ножницы» рассмотрены только две и т. д. Исчерпывающее описание всех симметричных групп трансформов может быть предметом отдельной работы. Здесь же перед нами была задача показать на примере разбора трехчленного Т-поля, что степень удаленности фраз друг от друга строго обусловлена структурой Т-поля. Так, для трехчленного Т-поля существуют три степени удаленности фраз (плюс нулевая); для четырехчленного Т-поля естественно существует четыре (плюс нулевая). Для всякого k-членного Т-поля существует k-степеней (плюс нулевая) удаленность грамматических структур.

3. Иерархия грамматических синонимов

Подведение понятия грамматической синонимии под понятие Т-поля дает возможность построить иерархию грамматических синонимов с точки зрения их расстояния от доминанты (опорной синтагмы) грамматического синонимического ряда, которой является фраза, интерпретирующая операнд.

В каждом Т-поле с упорядоченным операндом (полусвязанном и связанном) обязательно имеется трансформ, который представляет собой тождественное преобразование операнда. Тождественным преобразованием операнда считается такое, при котором крайние реляторы операнда и трансформа совпадают. (Тождественность в данном случае понимается как принадлежность слов операнда и трансформа к одним и тем же R-классам, например слова R_1O, R_1R_1O и $R_1R_2R_1O$ принадлежат одному и тому же классу R_1X.) Таким трансформом для рассмотренного выше трехчленного Т-поля первого такта операнда $R_2OR_1OR_4R_2O$ является трансформ $R_2R_2OR_1R_1OR_4R_4R_2O$. Для трехчленного Т-поля n-го такта таким трансформом является $R_2R_i^mR_2OR_1R_i^mR_1OR_4R_i^mR_4R_2O$. Подграф Т-поля, изображающий тождественное преобразование операнда, может рассматриваться как «линия отсчета» удаленности фраз от доминанты ряда. Расстояние от «линии отсчета» измеряется также в терминах несовпадающих реляторов. В трехчленном Т-поле несовпадающими могут быть один, два или три релятора. Соответственно устанавливаются три степени удаленности структур от доминанты.

О нулевой степени удаленности от доминанты (т. е. фактическом совпадении с ней) имеет смысл говорить в случае соотнесения синонимического ряда с Т-полем более высокой степени производности, чем первая степень: *Он влияет на нас → Он оказывает влияние на нас; Они работают в поле → Они на работе в поле.*

Первая степень удаленности от «линии отсчета» характеризует два трансформа, имеющие с ней по общему ребру. Так, первая степень удаленности от доминанты характерна для бесподлежащих оборотов. *Вода заливает луга → Водой заливает луга; Суд рассматривает дело → На*

суде рассматривают дело; *Район отстал от плана* → *В районе отставание от плана*; *Книга рассказывает о событии — В книге рассказывается о событии*. Кроме того, первая степень удаленности от доминанты характерна для двуподлежащих оборотов: *А пересекается с В* → *А и В пересекаются*; *Брат не ладит с сестрой* → *Брат и сестра не в ладах*; *Иванов познакомился с Петровым* → *Иванов и Петров знакомы*.

Вторая степень удаленности от доминанты характеризует соответствующие страдательные обороты. Трансформы, моделирующие страдательные обороты, имеют одну общую вершину с «линией отсчета»: *Рабочие строят дом* → *Дом строится рабочими*; *Я подозреваю его* → *Он на подозрении у меня*; *Завод выпускает продукцию* → *Заводская продукция выпускается*. Вторая степень удаленности от доминанты характеризует также действительный причастный оборот или оборот с отглагольным прилагательным. Соответствующий ему трансформ имеет одну общую вершину с «линией отсчета»: *Человек презирает опасность* → *человек, презирающий опасность*; *Мальчик почитает старших* → *мальчик, почтительный к старшим*.

Остальные структуры Т-поля не имеют ни одной общей вершины с «линией отсчета», т. е. они все находятся на наибольшем расстоянии от операнда. Для трехчленного Т-поля наибольшим расстоянием от операнда является расстояние в три релятора.

Не имея возможности подробнее остановиться на иерархии грамматических синонимов, отметим только, что не всякому лексическому инварианту присущи все три степени иерархии (включая нулевую) и что с увеличением расстояния от доминанты, как правило, увеличивается количество синонимических структур.

Как мы попытались показать, иерархия грамматических синонимов в пределах Т-поля обусловлена его структурой. Так, для всякого k-членного Т-поля устанавливается иерархия из k-степеней (плюс нулевая) удаленности фраз от доминанты соотносимого с ним синонимического ряда.

4. Общие структурные свойства трансформов и симметричные группы синонимов

Проанализировав структуру Т-поля с точки зрения сходства и различия трансформов, можно сделать некоторые выводы, касающиеся общих структурных свойств трансформов. Так, обращает на себя внимание тот факт, что трансформы, «симметричные» по отношению друг к другу на графе Т-поля, имеют «симметричное» лингвистическое строение. Например, каждый из синонимов, входящих в структуру «ромб» (см. рис. 5), обладает однородными членами — существительными. В паре синонимов типа «перекрещивающиеся углы» (см. рис. 13) один из трансформов моделирует именную конструкцию с однородными определяемыми и одним общим определением, другой — именную конструкцию с двумя однородными определениями при одном общем определяемом. В паре синонимов типа «бабочка» (см. рис. 10) каждый трансформ обладает двумя неоднородными зависимыми членами, относящимися к идентичным R-классам слов, и т. д.

Если же пара синонимов является зеркальным отображением друг друга, то они моделируют противоположные по значению конструкции. Так, например, перекладины «верхнего креста» моделируют синонимию действительных и страдательных причастных оборотов. Перекладины «среднего креста» моделируют субъектную и объектную номинализацию. Перекладины «нижнего креста» моделируют синонимию действительных и страдательных глагольных оборотов (см. рис. 6).

Можно также говорить о группах синонимов, симметричных относительно друг друга. Такие группы синонимов моделируются симметричными «растворами» (см. рис. 7), «крестами» (см. рис. 6), «параллельными линиями» (см. рис. 11), «ножницами» (см. рис. 12), «трапециями» (см. рис. 8 и 9) и т. д.

Симметрия двух «растворов» лингвистически выражается в том, что каждый из них моделирует синонимию глагольного и причастного оборотов. Симметрия двух «трапеций» выражается в том, что каждая из них содержит по глагольному и соответствующему ему причастному обороту, причем в одной из этих трапеций однородные члены имеет глагольный оборот, а в другой — причастный. Симметрия «параллельных линий» выражается в том, что каждая группа содержит по причастному обороту, по глагольному обороту и по обороту с номинализированными подлежащими. Симметрия «крестов» выражается в том, что в каждом из них подлежащее и послеглагольный член операнда меняются синтаксическими ролями и т. д.

Интересно отметить, что группы симметричных синонимов, являющиеся зеркальным отображением друг друга, соответственно содержат прямо противоположные по значению конструкции. Так, все праворазкрывающиеся фигуры («углы», «растворы», «ножницы») содержат действительные глагольные или причастные обороты. Их леворазкрывающиеся зеркальные отображения содержат страдательные глагольные или причастные обороты.

Таким образом, применение инструмента Т-поля для анализа грамматических структур позволяет вскрыть такие взаимоотношения между ними, которые оставались вне поля внимания исследователей.

5. Грамматическая и лексическая синонимия. Моделирование ситуации

Существует закономерная связь между семантическими разрядами слов и типами фигур Т-поля, организующими их в синонимические ряды. Так, например, набор фигур типа «ромб», «трапеция», «перекрещивающиеся углы» (см. рис. 5, 8, 9, 13) характерен для синонимических конструкций, построенных на непереходных глаголах взаимно-совместного значения (*спорить*, *воевать*, *ругаться*, *ссориться*, *целоваться*, *обниматься*, *пересекаться*, *совпадать*, *встречаться*) и парах существительных либо только одушевленных, либо только неодушевленных.

Набор фигур типа «средний крест», «параллельные линии», «ножницы» (см. рис. 6, 11, 12) характерен для переходных глаголов со значением приобретения или изобретения (*ловить*, *купить*, *приобрести*, *открыть*, *изобрести*, *завоевать* и др.), которые могут одновременно образовывать существительные со значением деятеля и объекта действия: *ловец — улов*, *покупатель — покупка*, *приобретатель — приобретение*, *открыватель — открытие*, *изобретатель — изобретение* и др.

Набор фигур типа «нижняя развилка», «нижний крест» (см. рис. 2, 6) характерен в частности для фраз, включающих глаголы со значением воздействий, вызывающих качественное изменение объекта (*засыпать*, *убить*, *испортить*, *сломать*, *снести*, *размыть*, *изрыть*, *задуть*, *побить*, *залить*, *сразить* и др.) и употребляющихся с неодушевленными существительными, способными служить орудием стихийного действия (*туча*, *молния*, *гром*, *ветер*, *ливень*, *град*, *война*, *снаряд*, *ураган*, *потоп* и др.). Иными словами структура грамматического синонимического ряда, моделируемая соответствующим вырождением Т-поля, обусловлена семантическими разрядами слов.

Взаимозависимость, существующая между семантическими разрядами слов и типами фигур Т-поля, организующими их в синонимические ряды, дает возможность рассматривать тот или иной набор фигур как набор грамматических дифференциальных признаков, служащих инвариантом соответствующих семантических классов слов.

Таким образом, Т-поле аппликативной порождающей модели служит необходимым формальным аппаратом для изучения как грамматической синонимии, так и для изучения семантических классов слов, т. е. лексической синонимии в широком смысле [8]. Различие между грамматическими и лексическими синонимами заключается в том, что́ считать инвариантным и что́ — вариантным. При изучении грамматических синонимов инвариантным считается лексика, а вариантным — грамматика, при изучении же лексических синонимов, наоборот, инвариантным считается грамматика и вариантным лексика. Если обозначить инвариантность знаком +, а вариантность знаком —, то противопоставление грамматических и лексических синонимов (в широком смысле) можно представить в следующем виде:

	Грамматика	Лексика
Грамматическая синонимия	—	+
Лексическая синонимия	+	—

Фигуры Т-поля, служащие инвариантом определенных классов слов и находящие интерпретацию в определенных синонимических рядах, моделируют семантические микросистемы, каждая из которых соответствует определенному вырождению Т-поля.

Каждая такая семантическая микросистема соответствует некоторой ситуации, которая также моделируется соответствующим вырождением Т-поля в том смысле, что она остается тождественной для любой фигуры из данного вырождения Т-поля.

Отсюда следует, что если к операнду, описывающему некоторую ситуацию, применить трансформации из соответствующего вырождения Т-поля, то автоматически получатся фразы, описывающие ту же ситуацию.

6. Краткие выводы

Формальный аппарат аппликативной порождающей модели может быть использован для изучения как грамматической, так и лексической синонимии.

Соотнесение грамматического синонимического ряда с трансформационным полем аппликативной порождающей модели позволяет: а) исчислить синонимические фразы; б) формализовать понятие инварианта грамматических синонимов и доминанты грамматического синонимического ряда; в) изучить структуру грамматического синонимического ряда; г) построить иерархию грамматических синонимов с точки зрения расстояния их от доминанты.

---

[8] О семантических классах слов и лексической синонимии см.: С. К. Шаумян, П. А. Соболева, Аппликативная порождающая модель и автоматическое получение семантических классов и подклассов, «Проблемы формализации семантики. Тезисы докладов научной конференции [1-го МГПИИЯ]», М., 1964.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1965

Ю. Д. АПРЕСЯН

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛОВ ПО ИХ СИНТАКСИЧЕСКИМ ПРИЗНАКАМ (ТИПАМ УПРАВЛЕНИЯ)

1. Вводные замечания

В общем виде задачу настоящей работы можно сформулировать следующим образом: нам дан текст, и уже известна грамматика (синтаксис) языка, на котором этот текст написан[1]. Требуется получить сведения о лексических значениях слов данного языка, например, в виде суждений следующего типа: 1) «слова *A* и *B* входят в такие-то общие и такие-то различные семантические классы»; 2) «слова *A* и *B* более сходны по значению, чем слова *C* и *E*». Как видим, поставленная здесь задача близка к тому классу лингвистических задач, которыми стали серьезно заниматься американские дистрибутивисты, хотевшие по совокупности текстов, без какой бы то ни было извне заданной информации о языке, «открыть» язык, порождающий эти тексты (т. е. получить сведения об элементарных единицах языка, классах единиц и правилах сочетания единиц различных классов на всех уровнях анализа, включая семантический). Работы такого рода являются попыткой дать объективное (экспериментальное) обоснование тех лингвистических понятий, которыми исследователь обычно пользуется при написании грамматики и словаря того или иного языка. Вполне строгими (алгоритмическими) методами такие задачи стали решаться лишь в самое последнее время, и накопленный в этой области опыт еще очень невелик [2]. Поэтому все работы указанного типа, в том числе и данную работу, следует рассматривать как чисто экспериментальные. Ни на что большее они не претендуют.

При решении сформулированной выше задачи мы исходим из гипотезы о том, что между синтаксическими свойствами слов и их семантическими признаками имеется регулярное соответствие. Оно проявляется в том, что различия в синтаксическом поведении слов указывают на наличие семантических различий в значениях этих слов, хотя, по-видимому, могут существовать семантические различия, не выражаемые синтак-

[1] Знание синтаксиса предполагает умение: 1) проводить морфологический анализ, 2) различать синтаксические классы (классы эквивалентных словоформ), 3) устанавливать отношения синтаксической зависимости между словами в составе предложения. Не предполагается ни знания лексических значений, ни умения устанавливать семантическую инвариантность фраз, ни даже умения отличать правильные (грамматичные, отмеченные) фразы от неправильных.

[2] См.: Z. S. Harris, From phoneme to morpheme, «Language», 31, 2, 1955; S. K. Jones, Mechanized semantic classification, «The First International Teddington conference on machine translation and applied linguistics», Teddington, 1961, paper 25; Б. В. Сухотин, Алгоритмы лингвистической дешифровки, сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963; Ю. А. Шрейдер, Машинный перевод на основе смыслового кодирования текстов, «Научно-техническая информация», 1963, 1; А. Я. Шайкевич, Распределение слов в тексте и выделение семантических полей, «Ин. яз. в высш. шк.», II, М., 1963; N. Dale, Automatic classification system users' manual, «Linguistics research center», The University of Texas, November, 1964.

сически. Ниже излагаются результаты нескольких проведенных автором исследований, в ходе которых проверялась указанная гипотеза.

Объектом анализа являются русские глаголы, причем каждый глагол рассматривается как однозначная единица. В принципе можно было бы разграничить значения многозначного глагола по достаточно строгим правилам, но они предполагают использование понятия правильной фразы и обращение к информанту, а нас в данной работе интересует вопрос о том, какие сведения о значениях слов можно извлечь непосредственно из текста и только из него. Поэтому мы пошли на известное огрубление анализа, тем более, что и огрубленному варианту соответствует некоторая лингвистическая реальность, а именно: 1) тот факт, что довольно большое число глаголов практически однозначно, и 2) тот факт, что у многозначного глагола обычно имеется основное, наиболее продуктивное и употребительное значение, которое можно отождествить со значением всего глагола.

Материалом, на основе которого проводились эксперименты, послужил справочник по глагольному управлению, опубликованный в «Частотном словаре современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт (Таллин, 1963). Этот справочник, содержащий около 500 различных глаголов (не считая чисто видовых непрефиксальных пар), составлен по выборке объемом в 400 000 слов. Для каждого глагола указывается: 1) его абсолютная частота в выборке, 2) абсолютные частоты зависимых от него предложно-падежных форм существительного, встретившиеся в данной выборке. Например, глагол *вспоминать — вспомнить* встретился 136 раз, причем в 58 случаях от него зависело существительное в винительном падеже, а в 24 случаях — существительное в предложном падеже с предлогом *о*.

В качестве синтаксических различительных признаков глаголов рассматриваются типы управления. В данной работе под типом управления понимается предложно-падежная форма зависимого от глагола слова. В ряде экспериментов учитывается еще и некоторая количественная характеристика типа управления; именно, учитывается относительная частота $\frac{f(D_{ij})}{f(V_j)}$, т. е. отношение числа появлений j-го глагола с данным падежом D_i к числу всех появлений глагола V_j. Эта относительная частота является статистическим аналогом силы управления глагола V_j падежом D_i[3]; мы будем обозначать ее через $G\,(D_i/V_j)$.

$$G\,(D_i/V_j) = \frac{f\,(D_{ij})}{f\,(V_j)}. \qquad (1)$$

Мы считаем необходимым учитывать различия в силе управления, так как они имеют в конечном счете семантическую природу: они связаны с различием в значениях управляемых форм и управляющих слов. Результаты проведенных автором экспериментов по статистическому изучению управления позволяют сформулировать следующие подтверждаемые большим материалом и достаточно правдоподобные положения о связи силы управления со значением 1) управляемой формы и 2) управляющего слова.

1. Если представить шкалу силы управления в виде отрезка [0,1], то можно заметить, что управляемые формы с различным значением распределены на этой шкале следующим образом: а) обычно управляются сильнее, т. е. больше тяготеют к полюсу 1, формы с объектным значением, чем формы с необъектным значением. Это касается не только вини-

[3] См. об этом: Ю. Д. Апресян, О сильном и слабом управлении, ВЯ, 1964, 3.

тельного прямого объекта, но и его синтаксических вариантов (сильно управляемого родительного, дательного, творительного, «изъяснительного» и некоторых предложных падежей) [4]. Например, при глаголах *гордиться*, *заниматься*, *интересоваться*, *любоваться*, *махнуть*, *покачать*, *пользоваться*, *развести*, *руководить*, весьма сильно управляющих творительным падежом (с силой от 0,6 до 1), творительный почти всегда имеет значение прямого объекта, а при глаголах *вздохнуть*, *встретиться*, *лететь*, *открываться*, *писать*, *получаться*, *помогать*, *посылать*, *произнести*, *устроить*, которые управляют творительным падежом с силой до 0,02, творительный может иметь только обстоятельственное (в том числе, инструментальное) значение. Ср. также *входить к кому* (0,01), *уходить к кому* (0,01), *выходить к кому* (0,02), *приехать к кому* (0,02), *следовать к чему* (0,02) в противоположность *привыкнуть к кому* (0,45), *готовиться к чему* (0,75), *прислушиваться к чему* (0,76), *обращаться к кому* (0,82), *относиться к кому* (0,98); б) среди форм с необъектным значением формы с пространственным значением управляются сильнее, чем формы со значением времени, причины, образа действия и другими родственными значениями. Так, слабо управляемый дательный падеж с предлогом *по* имеет значение времени, причины, образа действия, ср. *глядеть* (*по сторонам*), *думать* (*по вечерам*), *замечать* (*по движениям*), *читать* (*по складам*) и т. п.; для этих глаголов сила управления дательным падежом с предлогом *по* не превышает 0,01. Более сильно управляемый дательный с предлогом *по* имеет значение места, где происходит или куда направлено действие, ср. *бежать* (*бродить*, *водить*, *гулять*, *двигаться*, *ездить*, *нестись*, *пробежать*, *разойтись*) *по полю*, *бить* (*ударить*) *по лицу* и т. п.; для этих глаголов сила управления дательным падежом с предлогом *по* изменяется от 0,09 до 0,69, в) среди форм с пространственным значением сильнее управляются формы со значением направления действия, чем формы с чисто местным значением, ср. *добраться до чего* (0,8), *вынуть из чего* (0,72), *отойти от чего* (0,44), *снять с чего* (0,42), *подойти к кому* (0,8), *вступить во что* (0,9), *садиться за что* (0,2), *взглянуть на что* (0,73), в противоположность *посидеть близ чего* (0,05) *слышаться вокруг чего* (0,08), *тянуться вдоль чего* (0,08), *остановиться возле чего* (0,05), *повесить около чего* (0,06), *остановиться у чего* (0,13), *бродить по чему* (0,69), *побывать в чем* (0,52), *висеть на чем* (0,48) и т. п. (в обоих случаях брались наиболее сильно управляющие глаголы); г) среди форм со значением направления сильнее управляются формы со значением конечной точки, чем формы со значением начальной точки (источника), ср. *вырваться из чего* (0,39), *выскочить из чего* (0,43), *вытащить из чего* (0,43), *вылезти из чего* (0,52), *вынуть из чего* (0,72), *упасть с чего* (0,18), *вскочить с чего* (0,2), *нестись с чего* (0,22), *сойти с чего* (0,37), *снять с чего* (0,42) и *внести во что* (0,52), *направить во что* (0,52), *войти во что* (0,55), *отправиться во что* (0,55), *вступить во что* (0,9), *забраться на что* (0,5), *поглядеть на что* (0,55), *указать на что* (0,61), *взглянуть на что* (0,73), *обратить на что* (0,81) (во всех четырех случаях взято по пять наиболее сильно управляемых форм). В связи с этим наблюдением, подтверждаемым большим статистическим материалом, который мы не можем здесь изложить, мы бы рискнули сформулировать следующую эмпирическую закономерность: любой русский глагол, способный управлять двумя предложно-падежными формами со зна-

[4] Количественный анализ подтверждает точку зрения Е. Куриловича на падежные формы типа (*бояться*) *кого*, (*завидовать*) *кому*, (*качать*) *чем*, (*заботиться*) *о ком* как на «комбинаторные варианты» винительного падежа прямого объекта; см.: Е. К у р и л о в и ч, Проблема классификации падежей, сб. «Очерки по лингвистике», М., 1962, стр. 185.

чением начальной точки или источника (*из чего, с чего*), может быть употреблен и с предложно-падежными формами, обозначающими конечную точку (*во что, на что*), ср. *выбежать из комнаты — выбежать на улицу, вылезть из нормы — вылезть на площадку, вырваться из города — вырваться на поле, выступить из толпы — выступить на помост* и т. п. [5] (см. также табл. на стр. 61). Обратное, вообще говоря, неверно; существуют глаголы, управляющие предложно-падежными формами *во что, на что* и не способные управлять формами *из чего, с чего*, ср. *вбежать в комнату* (*на лестницу*), но не **вбежать из коридора* (*с улицы*), *влезть в нору*, но не **влезть из конуры*, *ворваться в слободу*, но не **ворваться из деревни*, *вступить в город*, но не **вступить из села*; д) среди форм с чисто обстоятельственным значением формы со значением причины управляются сильнее, чем формы со значением времени, образа действия и т. п., ср. *блестеть от чего* (0,04), *проснуться от чего* (0,05), *погибнуть от чего* (0,06), *устать от чего* (0,06), *умереть от чего* (0,11), *вздрогнуть от чего* (0,12), *покраснеть от чего* (0,12) и *думать по* (*вечерам*), *читать по* (*складам*), *зайти через* (*день*), *встретиться* (*летом*), *встретить с* (*улыбкой*), *ответить с* (*издевкой*) с силой управления до 0,01.

2. Зависимость между величиной силы управления и значением управляющего слова является, по-видимому, опосредствованной; она проявляется в том, что определенный тип управления предсказывает определенный элемент значения управляющего слова. Так, сильно управляемый винительный падеж и его синтаксические варианты — падежи прямого объекта — предсказывают значение переходности у управляющего глагола; сильно управляемый дательный — падеж «адресата» — предсказывает значение ориентированности у управляющего глагола. При этом сильно управляемые формы глубже (точнее, более полно) предсказывают значение управляющего слова, чем слабо управляемые формы. Поэтому небольшое число сильно управляемых форм предсказывает значение управляющего слова столь же полно и точно, как большое число слабо управляемых форм. Так, сильно управляемый винительный и сильно управляемый дательный предсказывают относительно немногочисленную группу глаголов с весьма специализированным значением п е р е д а ч и, ср. *дарить кому что, давать кому что, завещать кому что, объяснять кому что, сообщать кому что* и др. Сильно управляемый винительный и слабо управляемый дательный предсказывают несравненно более многочисленную группу глаголов, о значении которых можно сказать существенно меньше по той причине, что в русском языке практически любой переходный глагол, обозначающий физическое действие, может управлять дательным лица, которому принадлежит подвергающийся действию объект, ср. *рвать кому-л. рубашку, держать кому-л. руки, печатать кому-л. диссертацию, разжигать кому-л. печку* и т. п. Другой пример: видимо, в русском языке имеется немало глаголов самого различного значения, которые могут слабо управлять существительным в родительном падеже (например, родительном времени) и существительным в родительном падеже с предлогом *от*, ср. *проснуться* (*уехать*) *22 февраля от городского шума*. Однако очень невелика группа глаголов, способных подчинять те же два падежа и при этом сильно управлять родительным; такие глаголы образуют четкую и замкнутую семантическую группу, ср. *ждать чего от кого, ожидать чего от кого, требовать чего от кого* и *хотеть чего от кого*.

---

[5] Впрочем как и многие другие эмпирические закономерности, эта закономерность может оказаться чисто статистической.

Может показаться, что поскольку сильное управление не всегда мотивировано, сильно управляемые формы в принципе не могут предсказывать значения глагола. Укажем в связи с этим на тот интересный факт, что в случае немотивированного сильного управления в языке обычно обнаруживается целая группа близких по значению глаголов, имеющих данный тип управления, и поэтому он оказывается семантически содержательным несмотря на свою немотивированность, ср. *качать головой*, *кивнуть головой*, *махать рукой*, *пожать плечами*, *развести руками*; *беспокоиться за кого-л.*, *бояться за кого-л.*, *волноваться за кого-л.*, *тревожиться за кого-л.*; *виниться кому в чем*, *исповедаться кому в чем*, *каяться кому в чем*, *открываться кому в чем*, *признаваться кому в чем*, *сознаваться кому в чем*; *возиться с чем*, *копаться с чем*, *медлить с чем*, *мешкать с чем*, *спешить с чем*, *торопиться с чем*, *тянуть с чем*; *лишать кого чего*, *удостаивать кого чего* и очень многие другие.

Таким образом, сила управления является мерой неслучайности данного признака для данного глагола. В значениях двух глаголов тем больше семантической общности (в указанном выше смысле), чем сильнее они управляют одними и теми же предложно-падежными формами и чем меньше различие в их силе управления этими формами.

Сделанные выше замечания представляются нам достаточным содержательным введением к основной теме работы. Нам остается сделать еще одно замечание, касающееся ее структуры.

Всего было проведено три дистрибутивно-числовых исследования. В каждом последующем эксперименте в качестве исходной информации использовались результаты предыдущего. Исходным материалом для первого исследования, имевшего целью описание глаголов по их синтаксическим признакам, послужил в конечном счете текст, поскольку частотный словарь Э. А. Штейнфельдт составлялся на основе текстовых данных. Во втором эксперименте на множестве глаголов, каждый из которых был представлен набором значений синтаксических признаков, была определена метрика (построено семантическое пространство глаголов). В третьем эксперименте по матрице расстояний были построены классы глаголов. Второе и третье исследование проводились на основе вполне строгих алгоритмов, допускающих машинную реализацию (хотя автор вынужден был провести все вычисления вручную). Если считать, что синтаксис языка в указанном выше смысле действительно известен исследователю, то и первый эксперимент может быть поставлен на машине.

Основным экспериментальным результатом, который мог бы подтвердить нашу гипотезу, мы считаем возможность исчерпывающим образом описать каждый глагол на основе его синтаксических признаков (т. е. типов управления). Поясним это положение. Допустим, что в нашем описании каждый глагол действительно имеет уникальный набор синтаксических признаков, отличающий его от любого другого глагола. Уникальность этой синтаксической характеристики не может зависеть от грамматических форм глагола, потому что его синтаксические способности в различных грамматических формах (в том числе и неличных) практически не меняются. Следовательно, она может быть связана только с уникальностью его значения (предположение о том, что уникальность синтаксических свойств глагола в общем случае связана с особенностями его звукового облика явным образом не заслуживает доверия). Заметим, что такой экспериментальный результат был бы совершенно объективным подтверждением гипотезы.

Следовательно, для того чтобы проверить гипотезу, достаточно построить классификацию глаголов по их синтаксическим признакам. Гипотеза будет подтверждена, если все классы этой классификации или хотя

бы большинство классов окажутся одноэлементными (глагол образует самостоятельный класс, состоящий из одного элемента, если он обладает уникальным набором синтаксических свойств).

2. Построение классов глаголов по синтаксическим признакам

На первом этапе построения классификации были учтены все падежи существительных (с предлогом или без предлога), которыми управляет хотя бы один глагол из числа встретившихся в выборке. Их оказалось 46. Кроме того, в качестве синтаксических признаков глаголов рассматривалось управление инфинитивом и придаточным дополнительным предложением с союзом *что*. Статистические данные об этих типах управления были собраны нами не по текстам, а по академическому «Словарю русского языка» и являются поэтому менее надежными, чем данные частотного словаря. Всего было выделено, таким образом, 48 синтаксических признаков, каждый из которых является в принципе многозначным, но в данном исследовании, по ряду технических причин, рассматривается в качестве бинарного: глагол либо имеет данный тип управления, либо нет. 15 из 48 признаков оказались полностью избыточными[6]. Это — малоупотребительные варианты местного и некоторых других падежей (*близ чего, вдоль чего, возле чего, вокруг чего, из-под чего, мимо чего, насчет чего, после чего, против чего, не чему, по что, сквозь что, между чем, вместе с чем, при чем*). Полностью избыточные признаки, не порождающие ни одного класса, были устранены, и классификация глаголов строилась на основе оставшихся 33 признаков[7]. Была составлена матрица вида:

	V_1	V_2	V_3	...	V_n
D_1	1	0	0	...	1
D_2	0	0	1	...	1
...	...	...	...	...	...
D_k	1	0	1	...	0

[6] Полностью избыточным называется такой признак, что не существует пары классов, отличающихся только по этому признаку.

[7] Дальнейшая оптимизация множества признаков путем опущения избыточных признаков невозможна без введения точной функции выгодности. Не входя в детали этого весьма сложного вопроса, укажем, что качество Q данного множества признаков K, содержащего ровно k экспериментальных бинарных признаков, можно было бы оценивать с помощью функции

$$Q(K) = \frac{-\sum_{i=1}^{n} p(C_i) \cdot \log_2 p(C_i)}{k}, \qquad (2)$$

где $p(C_i)$ — вероятность i-го класса разбиения, порождаемого k экспериментальными признаками, а n — число классов в этом разбиении (вероятностью класса называется отношение числа глаголов, которые входят в данный класс, к числу глаголов в исходном множестве). В числителе дроби стоит число, показывающее энтропию разбиения для k экспериментальных признаков, а в знаменателе — число, показывающее энтропию идеального разбиения для k независимых бинарных признаков (она всегда равна числу признаков). Функция изменяется на отрезке [0, 1]; из вида функции ясно, что наилучшим считается множество независимых бинарных признаков, порождающее ровно 2^k классов.

Оптимизации множества признаков можно добиться еще одним путем — не сокращая избыточные признаки, а сращивая близкие признаки в один новый. Опыт такого рода изложен автором в статье «Алгоритм построения классов по матрице расстояний» (в печати).

где D_1, D_2 ... обозначают синтаксические признаки (типы управления), а V_1, V_2... — глаголы. Клетки матрицы заполняются единицами и нулями в соответствии с тем, имеет ли данный глагол данный тип управления или нет.

Формальным определением глагола является столбец такой матрицы, или вектор. Два глагола входят в один класс, если их векторы равны (если множества присущих им типов управления совпадают).

Мы рассмотрели 476 глаголов (почти все глаголы, имеющиеся в справочнике, за исключением полутора десятков связочных). С помощью 33 признаков эти глаголы были разбиты по указанному выше правилу на классы, которых оказалось 361. Из них 323 класса — одноэлементные. Иными словами, каждый из этих 323 глаголов действительно имеет совершенно уникальный набор синтаксических свойств, отличающий его от любого другого глагола исходного множества (заметим, что если бы признаки рассматривались как многозначные, число одноэлементных классов возросло бы до 469). Самостоятельный класс образует: 1) каждый из глаголов движения (*бежать*, *идти*, *лезть*, *лететь*, *нестись* и их многочисленные производные; *бродить*, *ездить*, *ходить*, *плавать*; *вскочить*, *встать*, *лечь*, *опуститься*, *подняться*, *сесть*, *упасть* и т. п.); 2) каждый из глаголов, обозначающих физическую деятельность (*заниматься*, *играть*, *петь*, *работать*); 3) каждый из глаголов, обозначающих положение в пространстве (*висеть*, *лежать*, *сидеть*, *стоять*); 4) каждый из глаголов, обозначающих пребывание где-либо (*бывать*, *находиться*, *оставаться*); 5) каждый из глаголов физического состояния (*гореть*, *жить*, *пахнуть*); 6) каждый из транзитивных глаголов перемещения (*везти*, *нести*, *тащить* и их многочисленные производные; *водить*, *таскать*); 7) каждый из глаголов, обозначающих передачу (*выдать*, *выделить*, *дать*, *доставить*, *передать*); 8) каждый из глаголов со значением сообщения (*говорить*, *доложить*, *обещать*, *отвечать*, *рассказывать*); 9) каждый из глаголов со значением физического приобретения или утраты (*брать*, *доставать*, *находить*, *покупать*, *получать*, *терять*); 10) каждый из глаголов со значением интеллектуального овладения или утраты (*забыть*, *прочесть*, *узнать*); 11) каждый из глаголов со значением пассивного и активного восприятия (*видеть*, *слышать*, *увидеть*; *глядеть*, *смотреть*); 12) каждый из глаголов, обозначающих насильственное воздействие на объект (*бить*, *ударить*); 13) каждый из глаголов со значением действия, создающего свой объект (*готовить*, *организовать*, *сделать*, *строить*, *устроить*); 14) каждый из каузативных глаголов типа *бросить*, *вызвать*, *выпустить*, *звать*, *направить*, *пригласить*, *пустить*; *класть*, *повесить*, *положить*, *посадить*, *поставить*; 15) каждый из глаголов «желания» (*желать*, *требовать*, *хотеть*); 16) каждый из глаголов со значением намерения (*собираться*, *стремиться*) и ряд других.

38 классов содержат более одного элемента, но глаголы, входящие в такие классы, в большинстве случаев сходны по значению; ср. следующие неодноэлементные классы: 1) *беседовать*, *заговорить*, *поговорить*, *разговаривать*; 2) *производить*, *создавать*; 3) *изменить*, *наладить*; 4) *напомнить*, *сказать*, *сообщить*; 5) *видеть*, *понимать*; 6) *подать*, *сдать*; 7) *объявить*, *объяснить*; 8) *показать*, *представить* и ряд других.

Некоторые неодноэлементные классы лишены семантической однородности (они составляют приблизительно треть от общего числа неодноэлементных классов); ср. 1) *забраться*, *обидеться*, *оглянуться*, *рассердиться*, *сердиться* или 2) *велеть*, *приказать*, *помешать*. Можно указать три причины семантической неоднородности классов (кроме многозначности глагола, которая, как сказано выше, в данной работе в расчет не принимается):

1. Неполнота данных о типах управления в словаре Э. А. Штейнфельдт. Так, глаголы *обидеться*, *рассердиться*, *сердиться* достаточно часто управляют предложно-падежной формой *за что*, ср. *обидеться* (*сердиться*, *рассердиться*) *на кого за что*; это нехарактерно для глагола *оглянуться*. Глагол *забраться* имеет двойное управление типа *с чего на что*. Данный тип управления несвойствен остальным четырем глаголам этого класса. Во втором указанном выше классе глагол *помешать* может управлять предложно-падежной формой *в чем*, что нехарактерно для двух других глаголов этого класса, ср. *помешать кому в чем*.

2. Различия в силе управления; так, в классе *велеть*, *приказать*, *помешать* первые два глагола управляют инфинитивом с силой 0,86 и 0,83, а дательным — с силой 0,07 и 0,18 соответственно, в то время как глагол *помешать* сильнее управляет дательным (0,88), чем инфинитивом (0,17).

3. Неполнота множества синтаксических дифференциальных признаков. Если бы, например, мы рассматривали, наряду с дистрибутивно-статистическими еще и трансформационные признаки, множество признаков обладало бы гораздо большей различительной силой. Так, в первом из рассматриваемых классов легко выделились бы глаголы *обидеться*, *сердиться*, *рассердиться*, ср. *он обидел* (*сердит*, *рассердил*) *меня — я обиделся* (*сержусь*, *рассердился*) *на него*, а во втором классе — глаголы *велеть* и *приказать*, ср. *он велит* (*приказывает*) *мне уйти — я ухожу по его повелению* (*приказанию*).

В связи с пунктом 3 укажем, что не все глаголы одинаково хорошо описываются дистрибутивно-статистическими признаками (типами управления). Хорошо описываются таким образом глаголы движения, глаголы, обозначающие физическую деятельность и различного рода физические состояния и им подобные. Но эти глаголы имеют небольшое число ненулевых трансформационных признаков. В противоположность им, глаголы интеллектуальной и эмоциональной деятельности, обозначающие замкнутое в субъекте действие, характеризуются небольшим числом типов управления, чаще всего — одним. Таковы, по данным частотного словаря, глаголы *волноваться* (*за кого*), *гордиться* (*кем*), *дружить* (*с кем*), *завидовать* (*кому*), *изучать* (*что*), *интересовать* (*кого*), *интересоваться* (*чем*), *испугаться* (*кого*), *любить* (*что*), *любоваться* (*чем*), *обидеться* (*на кого*), *пережить* (*что*), *радоваться* (*чему*), *сердиться* (*на кого*), *удивляться* (*чему*) и мн. др. Однако меньшая способность к управлению компенсируется у этих глаголов гораздо большей по сравнению с «конкретными» глаголами способностью к трансформации. В итоге все глаголы достаточно точно описываются в терминах синтаксических признаков; но «конкретные» глаголы описываются, в основном, дистрибутивно, а «абстрактные» глаголы — трансформационно.

3. Построение семантического пространства

Итак, мы получили описание глаголов, в котором каждый глагол представлен набором значений синтаксических признаков. Метрика на множестве глаголов может быть введена следующим образом:

$$\rho(V_i, V_j) = 1 - \frac{|M_i \cap M_j|}{|M_i \cup M_j|}, \qquad (3)$$

где $\rho(V_i, V_j)$ — расстояние между глаголами V_i и V_j, M_i (M_j) — множество ненулевых признаков глагола V_i(V_j), $|M_i \cap M_j|$ — мощность пересечения M_i и M_j, а $|M_i \cup M_j|$ — мощность объединения M_i и M_j; в содержательной интерпретации, $|M_i \cap M_j|$ — число совпадающих

ненулевых признаков V_i и V_j, а $|M_i \cup M_j|$ — число всех различных ненулевых признаков V_i и V_j[8]. Иными словами, чем больше число совпадающих признаков V_i и V_j и чем меньше число всех различных признаков этих глаголов, тем меньше расстояние между ними, и наоборот. Функция изменяется на отрезке [0, 1]. Расстояние максимально, когда у V_i и V_j нет ни одного общего ненулевого признака, и минимально, когда все ненулевые признаки двух глаголов совпадают.

Однако для адекватного измерения расстояний недостаточно учитывать только число совпадающих и различных признаков; необходимо принимать во внимание и вес этих признаков.

Посмотрим, какие числовые параметры синтаксического признака необходимо учитывать, чтобы достаточно тонко установить его вес. Можно заметить, что если число глаголов, имеющих оценку 1 по данному признаку, очень велико, то признак семантически малосодержателен: он грамматикализован. Семантическая содержательность признака, при прочих равных условиях, увеличивается по мере уменьшения числа глаголов, которые имеют по этому признаку оценку 1; в этом случае возрастает его прогнозирующая сила. Так, винительным падежом управляют 243 глагола из 476, а винительным падежом с предлогом *о* — всего два глагола (в объеме исследованного материала). Первый признак имеет весьма общее значение транзитивности, а второй — гораздо более содержательное (богатое) значение контакта, ср. *бить что обо что*, *ударять что обо что*, *опираться обо что*, *спотыкаться обо что* (последние два глагола в частотном словаре не отмечены). Следовательно, по данному параметру первый признак весит меньше второго (менее прогностичен). Этот вес признака можно определять с помощью следующей простой функции:

$$w^1(D_i) = \frac{1}{m_i}, \tag{4}$$

где $w^1(D_i)$ — первый вес признака, а m_i — число глаголов, которые имеют по нему оценку 1.

Рассмотрим теперь другую характеристику признака, которую мы условно назовем семантической однородностью. Сравним винительный и творительный падежи. Винительный падеж в абсолютно подавляющем большинстве случаев является признаком транзитивности глагола, а творительный падеж, несмотря на то, что им управляет меньшее число глаголов (92 из 476), не прогнозирует даже такого общего значения. Если мы имеем дело с двумя глаголами, управляющими винительным падежом, мы можем почти всегда сказать, что они оба имеют переходное значение. Если же два глагола управляют творительным падежом, мы не можем сказать сколько-нибудь точно, что общего в их значении.

Семантическая однородность признака поддается измерению. Мы уже говорили о том, что сильно управляемые формы лучше прогнозируют значение управляющего слова, чем слабо управляемые формы. Поэтому в качестве статистического коррелята понятия семантической однородности признака можно использовать среднюю силу управления глаголов данной формой:

$$\bar{G}(D_i/V_j) = \frac{\sum_{j=1}^{m} G(D_i/V_j)}{m}, \tag{5}$$

[8] Это расстояние — метрическое ($\rho(a, a) = 0$; $\rho(a, b) = \rho(b, a)$; $\rho(a, b) + \rho(b, c) \geqslant \rho(a, c)$). Последнее свойство было доказано, по просьбе автора, Г. В. Дорофеевым, которому автор выражает свою признательность. Ср. формулу семантической близости у С. Джоунс (см. примеч. 2).

где m — число глаголов, способных управлять формой D_i. Представление о средней силе управления или степени семантической однородности признака можно получить еще одним способом. Пусть $f(D_i)$ — число появлений формы D_i с каким-либо (безразлично, каким именно) глаголом в данной выборке, а m_i — число глаголов, способных управлять формой D_i. Функция

$$H(D_i) = \frac{f(D_i)}{m_i} \tag{6}$$

и дает представление о степени семантической однородности данного признака. Чем больше $H(D_i)$, т. е. чем больше появлений D_i приходится в среднем на каждый глагол, тем однороднее признак. Хотя $\overline{G}(D_i/V_j)$ и $H(D_i)$ не совпадают, они хорошо согласованы.

В проведенном нами эксперименте семантическая однородность измерялась по формуле (6). Максимальная степень семантической однородности, обнаруженная у винительного падежа, была принята за единицу. Остальные формы были нормированы по этому максимуму. Соответствующие числа были приняты в качестве меры семантической однородности признака и считались его вторым весом:

$$w^2(D_j) = \frac{H(D_i)}{H(D_j)\max}. \tag{7}$$

В качестве приведенного веса признака было взято среднее из двух его весов:

$$w(D_i) = \frac{w^1(D_i) + w^2(D_i)}{2}. \tag{8}$$

Данные о трех весах признаков, частоте формы в выборке и числе глаголов, способных управлять ею, приводятся в таблице весов признаков (см. стр. 61): Признаки упорядочены по убыванию приведенного веса.

Для того чтобы учесть информацию о весе признаков, мы преобразуем формулу расстояния следующим образом:

$$\rho(V_j, V_k) = 1 - \frac{\sum\limits_{i=1}^{|M_j \cap M_k|} w(D_i),\ D_i \in M_j \cap M_k}{\sum\limits_{l=1}^{|M_j \cup M_k|} w(D_l),\ D_l \in M_j \cup M_k}. \tag{9}$$

Иными словами, мы сравниваем не просто число совпадающих и различных признаков, а сумму весов совпадающих и различных признаков и таким образом получаем более точное представление о семантическом сходстве слов.

Чтобы более полно учесть семантические различия между глаголами, связанные с различиями в их силе управления той или иной предложно-падежной формой (см. выше), необходимо было бы использовать еще одну функцию расстояния:

$$\rho(V_j, V_k) = \sum_{i=1}^{m} |G(D_i/V_j) - G(D_i/V_k)|, \tag{10}$$

где m — общее число признаков. Тогда в качестве приведенного расстояния между глаголами можно было бы взять среднее из расстояний (9) и (10). Однако трудно было бы вручную просчитать расстояния для сколько-нибудь значительной группы глаголов по столь сложной формуле. Поэтому в проведенном нами эксперименте учитывалось лишь расстояние

Таблица весов признаков[9]

I	D_i	$w(D_i)$	$w^2(D_i)$	$w^1(D_i)$	$f(D_i)$	m_i
1	N_a	0,502	1	0,004	10143	243
2	N_d	0,288	0,566	0,009	2727	115
3	*без* N_g	0,279	0,225	0,333	32	3
4	*о* N_a	0,268	0,036	0,5	3	2
5	N_g	0,23	0,423	0,037	477	27
6	*о* N_p	0,193	0,363	0,022	685	45
7	*к* N_d	0,156	0,3	0,012	1013	81
8	*в* N_a	0,139	0,27	0,007	1533	135
9	*на* N_a	0,134	0,26	0,008	1432	131
10	*до* N_g	0,111	0,131	0,091	61	11
11	*с* N_i	0,105	0,196	0,014	563	69
12	*в* N_p	0,103	0,196	0,01	825	101
13	*не* N_g	0,098	0,095	0,1	40	10
14	*от* N_g	0,096	0,162	0,03	225	33
15	*около* N_g	0,096	0,048	0,143	14	7
16	*перед* N_i	0,092	0,12	0,063	80	16
17	*под* N_a	0,088	0,05	0,125	17	8
18	*про* N_a	0,088	0,105	0,071	61	14
19	N_i	0,085	0,158	0,011	610	92
20	*по* N_d	0,081	0,136	0,025	229	40
21	*под* N_i	0,08	0,06	0,1	25	10
22	*на* N_p	0,08	0,148	0,012	522	84
23	*из* N_g	0,074	0,134	0,014	406	73
24	*из-за* N_g	0,074	0,076	0,071	45	14
25	*за* N_a	0,07	0,122	0,018	290	57
26	*с* N_g	0,065	0,11	0,02	240	51

[9] Обозначения: N — существительное, $\overline{V}$ — инфинитив, S — предложение. Подстрочные буквы обозначают падежи: g — родительный, d — дательный, a — винительный, i — творительный, f — предложный.

I	D_i	$w(D_i)$	$w^2(D_i)$	$w^1(D_i)$	$f(D_i)$	m_i
27	*за* N_i	0,065	0,11	0,019	247	52
28	*через* N_a	0,064	0,036	0,091	16	11
29	*у* N_g	0,063	0,11	0,016	288	62
30	*над* N_i	0,061	0,055	0,067	35	15
31	$\overline{V}$	0,051	0,09	0,011	332	89
32	*для* N_g	0,042	0,055	0,028	84	36
33	*что* S	0,029	0,04	0,018	97	57

(9). По этой формуле была составлена матрица расстояний 80 × 80 для 80 глаголов, являющихся представительной выборкой из 476 глаголов исходного множества.

Результаты проведенных измерений кажутся нам удовлетворительными, несмотря на то, что мы не учитывали расстояния (10). Ниже мы сумеем рассмотреть только некоторые наиболее важные из них.

Большинство оценок расстояния хорошо согласуется с нашими интуитивными представлениями о смысловом сходстве и различии слов. В подтверждение этого укажем для каждого из 80 глаголов тот глагол (или глаголы), который находится на минимальном расстоянии от данного: 1) *бежать — идти* (0,13), 2) *беседовать — разговаривать* (0), 3) *бить — ударить* (0,38), 4) *брать — взять* (0,31), 5) *бросаться — идти* (0,17), 6) *везти — доставить, положить* (0,21), 7) *велеть — приказать* (0), 8) *вернуться — возвращаться* (0,09), 9) *взять — вытащить* (0,22), 10) *видеть — понимать* (0), 11) *возвращаться — вернуться* (0,09), 12) *вызывать — приглашать* (0,17), 13) *вынуть — производить* (0,28), 14) *выпить — съесть* (0,25), 15) *вытащить — опустить* (0,09), 16) *говорить — сказать, сообщить* (0,12), 17) *готовить — привезти* (0,12), 18) *дать — купить* (0,17), 19) *держаться — касаться* (0,32), 20) *договориться — беседовать* (0,15), 21) *докладывать — писать* (0,17), 22) *достать — дать, купить* (0,4), 23) *доставить — нести* (0,05), 24) *дружить — знакомиться* (0), 25) *думать — договориться* (0,53), 26) *ждать — ожидать* (0,21), 27) *замечать — оказывать* (0,31); ср. *обнаружить* (0,32), 28) *заставлять — уговаривать* (0), 29) *заявить — докладывать* (0,51), 30) *знакомиться — дружить* (0), 31) *знать — читать* (0,12), 32) *идти — бежать* (0,13), 33) *касаться — держаться* (0,32), 34) *кинуться — броситься, идти* (0,37), 35) *класть — опустить* (0,11), 36) *кричать — докладывать* (0,27), 37) *купить — дать* (0,17), 38) *лезть — вернуться* (0,21), 39) *лететь — вернуться* (0,32), 40) *найти — оказать* (0,38), 41) *нести — доставить* (0,05), 42) *нестись — идти* (0,33), 43) *обещать — разрешить* (0,11), 44) *обнаружить — видеть* (0,19), 45) *объявить — объяснить* (0), 46) *объяснить — объявить* (0), 47) *ожидать — требовать* (0,1), 48) *оказать — подарить* (0), 49) *опустить — вытащить* (0,09), 50) *писать — докладывать, сообщать* (0,17), 51) *подарить — сказать* (0), 52) *позволить — разрешить, советовать* (0), 53) *положить — доставить* (0,14); 54) *получать — производить* (0,31), 55) *понимать — видеть* (0), 56) *привезти — готовить* (0,12), 57) *приглашать — вызывать, тащить* (0,17), 58) *приказать — велеть* (0), 59) *производить — создавать* (0), 60) *просить — требовать, хотеть*

(0,45), 61) *радоваться — удивляться* (0), 62) *разговаривать — беседовать* (0), 63) *разрешить — позволить, советовать* (0), 64) *сказать — сообщить* (0), 65) *слышать — знать* (0,26), 66) *советовать — позволить, разрешить* (0), 67) *согласиться — договориться* (0,61), 68) *создавать — производить* (0), 69) *сообщить — сказать* (0), 70) *ставить — класть* (0,11), 71) *строить — обнаружить* (0,29), 72) *съесть — ожидать* (0,19), 73) *тащить — приглашать* (0,17), 74) *требовать — ожидать* (0,1), 75) *уговаривать — заставлять* (0), 76) *ударить — бить* (0,38), 77) *удивляться — радоваться* (0), 78) *ходить — идти, возвращаться* (0,34), 79) *хотеть — ожидать* (0,26), 80) *читать — знать* (0,12).

Чтобы иметь полное представление о качестве измерений, недостаточно знать оценки расстояния только для наиболее близких по смыслу глаголов; необходимо рассмотреть оценки расстояния для всех пар, в которые входит некоторый глагол. Приведем соответствующие данные для глагола *бежать*. Они организованы следующим образом: отрезок [0,1] разбит на 10 равных частей и все глаголы распределены по 10 классам в зависимости от того, на каком расстоянии от глагола *бежать* они находятся. 1) Ø; 2) *вернуться, идти*; 3) *возвращаться, лезть*; 4) *бросаться/-ситься, нестись*; 5) *кинуться, лететь, ходить*; 6) Ø; 7) *вызывать/-звать, приглашать/-сить, тащить*; 8) *брать, везти, взять, вытащить, опустить, хотеть*, 9) *бить, доставить, класть, кричать/-нуть, нести, положить, получать/-чить, просить, согласиться, ставить, ударить*; 10) *беседовать, велеть, видеть, вынуть, выпить, говорить, готовить, давать/дать, держаться, договориться, докладывать/-ложить, доставать/-стать, дружить, думать, ждать, замечать/-тить, заставлять/-вить, заявить, знакомиться, знать, касаться, купить, найти/-ходить, обещать, обнаружить, объявить, объяснить, ожидать, оказывать/-зать, писать, подарить, позволять/-лить, понимать/-нять, привезти, приказать, производить, радоваться, разговаривать, разрешить, сказать, слышать, советовать, создавать/-дать, сообщать/-щить, строить, съесть, требовать, уговаривать/-рить, удивляться/-виться, читать.*

Аналогичные результаты были получены для всех 80 глаголов. Нам кажутся достойными упоминания следующие факты: глаголы, близкие по смыслу, находятся на приблизительно одинаковом расстоянии от данного глагола. Так, глагол *бежать* находится почти на одном и том же расстоянии от глаголов *бросаться* и *нестись*, *вызывать* и *приглашать*, *брать* и *взять*, *бить* и *ударить*, *класть* и *ставить* и т. д. Глагол *вызывать* находится почти на одинаковом расстоянии от глаголов *вытащить* и *тащить*, *заставлять* и *уговаривать*, *выпить* и *съесть*, *говорить* и *сказать*, *ждать* и *ожидать*, *велеть* и *приказать*, *вернуться* и *возвращаться* и т. д. Хотя указанная зависимость является простым следствием предложенного нами расстояния, она не утрачивает своего интереса, так как свидетельствует об осмысленности нашей гипотезы и методов ее проверки.

Интересным образом связаны целые группы глаголов. Например, все транзитивные глаголы со значением перемещения типа *везти, нести, тащить* и под. находятся на небольшом расстоянии от каузативных глаголов типа *вызывать, приглашать*. Этот результат вполне естествен. Единственным существенным различием между этими двумя группами глаголов является то, что чисто каузативные глаголы обозначают действие, каузирующее движение объекта, которое не сопровождается перемещением субъекта действия. При действиях типа *везти, нести, тащить* перемещается и деятель и объект. По понятным причинам обе названные группы глаголов близки к глаголам типа *класть, ставить, вытащить, опустить* и т. п. Другой пример: глаголы так называемого моторно-некратного подвида (*бежать, идти, лезть, лететь*) находятся на меньших

расстояниях друг от друга, чем от глаголов моторно-кратного подвида типа *ходить*. Это объясняется тем, что моторно-кратные глаголы обозначают, вообще говоря, пребывание в состоянии движения и как таковые гораздо сильнее управляют местными и другими падежами, значение которых хорошо согласуется со значением состояния, ср. *ходить в саду по дорожке*, *ходить в пальто*. Именно поэтому они оказываются ближе к глаголам, обозначающим физические состояния (типа *ждать*, *жить*), которые далеки от моторно-некратных глаголов.

Некоторые на первый взгляд неожиданные оценки могут быть правдоподобно объяснены. Так, глаголы *беседовать* и *разговаривать* оказались на довольно большом расстоянии от глаголов *говорить* и *сказать* (соответственно 0,73 и 0,82). Это объясняется тем, что глаголы *беседовать* и *разговаривать* обычно обозначают обмен информацией, в то время как глаголы *говорить* и *сказать* обозначают либо передачу информации (поэтому ближайшим к ним словом является глагол *сообщить*), либо просто действие произнесения чего-либо.

4. Построение классов по матрице расстояний

Одним из результатов изучения построенного в предыдущем разделе семантического пространства является вывод о том, что оно неодинаково плотно: некоторые его участки, в которых находятся большие группы семантически близких глаголов (примеры см. на стр. 62—63), обнаруживают повышенную плотность. В связи с этим представляется целесообразной попытка обнаружить эти участки строгими методами. Эта задача сводится к построению классов по матрице расстояний.

Назовем классом некоторое подмножество элементов пространства, такое, что для любых трех элементов a, b, c,— если a и b принадлежат данному подмножеству, а c не принадлежит ему, — расстояние между a и b должно быть строго меньше расстояния между a и c. Это определение может быть представлено в виде условия, в дальнейшем именуемого условием 1, которому должно удовлетворять искомое разбиение множества элементов (семантического пространства) на классы.

Теорема 1: Никакие два класса не пересекаются (кроме тех случаев, когда один класс целиком входит в другой) [10].

Разбиения, удовлетворяющие условию 1, назовем правильными (в общем случае существует более одного такого разбиения). Потребуем теперь, чтобы число классов в разбиении было минимальным, но не менее двух (условие 2).

Теорема 2: Произвольный элемент a_i и элемент a_j, такой, что $\rho(a_i, a_j) = \max_j \rho(a_i, a_j)$, принадлежат разным классам правильного разбиения.

Теорема 3: Существует одно и только одно правильное разбиение множества на классы, удовлетворяющее условию 2. Это разбиение мы назовем главным.

Теорема 4: Классы любого правильного разбиения либо совпадают с классами главного, либо содержатся в них.

Следующий алгоритм отыскивает главное разбиение:

I. 1. Выбери в множестве произвольный элемент a_i и образуй класс $K_1 = \{a_i\}$.

2. Найди элемент a_j, такой, что $\rho(a_i, a_j) = \max_j \rho(a_i, a_j)$, и образуй $K_2 = \{a_j\}$.

[10] Формальное доказательство теорем и сообщаемого ниже алгоритма построения классов по матрице расстояний содержится в работе автора «Алгоритм построения классов по матрице расстояний» (в печати).

II.1. Проверь, остались ли в множестве необработанные элементы. Нет — выдай уже образованные классы в качестве результата. Да — делай II.2.

2. Выбери пару элементов a_h и a_m, таких, что a_h принадлежит обработанной части множества, а a_m — необработанной, и $\rho(a_h, a_m) = \min_{h,m} \rho(a_h, a_m)$. Включи a_m в тот класс K_{a_h}, которому принадлежит a_h.

3. Проверь, выполнено ли условие 1 для a_m. Нет — делай III.1. Да — делай II.4.

4. Проверь, выполнено ли условие 1 для остальных элементов класса K_{a_h} относительно a_m. Нет — делай III.1. Да — делай II.5.

5. Проверь, выполнено ли условие 1 для элементов остальных классов (не равных K_{a_h}) относительно элемента a_m. Нет — делай III.2. Да — делай II.

III.1. Образуй новый класс $K_j = \{a_m\}$, переименуй a_m в x и делай III.5.

2. Найди среди элементов обработанной части множества, для которых условие 1 относительно a_m не выполнено, такой элемент a_k, что $\rho(a_k, a_m) = \min_k \rho(a_k, a_m)$, и образуй $K_j = \{a_k\}$. Переименуй a_k в x.

3. Проверь, остались ли в обработанной части множества элементы, для которых условие 1 относительно a_m не выполнено. Нет — делай III.5. Да — делай III.4.

4. Найди среди элементов обработанной части множества, для которых условие 1 относительно a_m не выполнено, такой элемент a_l, что $\rho(a_l, a_m) = \min_l \rho(a_l, a_m)$, верни его в необработанную часть множества и делай III.3.

5. Проверь, выполнено ли условие 1 для всех элементов обработанной части множества относительно элемента x нового класса K_j. Да — делай II. Нет — делай III.6.

6. Найди среди элементов обработанной части множества, для которых условие 1 относительно элемента x из K_j не выполнено, такой элемент a_n, что $\rho(a_n, x) = \min \rho(a_n, x)$, верни его в необработанную часть множества и делай III.5. [n]

Одно из привлекательных свойств этого алгоритма состоит в том, что его движение по матрице описывает в некотором смысле структуру семантического пространства: сначала выделяются два наиболее удаленных друг от друга класса, а на каждом следующем шаге — класс, наиболее близкий к тому, который был выделен на непосредственно предшествующем этапе. В результате работы этого алгоритма были получены следующие классы: 1) *оказывать, подарить, позволить, разрешить, советовать, обещать, объявить, объяснить, сказать, сообщить, говорить, писать*; 2) *идти, бежать, бросаться, лезть, возвращаться вернуться, ходить, лететь, кинуться, нестись*; 3) *вызывать, приглашать, тащить*; 4) *доставить, нести, положить*; 5) *класть, ставить*; 6) *вытащить, опустить*; 7) *взять*; 8) *брать*; 9) *привезти, готовить*; 10) *везти*; 11) *достать*, 12) *обнаружить, понимать, видеть*; 13) *слышать*; 14) *читать, знать*; 15) *просить*; 16) *бить, ударить*; 17) *ждать*; 18) *требовать, ожидать, съесть*; 19) *выпить*; 20) *хотеть*, 21) *касаться, держаться*; 22) *производить, создавать, заставлять, уговаривать*; 23) *строить*; 24) *вынуть*; 25) *получать*; 26) *дать, купить*; 27) *докладывать*; 28) *заявить*; 29) *кричать*; 30) *замечать*; 31) *радоваться, удивляться*; 32) *велеть, приказать*; 33) *думать*; 34) *беседовать, разговаривать, договориться*; 35) *согласиться*; 36) *дружить, знакомиться*; 37) *найти*.

Почти все полученные классы допускают ясную семантическую интерпретацию. Исключение составляют классы 1, 18, 22. Заметим, что если бы мы применили тот же самый алгоритм вторично, но на этот раз — к множеству глаголов, входящих в один класс, мы бы получили, в частности, разбиение класса 1 на подклассы: а) *оказать*, *подарить*, б) *позволить*, *разрешить*, *советовать*, в) *объявить*, *объяснить*, г) *говорить*, *сказать*, *сообщить* и т. д.; класса 18 на подклассы: а) *ожидать*, *требовать* и б) *съесть*; класса 22 на подклассы: а) *производить*, *создавать* и б) *заставлять*, *уговаривать*. Поскольку, однако, пока не представляется ясным, до каких пор следует применять эту процедуру, мы ограничимся сделанными замечаниями.

5. Заключение

Экспериментальная работа почти всегда дает некоторые нежелательные результаты, свидетельствующие либо об ошибочности гипотезы, либо о неточностях методики. Нежелательные результаты имеются и в наших экспериментах. Мы уже говорили во втором разделе о том, что наряду с одноэлементными классами было получено некоторое число неодноэлементных. Укажем, что самый крупный из них, в который входят глаголы, управляющие только винительным падежом, насчитывает 31 элемент. Не всегда поддаются непринужденному объяснению оценки расстояний между глаголами. Так, глаголы *позволить* и *разрешить* оказались на чересчур близком расстоянии от глаголов *оказать* (0,06) и *обещать* (0,11) и на слишком далеком расстоянии от глаголов *велеть* и *приказать* (0,6). Эти последние оказались на очень близком расстоянии от глаголов *радоваться* и *удивляться* (0,22). Глагол *положить* оказался на меньшем расстоянии от глагола *доставить* (0,11), чем от глагола *класть* (0,25). Семантическое сходство глаголов *позволить* и *оказать*, *положить* и *доставить* несомненно, но, видимо, не настолько велико, а семантическое сходство глаголов *велеть* и *радоваться* сомнительно. Трудно согласиться с оценкой 0,6 для пары *велеть* — *позволить* (и их синонимов). Классификация глаголов по расстояниям, в целом удовлетворительная, содержит классы, не допускающие непринужденной семантической интерпретации.

Во всех этих случаях источником неточностей и ошибок являются причины, указанные выше: 1) неполнота множества синтаксических различительных признаков (в частности, отсутствие трансформационных признаков) и 2) различия в силе управления, которые в последних экспериментах учитывались только отчасти. Таким образом, имеются основания думать, что эти недостатки не являются органически присущими нашей методике. Мы надеемся, что они будут устранены при повышении точности измерений. Поэтому мы считаем возможным сделать вывод, что наша гипотеза, в основном, подтвердилась: из текста, зная только его синтаксис и не имея никакой извне заданной семантической информации, можно совершенно автоматически извлечь не лишенное интереса представление о значениях многих слов[11].

[11] Автор благодарит К. И. Бабицкого, Е. А. Земскую, Г. А. Золотову, Л. Н. Иорданскую, И. А. Мельчука, Б. В. Сухотина, С. К. Шаумяна и Н. Ю. Шведову за критику и ценные советы. Автор выражает признательность О. С. Кулагиной, А. В. Гладкому, Г. В. Дорофееву и Г. М. Хованову за помощь и важные указания по математическим вопросам.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1965

С. В. БРОМЛЕЙ

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. 0. Сложность и многообразие формообразования, представленного русским глаголом, в котором не малую роль играет богатство синонимичных морфологических средств для выражения одних и тех же грамматических значений, явилось причиной того, что в области классификации глагола по формообразовательным признакам еще остается ряд нерешенных или не до конца разрешенных вопросов как принципиального, так и практического характера.

Как известно, помимо разнообразия в флективном выражении одних и тех же форм словоизменения, русский глагол, унаследовав в модифицированном виде эту черту общеславянского языка, характеризуется также наличием разных основ для образования разных форм. Известно также, что разным типам соотношения основ соответствует наиболее дробное разбиение глаголов на классы, обладающие во многих случаях единством своей парадигматики. Именно поэтому классификация русского глагола по формам его словоизменения традиционно связывалась в первую очередь с различиями в основах.

2.1. Чем же объяснить тот факт, что нет буквально ни одной грамматики русского языка, где классы глаголов выделялись бы идентично, даже когда в основу классификации кладется соотношение основ одних и тех же форм? Иными словами, в чем причина отсутствия общепринятой классификации русского глагола?

Причина эта кроется, как кажется, прежде всего в нечеткой постановке задач самой классификации. В самом деле, какие цели преследует классификация глаголов в известных нам описательных грамматиках? Они обычно эксплицитно не выражены, но имеется в виду, что классификация глаголов по соотношению представленных в них основ является одновременно классификацией их по всей сумме грамматических признаков, в своей совокупности определяющих парадигматику глаголов. С наибольшей отчетливостью именно такое содержание вкладывается в понятие глагольных классов в Академической грамматике [1]: «Глаголы, объединенные в один класс или в одну группу, характеризуются определенной системой спрягаемых форм, подобно тому как объединенные в одном склонении имена существительные характеризуются определенной системой падежных окончаний» (I, стр. 533) — и непосредственно далее: «Деление глаголов на классы и группы определяется соотношением основы неопределенной формы и формы настоящего времени».

Если разбиение глаголов по признаку соотношения основ дает классы, характеризующиеся «определенной системой спрягаемых форм», то можно

[1] Так в дальнейшем будет именоваться «Грамматика русского языка» (I — М., 1952, II — М., 1954).

думать, будто структура русского глагола такова, что классы, выделенные по соотношению основ, обладают в системе глагольного словоизменения свойствами неделимости, т. е. что они не пересекаются классами, полученными при разбиении глаголов по любым другим признакам глагольного словоизменения, а либо совпадают с ними, либо включаются ими как часть.

2. 2. Но обладает ли разбиение на классы по признаку соотношения основ этим свойством, из которого, как если бы оно уже было установлено, исходит Академическая грамматика и которое имплицитно подразумевается также в других описательных грамматиках современного русского языка?

Нетрудно показать, что это не так. Большая часть классов, выделенных по признаку соотношения основ, действительно не пересекается с классами, полученными при разбиении глаголов в соответствии с синонимичными окончаниями каждой из в отдельности взятых форм словоизменения, но некоторая их часть при каждом таком разбиении оказывается пересеченной.

Рассмотрим несколько примеров соотношения глаголов по признаку основ с другими признаками их словоизменения, в первую очередь с принадлежностью к спряжению.

Возьмем, например, такие пары глаголов, как *ржать* и *дрожать*; *смеяться* и *бояться*; *стелить* и *белить*; *гудеть* и *хотеть*. Глаголы, составляющие пары, обладают одним и тем же соотношением основ инфинитива (или, по другим классификациям, прошедшего времени) и настоящего времени, ср. *ржа-(ть)* — *рж-(ут)*, *дрожа-(ть)* — *дрож-(ат)*; *смеja-(ться)* — *смej-(утся)*, *боja-(ться)* — *бoj-(атся)*; *стели-(ть)* — *стел'-(ут)*, *бели-(ть)* — *бел'-(ат)*, *гуде-(ть)* — *гуд'-(ат)*, *хоте-(ть)* — *хот'-(ат)*, однако относятся к разным спряжениям. А это означает, что соответствующие классы, выделенные по признаку соотношения основ, пересекаются классами, выделенными по признаку отнесенности к типам спряжения.

Также очевидно, что не существует условия непересекаемости классов, выделенных по признаку соотношения основ, классами, выделенными по признаку окончаний инфинитива. Для этого стоит лишь, встав на последовательно синхронную точку зрения, сравнить глаголы, обладающие одним и тем же соотношением основ (непроизводной основе настоящего времени на согласный соответствует в прошедшем времени и инфинитиве та же основа, но без конечного согласного), но имеющие разные окончания инфинитива, ср. *пле-сти* (*пле-л* — *плет-ут*), *де-ть* (*де-л* — *ден-ут*), *кля-сть* (*кля-л* — *клян-ут*).

Такое же в принципе отношение классов, выделенных по соотношению основ, и к классам, выделяемым в соответствии с синонимичными окончаниями других форм словоизменения. Так, формы повелительного наклонения, как известно, находятся в тесной связи с местом ударения в системе личных форм глагола (ср. *мажь* при *ма́жу*, но *вяжи́* при *вяжу́* или *кинь* при *ки́ну*, но *кивни́* при *кивну́*), а также при безударности основы зависят от исхода основы на некоторые сочетания согласных или их отсутствие (ср. *де́рни*, но *кинь* или *по́мни*, но *трезвонь*). Эти закономерности пересекают границы классов, выделенных по признаку соотношения основ, как видно из приведенных пар глаголов, обладающих одинаковым соотношением основ.

Что касается образования форм причастий и деепричастий, то в пределах одного класса глаголов по соотношению основ синонимичные окончания этих форм часто распределяются лексически, так как у отдельных глаголов формы причастий и деепричастий образуются не от тех основ, от которых в соответствии с более общими закономерностями образуется

данная форма причастий или деепричастий. Выбор же основы — на гласную или на согласную — в свою очередь предопределяет и выбор окончания. Ср., например, у глаголов типа *бре-сти — бред-ут* (с основой настоящего времени на *д* —всего девять глаголов) из семи глаголов, вообще образующих формы действительных причастий прошедшего времени, четыре образуют их от основы настоящего времени с суффиксом *-ш-* (*блюдший*, *бредший*, *ведший*, *прядший*) и лишь три, как и большинство глаголов вообще, от основы прошедшего времени с суффиксом *-вш-* (*кравший*, *павший*, *севший*). Кроме того, и наличие лексических ограничений, наложенных на самое возможность образования форм причастий и деепричастий, также не может не учитываться при разбиении глаголов на классы в соответствии с образованием соответствующих форм (ср., например, отсутствие форм действительных причастий прошедшего времени у глаголов *грясти* и *класть* упомянутого выше класса или общую лексико-грамматическую ограниченность форм страдательных причастий настоящего времени на *-мый*), хотя сама по себе проблема неполных парадигм и лежит в другой плоскости.

2.3. Пересекаемость классов глаголов, выделенных по соотношению основ, в системе классов, которой характеризуется глагольное словоизменение, означает, что выведение парадигматических типов непосредственно из классов глаголов по соотношению их основ является задачей неосуществимой. Стремление преодолеть трудности, стоящие на этом пути, приводит к тому, что все построенные классификации глаголов по соотношению основ изобилуют множеством «поправок» на те формы, которые из соотношения основ не выводятся. В результате глаголы с одинаковым соотношением основ попадают в разные классы согласно различиям в спряжении. То же имеет место в части классификаций и в отношении форм инфинитива, различия в окончаниях которого используются как бы в качестве добавочного классификационного признака, наряду с различиями в соотношении основ и спряжений [2]. Различия же синонимичных окончаний других форм словоизменения в качестве классификационных признаков, как правило, не учитываются вовсе.

Если же быть последовательным и исходить из той роли классификации, которая сформулирована в Академической грамматике, то следовало бы включить в признаки, учитываемые при классификации, все формы словоизменения, которые обладают синонимичными формальными средствами (окончания повелительного наклонения, суффиксы причастий, деепричастий и др.).

Однако учет всех форм словоизменения ни в одной из классификаций не осуществляется, и понятно почему: это сделало бы и так достаточно громоздкие классификации совершенно необозримыми. И именно поэтому существующие классификации глаголов являются паллиативом, так как признак соотношения основ выступает в них лишь как доминирующий; фактически же в формировании классов участвуют и некоторые признаки глагольного словоизменения, относящиеся не к основе, а к самим окончаниям. Отсутствие единого критерия классификации во многом определяет разнобой в конкретном построении глагольных классификаций.

Как следствие того, что классификации, построенные таким образом, не достигают своей основной цели — установить типы парадигматики, описание последней совершенно неправомерно разбивается в грамматиках современного русского языка между классификацией, где описывается

---

[2] См., например, классификации В. В. Виноградова в книге «Русский язык» (М.— Л., 1947) или П. С. Кузнецова в книге «Современный русский язык. Морфология» (М., 1952).

только часть форм, и разделами, специально посвященными отдельным формам [3]. При этом нередко допускается дублирование: формы, учтенные в классификации или описываемые в связи с ней, еще раз описываются в специально посвященных им разделах [4]. И это понятно как стремление авторов описаний дать систематическое представление об образовании тех или иных форм словоизменения (используемых для этого аффиксах и их распределении), которое трудно получить из классификации, построенной с учетом некоей суммы признаков.

2. 4. Невозможность построения типов глагольной парадигматики, если исходить последовательно только из соотношения основ, а также нецелесообразность (в виду громоздкости конечного результата) их выведения путем взаимного наложения классов, полученных при разбиении словоформ по всем варьирующимся в своем аффиксальном выражении признакам глагольного словоизменения, заставляет отказаться от попыток «синтетических» или «полусинтаксических» классификаций русского глагола. Парадигматика русского глагола, видимо, лучше всего может быть описана, по крайней мере в научных целях, с применением классификации, при которой в соответствии с разными формами словоизменения, имеющими синонимичные аффиксы, строится своя система классов глагольных словоформ.

3.1. В основе такой классификации должна лежать классификация глаголов по соотношению основ, во-первых, потому, что распределение аффиксов естественно описывать после того как описаны основы, к которым они присоединяются и, во-вторых, в связи с тем, что классификация по основам является наиболее дробной и через нее во многих случаях удобно описывать распределение аффиксов тех или иных форм словоизменения. Опорный характер классификации по основам выразится, таким образом, в том, что любая словоформа глагола будет иметь характеристики как бы по двум координатам, одной из которых всегда будет являться координата основ (т. е. классификация по основам); другая координата — координата окончаний (т. е. классификация глагола по синонимичным окончаниям) будет варьироваться в зависимости от формы словоизменения.

3.2. В связи с задачей построения классификации глаголов, исходящей из единого принципа — соотношения основ, используемых в системе словоизменения, рассмотрим, как в имеющихся классификациях глаголов последних лет проведен этот принцип.

Если отвлечься от признаков словоизменения, учитываемых в классификациях, и иметь в виду только признак соотношения основ, то и здесь поражает разнобой в конкретном построении классификаций, причиной которого является отсутствие единого формального критерия для определения того, какие глаголы по этому признаку должны быть отнесены к одному классу, а какие к разным. Основной разнобой идет за счет непродуктивных классов. Здесь что ни грамматика, то своя система.

---

[3] Ср. последовательное разграничение такого рода в классификации П. С. Кузнецова (указ. соч.), где распределение глаголов по спряжениям и суффиксы инфинитива излагаются только в связи с классами глаголов, зато образование остальных форм в этом разделе почти не затрагивается — им посвящены соответствующие разделы.

[4] Так, например, в классификации А. В. Исаченко («Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология», II, Братислава, 1960) при максимально полном описании всех форм в связи с классами все они (кроме форм настоящего времени) заново описываются в их распределении по классам (или в связи с отдельными основами) в соответствующих разделах.

Проиллюстрируем различия в классификациях[5] на материале глаголов с односложной основой, оканчивающейся в настоящем времени на *j* (сюда же относим и глаголы с основой настоящего времени, не образующей слога, типа *ви-ть — вј-ут*, но не включаем глаголы типа *живописать — живописуют* и глагол *почить — почиют*, упоминаемые не во всех сравниваемых классификациях). Речь идет таким образом о глаголах следующих шести групп: 1) *гни-ть — гниј-ут*; 2) *ду-ть — дуј-ут*, *обу-ть — обуј-ут*; 3) *би-ть — бј-ут* и др.; 4) *кры-ть — крој-ут* и др.; 5) *бри-ть— бреј-ут*; 6) *пе-ть — пој-ут*. В классификациях В. Н. Сидорова и П. С. Кузнецова эти глаголы разбиваются на два класса: 1, 2 и 3, 4, 5, 6 (у В. Н. Сидорова второй класс, кроме того, разбивается на два подкласса 3, 4, 5 и 6); по классификации, имеющейся в Академической грамматике, они разбиваются на четыре класса: 1, 3; 4,6; 5; 2 (последний — вместе с глаголами *жить*, *деть*, *стать*); в классификации А. В. Исаченко глаголы 3 и 4 групп составляют две самостоятельные «непродуктивные группы», глаголы 1, 2, 5, 6 групп объединены в одну группу «односложных глаголов с *j* в основе настоящего времени» в разделе «изолированных глаголов»; в классификации В. В. Виноградова они составляют три класса: 1, 3, 5; 4, 6; 2, в классификации Г. Бильфельдта они также составляют три, но уже других класса: 1,2; 3; 4, 5, 6.

Интересна также судьба в разных классификациях глаголов так называемых непродуктивных классов, основа прошедшего времени (или инфинитива) которых отличается от основы настоящего времени наличием конечной гласной фонемы. Если брать за первую основу основу инфинитива (как это имеет место в большей части классификаций), здесь могут в разных классификациях различаться следующие группы: 1) *писа-ть — пиш-ут* (I спр.); 2) *крича-ть — крич-ат* (II спр.); 3) *горе-ть — гор'-ат* (II спр.); 4) *реве-ть — рев-ут*; 5) *коло-ть — кол'-ут*; 6) *умере-ть — умр-ут* (I спр.); 7) *мерзну-ть — мерзн-ут* при *мерз-∅* — прошедшее время муж. рода. Каждой из этих групп глаголов в большей части классификаций соответствует отдельный класс (см. классификации В. В. Виноградова, П. С. Кузнецова, А. В. Исаченко). Но по классификации, приведенной в Академической грамматике, в один класс попадают глаголы 2 и 3 групп (см.«2-ю непродуктивную группу»), а также глаголы 5 и 6 групп (см. «7-ю непродуктивную группу»); глаголы же 1 и 7 групп составляют отдельные классы. Таким образом, в ней частично объединены глаголы с разными гласными в исходе основы прошедшего времени, но обладающие одним спряжением. В. Н. Сидоров, исходя в своей классификации из соотношения основ прошедшего и настоящего времени, идет более последовательно по линии объединения. Все глаголы, основа прошедшего времени которых отличается от основы настоящего времени наличием гласной фонемы (группы остаются те же, кроме 6 и 7, которые отпадают), объединены в этой классификации в один («1-й непродуктивный») класс с дальнейшим разбиением на подклассы, учитывающим разные типы спряжения и разные типы чередования конечных согласных основ прошедшего и настоящего времени. То же имеет место и в классификации Г. Бильфельдта, изменившего несколько по сравнению с классификацией В. Н. Сидорова членение этого класса на подклассы.

3.3.0. Как видно из приведенных примеров, не исчерпывающих всех случаев разнобоя, расхождения в классификациях в отношении глаголов, не включающихся в продуктивные классы, настолько велики, что создается впечатление субъективизма и произвола в формировании классов, так как логика тех или иных объединений часто не бывает ясна.

Представляется, что отсутствие последовательно проведенного принципа в классификации русских глаголов по основам объясняется двумя основными причинами.

3.3.1. Первая из причин — это такой казалось бы положительный факт, как утверждение в русистике идеи продуктивных классов, выдвинутой в 1927 г. С. О. Карцевским[6].

Само по себе подчеркивание роли в строе русского глагола его продуктивных образований явилось очень прогрессивным, и значение го,

[5] Упоминаемые ниже классификации построены с использованием разных основ в качестве исходных для классификации. Так, в качестве одной из исходных основ в классификации В. Н. Сидорова и Г. Бильфельдта (см.: H. H. B i e l f e l d t, Die Klassifizierung der russischen Verben, «Russischunterricht», 5, 9, 1952) взята основа прошедшего времени, в остальных — инфинитива. Однако для разбираемых здесь глаголов это различие неважно, так как основы прошедшего времени и инфинитива у них совпадают.

[6] S. K a r c e v s k i, Système du verbe russe, Prague, 1927.

в особенности в практике преподавания русского языка нерусским, трудно переоценить, так как освоение именно этих моделей соотношения основ глаголов дает знание парадигматики громадного в процентном отношении количества русских глаголов. Этим и объясняется тот факт, что идея «продуктивных классов» С. О. Карцевского сразу же вошла в практику построения всех созданных в последующее время классификаций, как бы различны в других отношениях они ни были.

И тем не менее именно та неотвратимость, с которой в каждой последующей классификации повторялся этот прием, явилась тормозом для дальнейшего усовершенствования классификации глаголов, в частности для выработки единых критериев выделения классов. Выделение из общего ряда соотношений основ лишь определенных — по признаку продуктивности глаголов, обладающих таким соотношением,— обрывало нити, формально связывающие «продуктивные классы» с глаголами, не попавшими в их число, чем затруднялась возможность увидеть общие, «сквозные» закономерности, связывающие или разделяющие в области соотношений основ разные глаголы независимо от того, относятся ли они к числу так называемых продуктивных классов или нет. Поскольку в основу выделения классов было положено не просто соотношение основ, но и конкретный вид основы, определяющийся фонемным составом данного продуктивного суффикса, в каждый данный продуктивный класс, кроме глаголов с данным суффиксом, были включены и непроизводные глаголы, но только те, которые в исходе основы имеют элементы, фонологически тождественные данному суффиксу. Именно поэтому глаголы с суффиксами *-а-/-аj-* и *-е-/-ej-* попадают в два разных класса, в первом из которых получает свое место и непроизводный глагол *зна-ть — знај-ут*, а во втором — непроизводные глаголы *пре-ть — прej-ут* и др., тогда как полностью тождественные им по типу соотношения основ непроизводные глаголы *ду-ть — дуј-ут*, *обу-ть — обуј-ут*, *гни-ть — гниј-ут*, *почи-ть — почиј-ут* рассматриваются как особые разряды непродуктивных глаголов. Такой же обрыв связей с глаголами, однородными с точки зрения соотношения основ, имеет место и при выделении продуктивного класса с основой инфинитива на *-ну-* и основой настоящего времени на *-н-*. По признаку соотношения этих основ в данный класс должны были попасть не только глаголы типа *стукну-ть — стукн-ут* (при форме прошедшего времени *стукну-л*), но и глаголы типа *мерзну-ть — мерзн-ут* (при форме прошедшего времени *мерз*), тем более, что различия этих двух групп глаголов в образовании форм прошедшего времени проводятся недостаточно последовательно, поскольку у многих глаголов второго типа имеет место факультативность в употреблении обеих основ в форме муж. рода (ср. *мерз/мерзнул* и др.). Однако вместо того, чтобы рассматривать различие глаголов типа *стукнуть* и типа *мерзнуть* в качестве подклассов одного класса, С. О. Карцевский выделяет последние по признаку непродуктивности, в противоречии с принципом соотношения основ в особый класс.

3.3.2. Вторая причина, способствующая разнобою, наблюдающемуся в классификациях,— это та дань историзму, которая в той или иной степени отдается почти во всех описательных грамматиках. Будучи вполне закономерным и полезным при комментировании тех или иных фактов современного русского языка, историзм давно изжил себя как метод синхронного описания. Однако реликты историзма еще дают себя знать в описаниях тех сторон языковой системы, которые труднее, чем другие, поддаются формализации. Именно так обстоит дело с выделением классов глаголов.

Приведем лишь два примера. В классификации П. С. Кузнецова в

качестве классификационных признаков учитывается, кроме соотношения основ инфинитива и настоящего времени, принадлежность к спряжению и окончание инфинитива. И вместе с тем в 11-й непродуктивной группе объединены глаголы типа *нес-ти — нес-ут*[7] (с основой на *с*, *з*) и типа *пле-сти — плет-ут* (с основой настоящего времени на *т*, *д*, *б*). При этом нарушаются сразу два принципа этой же классификации: 1) соотношение основ инфинитива и настоящего времени и 2) единство инфинитивного окончания. Основанием для этого служит, видимо, историческая общность этих форм (ср. общеслав. *nes-ti*, *pled-ti*, *bred-ti*, *greb-ti*).

В Академической грамматике глаголы, не относящиеся к числу продуктивных классов и характеризующиеся основой инфинитива на гласный, отсутствующий в основе настоящего времени, подверглись частичному объединению. Во 2-й непродуктивной группе объединены глаголы с основами инфинитива на *а* (*крича-ть — крич-ат* и т. д.) и *е* (*смотре-ть — смотр'-ат* и т. д.), как будто бы по отнесенности ко II спряжению. Тогда логично было бы ожидать, что остальные глаголы с рассматриваемым соотношением основ, относящиеся к I спряжению, будут также объединены в один класс. Между тем из них подверглись объединению только глаголы типа *умере-ть — умр-ут* и типа *коло-ть — кол'-ут* («7-я непродуктивная группа»). По какому же принципу проведено это объединение? Видимо, только по наличию в прошлом полногласия в корнях этих глаголов. Однако если классификация глаголов преследует цель выделить классы, единые по своей парадигматике, то такое объединение никак ее не достигает,— ср. различия этих групп в образовании форм прошедшего времени (*умер*, но *коло-л*) или деепричастий совершенного вида (*умер-ши*, но *коло-в*). Проявление историзма при объединении глаголов, относящихся к I спряжению, заставляет думать, что и глаголы II спряжения (типа *кричать* и типа *смотреть*) объединены в этой грамматике в одну группу также не в виду единства спряжения, а исходя из их исторической близости (тематический гласный *а* в глаголах типа *кричать* и *е* в глаголах типа *смотреть* восходят к общеславянскому *ě*). Подобные примеры легко умножить.

4.1. Предлагаемая ниже классификация глаголов по соотношению основ отличается от предшествующих, во-первых, единством положенного в ее основу признака, поскольку она освобождена от всех других словоизменительных признаков, и, во-вторых, наличием формального показателя класса, что должно исключить субъективизм в подходе к выделению классов.

Особенностью предлагаемой классификации является также объединение классов, выделенных в соответствии с классными показателями, в более крупные единицы — суперклассы — на основе изоморфности фонемного строения классных показателей, а также маркирование продуктивных моделей внутри суперклассов.

4.2. Классификация строится применительно к фактам нормированного литературного языка и исходит из фонологического состава словоформ[8].

4.3. Стремление отрешиться от всякого историзма в самом подходе к классификации требует не только выработки чисто формального определения того, что следует считать показателем принадлежности глаголов

[7] П. С. Кузнецов настаивает именно на таком морфологическом членении формы инфинитива у глаголов на *с*, *з*, т. е. *нес-ти*, а не *не-сти*, как, например, это делается в классификации В. Н. Сидорова.

[8] Этим объясняются элементы фонологической транскрипции в примерах, дающихся в орфографии для случаев, когда на стыке морфем графика не находится в однозначном соотношении с фонемным составом.

к одному классу (см. 4.7.0), но и модернизации некоторых понятий грамматики, в частности пересмотра вопроса о том, что́, применительно к синхронному описанию, следует считать в грамматике супплетивизмом.

Супплетивизмом, как известно, принято называть функционирование в составе одной парадигмы форм, основы которых по своему происхождению относятся к разным словам (ср. *ид-ти*, *ид-ут*, но *ше-л*). Супплетивизм в такой формулировке — понятие исторического языкознания, так как различия основ определяются их происхождением. В соответствии именно с диахронным содержанием этого термина отношение основ в формах одной парадигмы, полностью различающихся по своему фонемному составу, но исторически восходящих к одному корню (ср., например, *на-ня-л — на-йм-ут*, *при-ня-л — при-м-ут*), не признаются супплетивными, хотя корневая часть этих производных глаголов (ср. *на-ним-ать*, *при-ним-ать*) в формах прошедшего и настоящего времени не имеет ни одного общего элемента.

Однако разграничение понятий, соответствующих супплетивному и несупплетивному соотношению основ исторического языкознания, важно и для синхронного языкознания. Здесь оно может быть переформулировано как разграничение случаев варьирования основ в пределах парадигмы от случаев образования форм одной парадигмы от разных основ. Это разграничение должно опираться на чисто синхронные критерии.

Учитывая тот факт, что закономерное для русского языка варьирование основ осуществляется за счет чередования их конечных элементов, мы будем считать одной основой, выступающей в парадигме в своих вариантах, такие, например, случаи, как *ры-л — roj-ут*, *бри-л — бреј-ут* или *прижа-л — прижм-ут*, на том основании, что непроизводная основа или корневая часть производной основы имеют общую начальную фонему или общую последовательность начальных фонем[9]. Отсутствие такой общности, даже при наличии общности происхождения разошедшихся в звуковом отношении основ, создает разноосновность, поэтому глаголы типа *приня-л — прим-ут*[10] или глагол *сла-л — шл'-ут* (в условиях изолированности в системе языка подобных чередований) в синхронном плане должны трактоваться также, как *ше-л — ид-ут*. И наоборот, наличие указанной общности в основах форм, принадлежащих одной парадигме, говорит о том, что мы имеем дело с одной основой в ее вариантах даже при отсутствии общности их происхождения; ср. глагол *еха-л — е́д-ут*, соотношение основ которого принципиально то же, что у глаголов типа *дава-л — дај-ут*, или глагол *бы-л — буд-ут*, сходный по соотношению основ, например, с глаголами типа *ры-л — рой-ут*.

4.4. Классификация глаголов по соотношению основ охватывает только глаголы, использующие для образования форм словоизменения одну основу, которая в парадигме может выступать (и, как правило, выступает) в своих вариантах. Построение классификации по основам в соответствии с формально выделенным классным показателем (см. 4.7.0) является в аспекте структуры языка одновременно установлением типов варьирования основ. Глаголы, характеризующиеся разноосновностью, остаются таким образом за бортом классификации.

4.5.0. Задача установления типов варьирования основ предполагает, что в характеристике типа должны быть учтены все признаки, различаю-

---

[9] Под это определение подходят и случаи типа *бра-л — бер-ут*, *тер — тр-ут*, хотя общность основ здесь не ограничивается общностью начальной фонемы.

[10] Среди глаголов, родственных данному по корню, есть непроизводные и тем самым неразноосновные, как, например, глагол *понять*. Однако разноосновность большей части глаголов с этим корнем дает основание рассматривать их все вне системы вариативности основ.

щие основы у разных глаголов, а именно количество выявляющихся при словоизменении вариантов основ и конкретный вид их варьирования.

4.5.1. Вопрос о количестве основ [11] как одном из признаков, который должен быть учтен при классификации глаголов, решался во всех имеющихся классификациях в пользу двух основ: 1) основы инфинитива в одних классификациях или основы прошедшего времени — в других и 2) основы настоящего времени. Различение именно двух основ (общий случай) или их совпадение в одной (частный случай) действительно характерно для системы русского глагола. Но среди русских глаголов есть и такие, в словоизменении которых представлены более чем две основы, ср. три основы у глаголов *мерз — мерзн-ут — мерзну-ть* и т. д.; *проче-л — прочла — прочт-ут*; *дава-л — даj-ут — давай*; и четыре основы у глагола *вяну-ть* (если исходить из этой формы инфинитива, а не формы *вя-ть*), ср. *увя-л — увян-ут — увяну-ть — увяд-ший*. Такие факты как определяющий классификационный признак ни в одной классификации совершенно неправомерно не учитываются.

Другое дело, что резкое преобладание в русском языке двухосновных глаголов дает право класть в основу классификации соотношение только двух основ. Но наличие у части глаголов более чем двух основ должно быть в этом случае учтено в качестве дополнительного признака. Практически это может быть осуществлено последовательными указаниями на количество основ, используемых в каждом из классов, выделенных по соотношению двух избранных основ, или делением этих классов на подклассы в соответствии с различиями в количестве основ у глаголов одного класса.

Именно такой способ построения классификации, в основу которого положено соотношение двух основ, используется в предлагаемой классификации; в то же время она содержит в качестве дискретных все элементы, необходимые для формальной перестройки ее в классификацию, исходящую из всей суммы различающихся основ. При этом вслед за В. Н. Сидоровым (что позже было повторено также Г. Бильфельдтом) за исходные основы принимаются основа прошедшего и основа настоящего времени. Условная «основа прошедшего времени» извлекается из формы прошедшего времени жен. рода, поскольку образование ее подчиняется более общим закономерностям, чем в других формах. Условная «основа настоящего времени» извлекается из формы 3-го лица мн. числа настоящего-будущего времени ввиду того, что у глаголов, характеризующихся наличием чередований в формах, образуемых с «основой настоящего времени», именно эта основа всегда оканчивается на согласный, являющийся «исходным» членом этого чередования, а это важно для дальнейшего описания морфонологических закономерностей, действующих в системе форм словоизменения.

4.5.2. Что касается учета конкретного вида варьирования основ, то в принципе он проводится последовательно. Это означает, что при одинаковом количестве основ глаголы попадают в разные классы или подклассы, если при этом соотношения их основ различаются в своем фонемном выражении (см. 4.7).

4.6.1. Распределение основ по формам словоизменения не выступает в качестве классификационного признака. Поэтому данной классификации должно быть предпослано общее правило выбора основ для образования разных форм словоизменения (ср. известные «группы основ настоящего времени» и «группы основ прошедшего времени»); специальные же поправ-

[11] Поскольку разноосновные глаголы в классификации не учитываются, ниже для простоты изложения под количеством основ будет иметься в виду количество вариантов одной основы

ки к этим правилам в связи с отдельными классами и подклассами должны излагаться в порядке комментирования соответствующих разделов классификации.

4.6.2. В классификации глаголов по основам не может быть учтено ударение, поскольку оно как признак слова в целом обнаруживается во всей системе словоизменения.

4.7.0. Формальным показателем отнесенности глаголов к одному классу или классным показателем являются находящиеся между собой в отношениях чередования конечные элементы глагольных основ. Элементы классных показателей записываются фонематически, на первом месте элемент основы прошедшего времени, на втором — чередующийся с ним элемент основы настоящего времени. Чередования гласных внутри корня типа *бра-(ла)— бер-(ут)* не учитываются. Соответствующие глаголы распределяются на общих основаниях в соответствии с их классными показателями.

4.7.1. У суффиксально-производных глаголов классный показатель представляет собой чередование суффиксов или их конечных элементов, ср. классные показатели разных глаголов: *ова/уj* у глаголов типа *рис-ова-(ла) — рис-уj-(ут)*; *Ø/j* у глаголов типа *дум-а-(ла) — дум-аj-(ут)*; *и/Ø* у глаголов типа *нос-и-(ла) — нос'-(ат)*; *а/Ø* у глаголов типа *крич-а-(ла) — крич-(ат)* или *писа-(ла) — пиш-(ут)*. Чередование конечных фонем корня (см. *с/ш* в последнем примере), обусловленное морфонологически, не включается в классный показатель. Оно рассматривается в качестве дополнительного признака противопоставления основ прошедшего и настоящего времени. Таким образом, глаголы, имеющие один и тот же классный показатель (или, что то же самое, глаголы одного класса), могут характеризоваться разными типами чередования конечных фонем корня. Так, к глаголам одного класса с показателем *а/Ø* относятся глаголы: без чередования — *сос-а-ла — сос-ут*, *стоj-а-(ла) — стоj-(ат)*, *ржа-(ла) — рж-(ут)* и др.; с чередованием типа *C/Č*[12] — *пис-а-(ла) — пиш-(ут)*, *дрем-а-(ла) — дремл'-(ут)* и др.; с чередованием типа *C/C'* — *спа-(ла) — сп'-(ат)*, *стла-(ла) — стел'-(ут)* и некоторые другие (см. табл.). Разные типы чередования у глаголов одного класса (т. е. с одним и тем же классным показателем) служат основанием для выделения в таких классах соответствующих подклассов (см. третью графу табл.).

4.7.2. У суффиксально-непроизводных глаголов классный показатель представляет собой чередование конечных элементов корневой части основы, ср. классные показатели таких глаголов: *и/оj* у глаголов типа *кры-(ла) — кроj-(ут)*, *ва/j* у глаголов типа *дава-(ла) — даj-(ут)* и т. д.

4.7.3. Один и тот же классный показатель могут иметь как производные, так и непроизводные глаголы, ср. показатель *ова/уj*, с одной стороны, у глаголов типа *рис-ова-(ла) — рис-уj-(ут)* и типа *план-ирова-(ла) — план-ируj-(ут)* и, с другой стороны, у глаголов *кова-(ла) — куj-(ут)*, *клева-(ла) — кл'уj-(ут)*. Поэтому в один класс могут входить и производные и непроизводные глаголы.

5.1. Исходя из изложенных принципов классификации, все глаголы русского литературного языка, кроме тех, которые охарактеризованы выше как супплетивные, в соответствии с их классными показателями разбиваются на 24 класса (см. вторую графу табл.).

5.2. Сравнивая между собой эти конкретные классные показатели, т. е. показатели, различающиеся конкретным составом фонем, легко об-

[12] *C* здесь и ниже — символ согласного, *V* — символ гласного. Под чередованием типа *C/Č* имеется в виду следующий ряд: *к/ч*, *ск/щ*, *х/ш*, *з/ж*, *ст/щ*, *с/ш*, *т/ч*, *т/щ*, *д/ж*, *д/жд*, *п/пл'*, *б/бл'*, *м/мл'*.

наружить среди них изоморфно построенные группы. Так, показатели *Ø/j*, *Ø/н*, *Ø/в*, *Ø/д*, *Ø/д'*, *Ø/т* построены по модели *Ø/C*; показатели *и/Ø*, *у/Ø*, *е/Ø*, *а/Ø*, *о/Ø* построены по модели *V/Ø*; показатели *а/н*, *а/м*, *и/j* построены по модели *V/C*, показатели *и/oj*, *е/oj*, *и/ej*, *а/уj*, *е/ад*, *и/уд* построены по модели V/V_1C, показатели *ва/j* и *ха/д* построены по модели CV/C_1.

Изоморфизм конкретных классных показателей дает основание полученные классы объединить в более крупные в соответствии с типом структуры их классных показателей. Формальными показателями этих укрупненных классов — суперклассов — являются модели, по которым построены соответствующие конкретные показатели, причем конкретный показатель *ова/уj* рассматривается в этом плане как единственный представитель модели своего суперкласса (VCV_1/V_2C_1). Итак, в соответствии с произведенным укрупнением имеем всего семь суперклассов (см. первую графу табл.): I — с классным показателем *Ø/C*; II — *V/Ø*; III — VCV_1/V_2C_1; IV — *Ø/Ø*[13]; V — *V/C*; VI — V/V_1C и VII — CV/C_1.

5.3. Первые три суперкласса этой классификации в отличие от остальных включают в свой состав производные глаголы с продуктивными суффиксами, ср. глаголы I1 класса, среди которых преобладают глаголы с суффиксами *-а-/-аj-* и *-е-/-ej-* (*думать* и т. д., *белеть* и т. д.); глаголы III класса с суффиксом *-и-* в форме прошедшего времени (*солить*, *белить* и т. д.); глаголы II2 класса с суффиксом *-ну-/-у-* (*стукнуть*, *крикнуть* и т. д.), и, наконец, глаголы III класса с суффиксом *-ова-/-уj-* (*рисовать*, *торговать* и т. д.) а также с суффиксами *-ирова-/-ируj-*, *-изирова-/-изируj-*, *-фицирова-/-фицируj-*. С тем же основанием, как это сделано в классификации С. О. Карцевского (и в следующих ей), соответствующие классы, а также и суперклассы могут быть названы продуктивными.

5.4. Освобождение классификации по основам от груза других словоизменительных признаков позволило учесть в ней на равных основаниях все те глаголы, которые по этим признакам выносились, по существу, за пределы классификации, в рубрики «изолированных», «неправильных» и пр., как, например, в силу особенностей спряжения, глаголы *бежать*, *чтить*, *хотеть*, *дать* и *есть*, получившие свое место в предложенной классификации.

5.5. Предложенная классификация исчерпывает все типы варьирования основ, представленные русским глаголом. Однако некоторые глаголы и группы глаголов, в силу наличия у них факультативных основ, представляют два типа варьирования основ.

Такого рода факультативностью основ обладает, например, некоторый список глаголов (*брызгать*, *махать*, *мяукать*...), формы словоизменения которых могут быть образованы как по типу II4б (ср. *маха-ла* — *маш-ут* — *маш-и* и т. д.), так и по типу I1 (*маха-ла* — *махаj-ут* — *махай-Ø* и т. д.

Подобный же случай демонстрируют и глаголы *мучить* и *мерить*, ср. возможность форм настоящего времени *мучат*, *мерят* (II 1б) и *мучают*, *меряют* (I1). Кстати, правописание последних (вторичного характера) форм с *а*, *я* (*мучают*, *меряют*) при неразличении в заударных слогах после мягких согласных фонем *е*, *и*, *а*, является чисто условным и непоследовательным подравниванием их к глаголам с продуктивным суффиксом *-а-/-аj-* (ср. отсутствие при этом дублетных форм инфинитива *мучать*, *мерять*). Фактически же в этом случае формально выражена лишь принадлежность этих глаголов к I1 классу.

[13] Условимся для единообразия в выражении классных показателей изображать таким образом показатель, указывающий на отсутствие чередования основ.

Другим примером такой факультативности основ может служить глагол *сты-ть/стыну-ть*. Наличие факультативных вариантов у основы инфинитива дает основание относить его соответственно этим вариантам к подтипам а и б I2 типа[14].

6. Следует остановиться на термине «класс глаголов» применительно к классификации глаголов по основам.

Слово «класс» в современной лингвистике, в русле общих традиций научной терминологии, употребляется для обозначения совокупности однородных по данному признаку или комплексу признаков языковых единиц. Если иметь в виду традиционные классификации глаголов, то в их построении обнаруживалась тенденция, правда нигде последовательно не проведенная, к использованию комплекса признаков для разбиения глаголов на классы (см. раздел 2). В этом случае термин «класс глаголов» в принципе можно было бы считать оправданным, так как в идеальном случае (хотя он практически и не имел места) эти классы должны были быть единственными, соответствующими типам парадигматики русского глагола.

При описании же глагольной парадигматики, когда классы выделяются по любому из признаков, характеризующих разные формы словоизменения, каждая из выделенных систем классов должна быть, в отличие от других, названа по соответствующему ей признаку разбиения. В соответствии с определяющей ролью глагольных основ в образовании форм словоизменения представляется целесообразным именовать такие классы ф о р м о о б р а з о в а т е л ь н ы м и р а з р я д а м и глаголов[15].

7. Поскольку в традиционных описаниях классы глаголов по соотношению основ теснее всего связываются с типами спряжения, представляется интересным в качестве примера описать классы глаголов современного русского языка, соответствующие типам спряжения, через полученные формообразовательные разряды.

В современном русском языке в соответствии с системами окончаний личных форм глаголов различается шесть типов спряжений, неравноценных по мощности представляющих их классов:

	I	II	III[16]	IV[16]	V	VI
1-е лицо ед. числа	*-у*	*-у*	*-у*	*-у*	*-м*	*-м*
2-е » »	*-ешь*	*-ишь*	*-ишь*	*-ешь*	*-шь*	*-шь*
3-е » »	*-ет*	*-ит*	*-ит*	*-ет*	*-ст*	*-ст*
1-е лицо мн. числа	*-ем*	*-им*	*-им*	*-им*	*-им*	*-им*
2-е » »	*-ете*	*-ите*	*-ите*	*-ите*	*-ите*	*-ите*
3-е » »	*-ут*	*-ат*	*-ут*	*-ат*	*-ут*	*-ат*

[14] От описанной факультативности основ, обусловливающей колебание глаголов между двумя (а в принципе и более) классами, следует отличать факультативность основ, не нарушающую отнесенности глаголов к данному типу варьирования основ. Ср. например, наличие у части глаголов типа *мерз-ла — мерз-н-ут — мерз-ну-ть* (см. I 2а) в форме прошедшего времени муж. рода, наряду с непроизводной основой (*мерз, сох* и т. д.), той же основы, что и в форме инфинитива (*мерз-ну-л, сох-ну-л* и т. д.); или факультативность основ в форме инфинитива у глагола *достигну-ть/дости-чь* (I 2г). Подобная факультативность основ должна рассматриваться как примета (дополнительная характеристика) соответствующего класса, если она свойственна всем глаголам данного класса, или служить для выделения в нем подклассов, если ею обладают не все глаголы данного класса, см. выше случай, представленный глаголом *достичь/достигнуть*, выделенным на этом основании в особый подкласс.

[15] Этот термин уже использован мною для обозначения классов глаголов диалектного языка, выделенных по признакам их основ, в книге «Русская диалектология» (М., 1964), где парадигматика глагола описывается при помощи классификации по разным основаниям, а для выделения формообразовательных разрядов применен метод, в принципе идентичный предложенному выше.

[16] Типы III и IV представляют собой различную контаминацию признаков, порознь свойственных I и II спряжениям.

Описание распределения глаголов по типам спряжения через формообразовательные разряды требует лишь некоторых операций в основном словарного характера над глаголами II разряда.

Подразряд II 1б разделяется на два списка: список А — глагол *чтить*, список Б — глагол *зиждиться*. Подразряд II 3а разделяется на два списка: список В — все глаголы, кроме *хотеть*, список Г—глагол *хотеть*; в подразряде II 4а глаголы с основой настоящего времени на твердые парные и задненебные отделяются от глаголов на шипящие и *j*, которые разделяются на два списка: список Д: *бренчать*, *бурчать*, *верещать*, *визжать*, *ворчать*, *держать*, *дребезжать*, *дрожать*, *дышать*, *жужжать*, *журчать*, *звучать*, *кричать*, *лежать*, *молчать*, *мчать*, *мычать*, *пищать*, *рычать*, *слышать*, *стучать*, *торчать*, *трещать*, *урчать*, *бояться* и *стоять* и список Е: *ржать*, *блеять*, *веять*, *лаять*, *лелеять*, *маяться*, *надеяться*, *реять*, *сеять*, *смеяться*, *таять*, *чаять*, *чуять*; разряд II 4в разбивается на два списка: список Ж — *спать*, *гнать*; список З — *стлать*[17].

После этого разбиение глаголов по типам спряжения имеет следующий вид:

К I спряжению относятся: а) глаголы I разряда, кроме подразрядов 4б (*дать*) и 5 (*есть*); б) следующие подразделения глаголов II разряда: 1б список Б; 2; 3б; 4а — глаголы на парные твердые и задненебные согласные + список Е, 4 б, 4 в—список З; 5; в) глаголы III, IV, V, VI и VII разрядов.

Ко II спряжению относятся следующие подразделения глаголов II разряда: 1а; 3а список В; 4а список Д; 4 в список Ж.

К III спряжению относятся глаголы *чтить* (II 1б список А) и *бежать* (II 4г).

К IV спряжению относится глагол *хотеть* (II 3а список Г).

К V спряжению относится глагол *дать* (I 4б).

К VI спряжению относится глагол *есть* (I 5).

Из этого разбиения следует, что все формообразовательные разряды, кроме II, достаточно просто соотносятся со спряжениями.

Так глаголы I (кроме 4б и 5), III, IV, V, VI и VII разрядов относятся к I спряжению. Глаголы I 4б (*дать*) и I 5 (*есть*) разрядов представляют соответственно V и VI спряжения.

В разных отношениях к спряжениям находятся лишь глаголы II разряда. Закономерности распределения этих глаголов по типам спряжения связаны прежде всего с признаками исхода основы настоящего времени, часть которых (см. ниже I спр., п. 1 и 2, II спр., п. 1), за некоторыми словарными исключениями, предсказывают спряжение.

К I спряжению относятся: 1) глаголы на твердые парные согласные и задненебные (1б список Б; 2, 3б; 4а без списков Д и Е; 5) кроме глаголов *чт-ут* и *бег-ут* (см. III спряжение); 2) глаголы на *Č* (см. выше чередование *С/Č*): 4б; 3) отдельные глаголы на парные мягкие *р'* и *л'*: 4в список З (*стел'-ут*); 5 (*кол'-ут*, *пор'-ут* и др.); 4) бóльшая часть глаголов на *j* и один глагол на нечередующийся шипящий (*ржать*): 4а список Е.

---

[17] Следует заметить, что все словарные разбиения, которые здесь производятся, имели место и в традиционных классификациях, например, когда глаголы с гласным *а* в исходе основы прошедшего времени, отсутствующим в исходе основы настоящего времени, разбивались на два класса согласно их отнесенности к I и II спряжению, что обусловлено отсутствием у части этих глаголов (с основой на шипящие и *j*) формальных признаков, заключенных в основе, которые сигнализировали бы о спряжении; ср. глаголы *ржа-(ла)* — *рж-(ут)* и *лежа-(ла)* — *леж-(ат)* или *смеjа-(лась)* — *смеj-(ются)* и *боjа-(лась)* — *боj-атся*. То же относится и к другим разбиениям, осуществлявшимся в форме выделения отдельных глаголов или групп глаголов в изолированные группы по признакам спряжения.

Классификация глаголов по соотношению основ

Суперклассы		Классы		Подклассы	Глаголы, представляющие соответствующие классы	Число основ	Основы, не относящиеся к числу исходных
I	Ø/C	**1**	**Ø/j** [1]		*дума-ла — думај-ут* и т. д.; *боле-ла — болеј-ут* и т. д.; *ду-ла — дуј-ут, обу-ла — обуј-ут, гни-ла — гниј-ут, почи-ла — почиј-ут*	2	
		2	Ø/н	а	*мерз-ла — мерзн-ут* и т. д.	3	инф. *мерзну-ть* и т. д.
				б	*де-ла — ден-ут, кля-ла — клян-ут, ста-ла — стан-ут, застря-ла — застрян-ут*	2	
				в	*вя-ла — вян-ут*	3 : 4	инф. *вяну-ть*: *вя-ть*; действ. прич. прош. вр. *вяд-ший*
				г	*достиг-ла — достигн-ут*	3	инф. *достичь*: *достигну-ть*
		3	Ø/в		*жи-ла — жив-ут, плы-ла — плыв-ут. слы-ла — слыв-ут*	2	
		4	Ø/д	а	*кла-ла — клад-ут* и т. д.	2	
				б	*да-ла — дад-ут*	3	повел. накл. *дай-Ø*
		5	Ø/д'		*е-ла — ед'-ат*	3	повел. накл. *еш-Ø*
		6	Ø/т	а	*пле-ла — плет-ут* и т. д.	2	
				б	*проч-ла — прочт-ут*	3	прош. вр. муж. р. *проче-л*; инф. *проче-сть*

[1] Полужирным шрифтом обозначены классы, включающие глаголы, образованные по продуктивным словообразовательным моделям (или продуктивные классы).

Продолжение

Суперклассы		Классы		Подклассы	Глаголы, представляющие соответствующие классы	Число основ	Основы, не относящиеся к числу исходных
II	*V/Ø*	1	*и/Ø*	а	*бели-ла — бел'-ат* и т. д.	2	
				б	*чти-ла — чт-ут, зижди-лась — зижд-утся*		
		2	*у/Ø*		*стукну-ла — стукн-ут* и т. д.	2	
		3	*е/Ø*	а	*горе-ла — гор'-ат* и т. д.	2	
				б	*реве-ла — рев-ут*		
		4	*а/Ø*	а	*крича-ла — крич-ат* и т. д.; *сеj̆а-ла — сеj̆-ут* и т. д.; *тка-ла — тк-ут* и т. д.; *дра-ла — дер-ут* и т. д.	2	
				б	*писа-ла — пиш-ут, дрема-ла — дремл'ут* и т. д.		
				в	*гна-ла, гон'-ат, спа-ла — сп'-ат, стла-ла — стел'-ут*		
				г	*бежа-ла — бег-ут*		
		5	*о/Ø*		*боро-лась — бор'-утся, коло-ла — кол'-ут, моло-ла — мел'-ут, поло-ла — пол'-ут*		
III	VCV_1/V_2C_1		*ова/уj̆*		*рисова-ла — рисуj̆-ут* и т. д.	2	
IV	*Ø/Ø*		*Ø/Ø*	а	*нес-ла — нес-ут, вез-ла — вез-ут* и т. д.	1	
				б	*пек-ла — пек-ут, стриг-ла — стриг-ут* и т. д., *греб-ла — греб-ут, скреб-ла — скреб-ут*	2	инф. *пе-чь, стри-чь* и т. д., *гре-сти, скре-сти*
				в	*умер-ла — умр-ут, пер-ла — пр-ут, тер-ла — тр-ут*	2	инф. *умере-ть* и т. д.
				г	*сшиб-ла — сшиб-ут*	2	инф. *сшиби-ть*

Продолжение

Суперклассы		Классы		Подклассы	Глаголы, представляющие соответствующие классы	Число основ	Основы, не относящиеся к числу исходных
V	V/C	1	*а/н*		*жа-ла — жн-ут, нача-ла — начн-ут*	2	
		2	*а/м*		*жа-ла — жм-ут*	2	
		3	*и/j*		*би-ла — бj-ут, ви-ла — вj-ут, ли-ла —лj-ут, пи-ла —пj-ут, ши-ла — шj-ут*	2	
VI	V/V_1C	1	*и/оj*		*вы-ла — воj-ут, кры-ла — кроj-ут, мы-ла —моj-ут, ны-ла— ноj-ут*	2	
		2	*е/оj*		*пе-ла — поj-ут*	2	
		3	*и/ej*		*бри-ла — брej-ут*	2	
		4	*а/уj*		*обяза-ла — обязуj-ут* и т. д.	2	
		5	*е/ад*		*се-ла — сяд-ут*	2	
		6	*и/уд*		*бы-ла — буд-ут*	2	
VII	C/VC_1	1	*ва/j*		*дава-ла — даj-ут, встава-ла — встаj-ут, узнава-ла — узнаj-ут*	3	повел. накл. *давай-∅*
		2	*ха/д*		*еха-ла — ед-ут*	2	[повел. накл. *поезжай*]

Ко II спряжению относятся: 1) глаголы на парный мягкий согласный (1а, 3а список В, 4в список Ж), кроме глаголов *хот'-ат* (см. IV спряжение) и глаголов на *р'*, *л'*, относящихся к I спряжению (см. I спр., п. 3); 2) бóльшая часть глаголов на нечередующийся шипящий и два глагола на *j* (*боj-атся* и *стоj-ат*): 4а список Д.

К III спряжению относятся глаголы *чт-ут* (II 1б, список А) и *бег-ут* II 4г).

К IV спряжению относится глагол *хот'-ат* (3а список Г).

Аналогичным образом, через подразделения предлагаемой классификации с введением дополнительных формальных и словарных разбиений, могут быть выделены и подклассы глаголов I и II спряжений в соответствии с разными типами чередований в исходе основы[18] и с признаками подвижности или неподвижности ударения.

[18] Два глагола, представляющие III спряжение — *чтить* и *бежать*,— характеризуются одновременно и разными типами чередования.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1965

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Е. А. ИВАНЧИКОВА

О СТРУКТУРНОЙ ФАКУЛЬТАТИВНОСТИ И СТРУКТУРНОЙ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СИНТАКСИСЕ

Известно, что синтаксические связи между словами в простом предложении, между частями сложного предложения, а также между самостоятельными предложениями в пределах сложного синтаксического целого могут быть более свободными и более тесными. Сопоставим две группы предложений:

«У меня не хватило мужества заставить ее слушаться» (Федин)

«Сегодня вы так же свежи и милы, как это утро» (Тургенев)

«Мышление было бы не нужно, если бы были готовые истины» (Герцен)

«Светает все более» (Короленко).

«Ночью от перрона Курского вокзала отойдет в Адлер поезд № 41» (из газет)

«Любовь везде одинакова, если она настоящая» (М. Горький)

Между предложениями, помещенными в левой колонке, и предложениями, помещенными в правой колонке, легко заметить существенное различие в степени тесноты связи одного слова с другим, а также связи придаточного предложения с главным. Так, в первом предложении левой колонки глагол *не хватило* оказывается «неполным», если при нем не будет управляемой им формы род. падежа (*мужества*); в свою очередь сочетание *не хватило мужества* «требует» своего распространения последующим инфинитивом (*заставить*); глагол *заставить* «неполон» без формы вин. падежа (*ее*) и инфинитива (*слушаться*). Препозитивные «главные» предложения левой колонки не являются завершенными синтаксическими структурами без своих «придаточных». В предложениях же правой колонки связь между словами такова, что наличие одного, «подчиняющего», слова не требует обязательного присутствия при нем другого, «подчиненного» ему, слова (например, возможны предложения: *Светает на дворе*; *Уже светает*; *Светает*; *Вот отойдет поезд, тогда и закрою окно*); такой же характер синтаксической необязательности носит и связь придаточного предложения с главным в третьем примере (ср.: *Любовь везде одинакова*).

Уже из этого внешнего сопоставления двух типов синтаксических связей с точки зрения степени их обязательности можно заключить, что наличием обязательной или, наоборот, необязательной связи между словами в простом предложении или частями сложного предложения определяется само существо данной синтаксической конструкции как структурного целого. Применение этого принципа позволяет определить степень завершенности, автономности той или иной конструкции, а также составить «инвентарь» сигналов синтаксической незавершенности и тех форм, которые восполняют эту незавершенность, обеспечивают структур-

ную полноту синтаксической конструкции. Конечным практическим результатом подобного изучения синтаксических конструкций в предлагаемом здесь аспекте могло бы быть составление соответствующих списков или таблиц обязательных структур. Такой анализ может быть признан одним из приемов синтаксического анализа, поскольку он опирается на учет основного для данного типа конструкций способа синтаксической связи частей, образующих эти конструкции: связи зависимой части с главной, господствующей частью. Применение критерия обязательности — необязательности компонентов синтаксической структуры позволяет определить структурный минимум той или иной синтаксической конструкции.

Структурная факультативность данной конструкции характеризуется тем, что элемент синтаксической конструкции — член предложения или словосочетания, часть сложного предложения — оказывается синтаксически автономным, не требующим — грамматически и семантически — своего обязательного восполнения определенной формой слова, словосочетания, предложения: говорящий (или пишущий) в этом случае относительно свободен как в самом употреблении «зависимых» форм, так и в замене той иной формы другой формой. Структурная обязательность проявляется в том, что данный элемент синтаксической конструкции обладает потенциальной синтаксической валентностью и требует для реализации этой валентности (т. е. для завершенности данной конструкции) обязательного присутствия определенной формы слова, словосочетания или предложения. При этом возникает необходимость распространения части данной конструкции, вызванная синтаксическими или семантико-синтаксическими, но не контекстными условиями. Следовательно, о завершенности или незавершенности, полноте или неполноте синтаксической конструкции можно говорить только в отношении конструкций, характеризующихся структурной обязательностью. Исходным местоположением структурного показателя, «сигнала» неполноты синтаксической конструкции (или антецедента, контактного слова), предсказывающего другую, необходимую, часть данной конструкции, является препозиция; его постпозиция по отношению к этой другой части должна рассматриваться как инверсия, например: «Я с интересом читал статьи и заметки, публиковавшиеся под рубрикой „По чужим страницам“. Но за последнее время они появляются очень редко. *А жаль!*» (ВМ, 3 VI 65)[1]. Одним из основных условий структурной неполноты и — одновременно — структурной обязательности конструкции является лексическая неполнозначность какого-либо синтаксического элемента конструкции; часть конструкции, которая содержит этот элемент, оказывается, следовательно, структурно господствующей, «главной» частью конструкции. То, что мы называем здесь условно синтаксическим сигналом, может быть «знаменательной» частью речи, местоименным словом (существительным, прилагательным, наречием) указательного типа, первой частью союзного сочетания. Естественно, что из рассмотрения случаев структурной обязательности синтаксических конструкций должны быть исключены разного рода фразеологические единства и сращения, структурная формула которых лексически наполнена и как бы уже «закрыта»: такие структуры не строятся говорящим, а уже в готовом виде вводятся в речь.

Ярким примером структурно обязательных построений являются словосочетания и предложения, включающие в свой состав слово (или

[1] Принятые сокращения названий газет: Пр.— «Правда», Изв.— «Известия», ВМ — «Вечерняя Москва», Л. г.— «Литературная газета».

словосочетание), обладающее так называемым сильным управлением[2]. Без введения в конструкцию требуемых этим словом форм оно оказывается семантически неполным и связи его с какими-либо другими формами слов не восполняют этой неполноты; вместе с тем и все данное синтаксическое построение оказывается структурно неполным, незавершенным. Обратимся хотя бы к таким примерам: *я довольствуюсь; я прячу; он достиг; это зависит; он добился; мы вспоминали; я горжусь; он узнал; я читал; он просит; она ждет; он догадывается; мы считаем; он рассказал; я отказываюсь; я отношусь; ты извлечешь; мы даем; я советовал; он превратил; я предлагаю; мы разрешили; я отказываюсь; она продолжает; мы надеемся; он забыл; он очутился; он чувствует себя; он полагает; я пользуюсь; билет стоит; канцелярия помещается; он ведет себя; она выглядит; повеяло; пахнет; живется; дышится; у него страсть; у него вид; он проявил склонность; у нее отвращение; я чужд.*

Очевидно, что во всех этих случаях мы имеем дело с незавершенными синтаксическими конструкциями, и в каждом случае недостающая для полноты конструкции форма (или формы) легко подсказывается «управляющим» словом. Подобной «недостаточности» нет, например, в следующих конструкциях: *мы веселимся; он помолодел; билет куплен; она уехала; мальчик побледнел; мне холодно; смеркается; у него грипп.*

Степень необходимой связи управляющего слова с управляемым не во всех случаях одинакова. Для одних слов изолированное их употребление невозможно или бывает связано с особыми контекстными условиями (ср.: *он превратил, это зависит, он чувствует себя, канцелярия помещается, он очутился, она выглядит, повеяло, живется, я чужд*). Другие же «сильноуправляющие» слова могут употребляться автономно, абсолютивно (например: *он узнал, я читал, она ждет, он забыл*). Абсолютивное употребление переходных глаголов широко распространено, например, в языке газеты (ср. заголовки статей: «Коммунисты проверяют, поддерживают, помогают» — Изв., 27 III 64; «Молодые танцовщики радуют» — ВМ, 4 IV 64; «Гостеприимство подсказывает» — ВМ, 28 X 64; «Бери, изучай, внедряй!» — Пр., 29 VII 64; «Фильм обвиняет» — Л. г., 4 VIII 64; «Республиканцы отмежевываются» — ВМ, 5 VIII 64; ср. также у В. И. Ленина: «Пожалуйста, похлопочите, узнайте, добейтесь, обругайте, заставьте, присмотрите!» — Письмо А. М. Коллонтай, 19 III 1916). Однако и в этих случаях объект, на который направлено действие, названное переходным глаголом, всегда «мыслится» и соответствующее слово в требуемой глаголом форме может быть восстановлено[3]. Сейчас, как известно, усиленно разрабатывается методика установления степени интенсивности, «силы» или активности управления в отношении разных групп сильноуправляющих слов[4].

[2] А. М. Пешковский сильное управление глагола определял (противопоставляя его слабому управлению) как «такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, с одной стороны, и словарной или грамматической стороной глагола, с другой стороны, есть необходимая связь» (А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 269).

[3] «Если бы,— пишет В. Г. Адмони,—реальная обязательная сочетаемость не была прочнейшим образом закреплена в языковом строе, не вошла бы существеннейшим моментом в грамматическое содержание отправной формы, то „абсолютная" структура была бы невозможна — значение второго компонента не входило бы обязательно в состав мысли, а было бы только факультативным, как это имеет место при потенциальной сочетаемости» (В. Г. Адмони, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, ВЯ, 1958, 1, стр. 114).

[4] См., например: Ю. Д. Апресян, О сильном и слабом управлении, ВЯ, 1964, 3; Р. Мразек, Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы, там же; см. также: Л. Н. Иорданская, Два оператора обработки словосочетаний с «сильным управлением» (для автоматического синтаксического анализа), М., 1961.

Из приведенных примеров слов, требующих своего распространения, видно, что в одних случаях синтаксический сигнал оказывается основой для построения односоставного [5] предложения, в других случаях на основе этого сигнала строится словосочетание или сложное предложение — бессоюзное или сложноподчиненное. Ср., например: *повеяло (прохладой), пахнет (гвоздикой), живется (хорошо)* и: *он ведет себя (достойно), билет стбит (рубль), она ждет (возвращения сына) (:сын вернется) (, что сын вернется).*

Среди «сильноуправляющих» слов есть, как известно, такие, которые нуждаются в присоединении одновременно двух управляемых форм, например: *мы считаем его погибшим, я предлагаю тебе работу, я отношусь к ним хорошо.* С другой стороны, то или иное слово, требующее обязательного распространения, может реализовать свою потребность в семантико-структурном восполнении, так сказать, выборочно: то посредством одной, то посредством другой формы, которые в этом случае являются между собой синтаксически равнозначными, синонимичными; таковы, например: косвенный падеж имени существительного и инфинитив *(она продолжает работу — она продолжает работать)*; косвенный падеж существительного и придаточное предложение *(он догадывается о несчастье — он догадывается, что случилось несчастье)*; косвенный падеж существительного, инфинитив и придаточное предложение *(мы надеемся на победу — мы надеемся победить — мы надеемся, что победим).* Синтаксически равнозначными могут быть беспредложная и предложная формы косвенного падежа имени существительного, ср. *мы вспоминали детство — мы вспоминали о детстве.* Естественно, что распространение слова, обладающего сильным управлением, может быть не только обязательным, но и факультативным.

Можно назвать другие случаи структурной обязательности, обусловленной потребностью данного слова в семантико-грамматическом восполнении. Это, например, конструкции, включающие в свой состав глагол с модальным значением необходимости, возможности, невозможности, желания, намерения и т. п. (а также образованное от такого глагола причастие, деепричастие, существительное) или другой «модальный» предикатив, требующие своего распространения инфинитивом, на который и падает — в реализованных конструкциях — основная смысловая нагрузка: *ему следует помолчать, пора расставаться, вы можете уходить, он не в состоянии двигаться, нельзя унывать, хочу пить, хорошо бы отдохнуть.*

Сближаются с этими случаями конструкции с составным сказуемым, в которых связка *быть* или полузнаменательный глагол с общим значением проявления, обнаружения признака, перехода из одного состояния в другое нуждается в распространении его существительным, прилагательным, наречием, сравнительным оборотом, например: *он будет врач, мы были начеку, она стала как каменная, дни становятся короче, шутка оказалась неуместной, он слывет чудаком, дело заключается в следующем.*

К примерам структурно обязательного распространения неполнознач ного слова относятся и конструкции, включающие слова с количественным

[5] В отношении двусоставных предложений понятие синтаксического сигнала неприменимо, так как связь между главными членами предложения носит не односторонний, как в рассматриваемых здесь случаях, а двусторонний характер; см. об этом, напр.: В. Г. Адмони, указ. соч., стр. 112. А. И. Смирницкий, противопоставляя предикативную связь другим типам синтаксической связи, считает ее «наиболее свободной», поскольку она не является заранее известной, а лишь устанавливается в предложении (см.: А. И. Смирницкий, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 173—174).

значением: при этих словах обязательно имя в род. падеже, называющее количественно определяемый предмет: *собралось много народу, купи килограмм сахару, я истратил уйму денег, одолжите щепотку соли.*

Укажем также на случаи, в которых имя существительное может функционировать в речи только вместе со своим определением (в форме прилагательного, причастия, косвенного падежа существительного, придаточного предложения). Это, например, существительные с обобщенным предметным значением — такие, как *цвет, рост, вид, возраст, выражение, размер, отношение, поколение, профессия, положение, принцип, взор, тон, нрав* и т. п. Нельзя, например, сказать: *Он вышел из дома в состоянии духа* (ср. у Достоевского: «Вышел Алеша из дома отца *в состоянии духа разбитом и подавленном*»). Синтаксически завершенными будут конструкции: *люблю зеленый цвет, у нее встревоженный вид, попали в положение, которому не позавидуешь, заключено соглашение на принципах равноправия* (ср. в газетной заметке: «После дня отдыха гроссмейстеры и мастера возобновили „погоню за Ларсеном", как шутя характеризуют *положение, создавшееся сейчас на межзональном турнире.* А датский гроссмейстер и вчера, в седьмом туре, в хорошем стиле победил Бергера, сохранив *положение лидера*» — ВМ., 29 V 64).

Подобные существительные могут быть употреблены изолированно, но лишь выступая в роли подлежащего, когда определяющее их прилагательное выступает в составе сказуемого (например: *положение было глупое*). Попадая в позицию определяющего члена предложения, такие существительные вводят в предложение и свое — согласованное — определение, только вместе с ним образуя структурный минимум данной определительной конструкции: *пили чай золотистого цвета, клоун — человек веселой профессии, книжка для детей младшего возраста, нарисована девушка с печальным взором, это были люди разумных принципов, вошел секретарь с важным видом.* Примечательно, что и некоторые другие существительные, семантически более «наполненные», в такой синтаксической позиции тоже «притягивают» к себе в качестве обязательного компонента согласованное определение: *подарили браслет черненого серебра, показался дом с красной крышей* (но ср.: *дом с мезонином*) [6].

Тот же принцип синтаксического распространения — восполнение семантико-грамматической недостаточности — лежит в основе тех разновидностей сложноподчиненных предложений, в которых придаточная часть необходима для конкретизации находящегося в главной части указательного местоимения, если содержание его не раскрыто в главном предложении или в предшествующем данному предложению контексте. Это структурные формулы типа *...тот, кто...; ...таков, каков...; ...так, как...; ...там, где...; ...тогда, когда...* .

Чисто формальный характер структурной обязательности носят конструкции, в которых признаком, или сигналом, синтаксической незавершенности является первая часть союзного сочетания. Таковы, например, двойные, повторяющиеся, разделительные союзы при однородных членах предложения: *не только..., но и...; как..., так и...; ни..., ни...; не то..., не*

---

[6] Обследование случаев обязательной сочетаемости в сербо-хорватском и других славянских языках см. в работах: М. И в и ћ, О појавама синтаксичке обавезности, «Годишњак филозофск. фак-та у Новом Саду», VI, 1961; е е ж е, The grammatical category of non-omissible determiners, «Lingua», XI, 1962. См. также указанную выше статью Р. Мразка. Эти же явления с точки зрения членимости или нечленимости словосочетаний, выполняющих функции разных членов предложения, рассматриваются в работе А. К. Ф е д о р о в а «Выражение членов предложения синтаксически нечленимыми словосочетаниями, «Уч. зап. Калининск. гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина», 30. Серия филологическая, 1963.

то...; не то что..., а...; не то чтобы..., а...; то ли..., то ли...; если не..., то...; (например: «На большей части их лиц выражалась если не боязнь, то беспокойство». Л. Толстой).

*

Ниже будет предложена попытка применить принцип структурной обязательности и структурной факультативности к анализу типов сложноподчиненных предложений. При таком подходе сложноподчиненные предложения подразделяются на две основные группы: 1) сложноподчиненные предложения, главная часть которых включает в свой состав синтаксический сигнал, предсказывающий необходимость распространения главной части придаточной частью; 2) сложноподчиненные предложения, главная часть которых не содержит словесных сигналов своей синтаксической неполноты, т. е. обладает автономной, самодовлеющей структурой [7]. Следует сразу же сделать следующую необходимую оговорку. В живой, произносимой речи препозитивная часть сложноподчиненного предложения — и главная и придаточная — в большинстве случаев характеризуется интонацией незаконченности. Именно поэтому при рассмотрении сложноподчиненных предложений с точки зрения обязательности или факультативности их построения интонацию приходится исключить из синтаксического анализа. Естественно, что основным объектом настоящего описания будут структурные разновидности подчинительных конструкций первой группы.

При выделении типов сложноподчиненных предложений, имеющих синтаксический сигнал в главной части, следует учитывать одновременно структурно-семантическую сущность и сигнала, и «требуемого» им придаточного предложения. Соответственно, различаем четыре типа сложноподчиненных предложений, в которых придаточная часть предсказывается структурой главной части.

1. Сложноподчиненные предложения, в главной части которых глагол (а также инфинитив, причастие, деепричастие) или слово в функции сказуемого («предикатив») — со значением речи, мыслительной деятельности, восприятия, чувства, внутреннего состояния, желания, побуждения, опасения, сомнения — требует своего восполнения придаточным предложением с общим объектным или объектно-обстоятельственным значением. Придаточная часть вводится посредством союзов *будто*, *чтобы*, *как бы*, *если*, вопросительной частицы-союза *ли* (при косвенном вопросе), вопросительно-относительных местоимений и наречий *кто*, *что*, *который*, *какой*, *чей*, *где*, *куда*, *откуда*, *когда*, *почему*, *отчего*, *зачем*, *как*, *сколько* и некот. др. Это — так называемые изъяснительные конструкции [8]. Вот некоторые образцы структурных формул сложноподчиненных предложений этой разновидности: *верю, что...*; *кажется, что* (*будто*)...; *снится, что* (*будто*)...; *видел, что* (*будто, кто, что, какой, чей, где, куда, откуда, как, сколько*)...; *слышал, что* (*будто, кто, что, какой, чей, где, куда, откуда, как, сколько*)...; *заметил, что* (*будто, кто, что, какой, чей, где,*

[7] Такой, по существу, принцип деления сложноподчиненных предложений был в общей форме предложен Е. В. Кротевичем в статье «Структура сложноподчиненного предложения» («Вопросы славянского языкознания», кн. 3, Львов — Харьков, 1953). См. также: Н. С. Поспелов, Сложноподчиненное предложение и его структурные типы (ВЯ, 1959, 2); С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части (ВЯ, 1960, 1); С. Г. Ильенко, Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке. Автореф. докт. диссерт., Л., 1964.

[8] Говоря словами А. И. Смирницкого, здесь «поясняется то, что дано уже предварительно в общей форме» (А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 187).

куда, откуда, как, сколько)...; *узнал, что* (*будто, кто, чтó, какой, чей, где, куда, откуда, когда, почему, зачем, отчего, как сколько*)...; *известно, что* (*кто, чтó, какой, чей, где, куда, когда, почему, отчего, зачем, как, сколько*)...; *рассказывал, что* (*будто, как*)...; *объяснял, что* (*кто, чтó, какой, чей, где, куда, откуда, когда, почему, отчего, зачем, как, сколько*)...; *спросил* (*кто, чтó, какой, чей, где, куда, откуда, когда, почему, отчего, зачем, как, сколько, ...ли*) ...; *ждет, что* (*когда, пока*[9], *чтобы, не...ли...*)... ; *требовал, чтобы*...; *просит, чтобы*...; *приказывает, чтобы*...; *распорядился, чтобы*...; *хочу, чтобы*...; *желает, чтобы*...; *хлопотал, чтобы*...; *боиться, что* (*чтобы не, как бы не*)...; *опасались, что* (*чтобы не, как бы не*)...; *беспокоюсь, что* (*чтобы не, как бы не*)...; *не помню, чтобы*...; *не думаю, чтобы*...; *не допускаю, чтобы*...; *любит, чтобы* (*когда, если*)...; *ему нравится, что* (*чтобы, когда, если*)...; *она рада, что* (*когда, если*)...

Как видим, большинство сильноуправляющих слов названных выше семантических групп «управляет» не только придаточным предложением, но и падежной формой имени существительного, а также — значительно реже — инфинитивом. Легко заметить также, что некоторые из приведенных выше глаголов или предикативов могут присоединять к себе придаточное предложение не только непосредственно союзом или относительным словом, но и через посредство указательного местоимения, ср.: *я в е р ю, ч т о ты вернешься — я в е р ю в т о, ч т о ты вернешься*; *он ж д е т, ч т о б ы его вызвали — он ж д е т т о г о, ч т о б ы его вызвали; р а с п о р я д и л с я, ч т о б ы прислали машину — р а с п о р я д и л с я о т о м, ч т о б ы прислали машину*; но ср.: *он р а с с к а з ы в а л, к а к его спасли — он р а с с к а з ы в а л о т о м, к а к его спасли — он р а с с к а з ы в а л о т о м, к т о его спас.* Во всех примерах, кроме последнего, указательное местоимение способствует более четкому расчленению частей сложного предложения и большей акцентуации управляющего слова и усилению его свойства «предсказывать» придаточную часть, но посредничество указательного местоимения не меняет ни основного значения, ни структуры данной конструкции: наличие указательного местоимения в подобных случаях можно считать конструктивно избыточным. Предложения с такими избыточными местоимениями следует рассматривать в качестве вариантов основного типа подчинительных конструкций, в которых придаточное предложение присоединяется к главному непосредственно союзом или относительным словом «по требованию» синтаксического сигнала, находящегося в главном предложении[10]. Конструкции же типа *Он рассказывал о том, кто его спас*, в которых указательное местоимение является необходимым строевым элементом данного предложения, входит в состав его структурного минимума, относятся уже к другому типу сложноподчиненных предложений, построенных по принципу структурной обязательности.

2. Сложноподчиненные предложения, в главной части которых имя существительное с неконкретным значением нуждается в уточнении, сужении своего значения посредством присоединения придаточного предложения с определительным или определительно-объектным значением. Здесь имеются в виду, с одной стороны, имена существительные с обобщенно-предметным значением, названные выше, типа *цвет, аромат, рост-*

[9] Союз *пока* в объектно-обстоятельственной функции прикрепляется только к глаголу *ждать* и производным от него глаголам (*ожидать, поджидать, пережидать*).

[10] О разной степени обязательности указательных местоимений см.: А. Б. Ш а п и р о, Об одной синтаксической конструкции в русском языке (Сложноподчиненное предложение с субстантивированным местоимением *то* в главном предложении и изъяснительным союзом в придаточном), «Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову», М., 1958.

вид, *возраст*, *выражение*, *походка*, *часть*, *отрасль*. Список подобных слов невелик, они легко «обозримы». Очевидно, что они чаще присоединяют к себе «простые» определения — прилагательные, причастия, косвенный падеж существительного, чем придаточное предложение. Придаточное предложение в свою очередь присоединяется к ним чаще посредством указательных местоимений (способствующих конкретизации и сужению их значения), чем непосредственно. Сюда же следует отнести имена существительные, соотносительные с глаголами, требующими «изъяснительного» распространения: *мысль*, *убеждение*, *предположение*, *надежда*, *сообщение*, *слух*, *опасение*, *беспокойство*, *желание*, *требование* и т. п. Благодаря своей субстантивной природе они нуждаются в атрибуте, тогда как их словообразовательная, а также семантическая связь с глаголами говорения, мысли, восприятия, желания и т. п. сообщает им силу объектного управления (не лишенного и атрибутивной функции). Соответственно, слова этой группы восполняют свою смысловую недостаточность присоединением либо атрибута («простого» определения или придаточного определительного предложения), либо объекта («дополнения» или изъяснительного придаточного предложения). Таким образом, рассматриваемый тип подчинительных конструкций характеризуется формулами: (*у нее была*) *п о х о д к а*, *н а к о т о р у ю* (*все обращали внимание*); (*он произнес это*) *т о н о м*, *к а к и м* (*отдают приказания*); (*хочу поделиться с вами*) *м ы с л ь ю*, *к о т о р а я* (*пришла мне в голову*); (*меня тревожит*) *м ы с л ь*, *ч т о* (*я не справлюсь с этой работой*); (*распространился*) *с л у х*, *ч т о* (*враг подошел к городу*); (*до меня дошел*) *с л у х*, *к о т о р о м у* (*я не поверил*); (*я еще не решил*) *в о п р о с а*, *к у д а* (*мне лучше поехать*); (*ответьте мне*) *н а в о п р о с*, *к о т о р ы й* (*я вам задал*); ср. также: *...сознание, что...*; *предположение, что...*; *...надежда, что...*; *...намек, что...*; *...мнение, будто...*; *...опасение, как бы...*; *...страх, чтобы... не...*; *...стремление, чтобы...*; *...требование, чтобы...*; *...желание, чтобы...*; *...чувство, какое...*; *...желание, о котором...*

Присоединение к словам данной группы придаточного предложения посредством указательного местоимения — там, где придаточное предложение может быть введено непосредственно союзом,— следует отнести к случаям структурной избыточности (как и в соответствующих глагольно-изъяснительных конструкциях), ср.: *...мысль о том, что...*; *...убеждение в том, что...*; *...известие о том, что...*; *...намек на то, что...*; *разговоры о том, что...*; *...боязнь того, чтобы...*.[11]

3. Сложноподчиненные предложения, в главной части которых местоимение (указательное, определительное, неопределенное, отрицательное) в форме существительного, прилагательного, наречия наполняется конкретным содержанием, заключенным в придаточной части. Придаточная часть вводится в конструкцию относительным местоимением (существительным, прилагательным, наречием) или союзом (*что*, *как будто*, *словно*, *чтобы*). Функция придаточной части в таких конструкциях

[11] Выделяя «именной» тип структурно-обязательных подчинительных конструкций, мы не имеем в виду случаев контекстно обусловленной синтаксической обязательности: изучение синтаксического контекста — уже второй, последующий этап более углубленного синтаксического анализа по сравнению с применяемым здесь «инвентарным» подходом к синтаксической структуре. (Могут быть, в частности, выявлены синтаксические формулы, в которых «полнозначное» имя существительное нуждается в распространении его определительным придаточным предложением или определением, определительным оборотом именно благодаря закрепленной за ним в этой формуле синтаксической позиции — ср., например: «*Есть книги, которые* читаются; *есть книги, которые* изучаются терпеливыми людьми; *есть книги, что* хранятся в сердце нации» (Л. Леонов); «*Есть события, не оставляющие* равнодушных» (ВМ, 20 X 64); ср. также: *Здесь жили люди с фамилиями, которые* звучали не по-русски.)

определяется синтаксической ролью «сигнального» местоимения главной части. За конструкциями этого типа закрепилось название местоименно-соотносительных.

Одну группу структурно-обязательных сложноподчиненных предложений местоименно-соотносительного типа составляют конструкции, в которых относительное местоимение вводит придаточную часть, раскрывающую значение «сигнального» местоимения главной части: *...тот, кто...*; *...те, кто...*; *...все, кто...*; *...всякий, кто...*; *...каждый, кто...*; *...многие, кто...*; *...те, которые...*; *...то, что́...*; *...все, что́...*; *что-то, что́...*; *...та́к, ка́к...*; *...там, где...*; *...там, куда...*; *...туда, где...*; *...туда, куда...*; *...оттуда, откуда...*; *...тогда, когда...*; *...всякий, кто ни...*; *...все, кто ни...*; *...все, что ни...*; *...везде, куда ни...*; *...таков, каков...*; *столько, сколько...* и т. п. (Например: «Я вижу *многое*, *чего* не видишь ты». Надсон; «Елена ни разу не поговорила с Инсаровым *так*, *как* бы она хотела». Тургенев; *Т а м хорошо, г д е нас нет.*)

Заметим, что на основе этих конструкций возникают — при опущении «сигнальных» местоимений главной части — конструкции с «конденсированными относительными словами» типа *Пришли кто хотел*; *Сделали что нужно*; *Возьмем сколько хочешь*[12].

Другую группу сложноподчиненных предложений рассматриваемого типа образуют конструкции, в которых относительное местоимение или изъяснительный, сравнительный, целевой союз вводит придаточную часть, которая уточняет значение имени существительного (в функции подлежащего или дополнения), сказуемого или определяющего члена (прилагательного, причастия, наречия) главной части, выделенного прикрепленным к нему «сигнальным» (указательным) местоимением: *...тот* (*дом*), *который...*; *...тот* (*голос*), *каким...*; *...тот* (*человек*), *чью* (*фамилию*)...; *...такой* (*день*), *какие...*; *...такой* (*веселый*), *какого...*; *...к тому* (*лесу*), *где...*; *...в ту* (*страну*), *куда...*; *в то* (*время*), *когда...*; *...так* (*хорошо*), *как...*; *...столько* (*денег*), *сколько...*; *...тем* (*ярче*), *чем* (*ближе*)...; *...такое* (*красивое*), *что...*; *...до того* (*слаб*), *что...*; *...настолько* (*очевидно*), *что...*; *...столько* (*впечатлений*), *что...*; *...такая* (*заботливая*), *словно...*; *...потому* (*не пришел*), *что...*; *...оттого* (*загрустил*), *что...*; *...с тем* (*явился*), *чтобы...*; *...такую* (*задачу*), *чтобы...* (например: «Вновь я посетил *Тот* уголок земли, *где* я провел Изгнанником два года незаметных». Пушкин; «Старики Базаровы *тем более* обрадовались внезапному приезду сына, *чем меньше* они его ожидали». Тургенев; «Голос у него был *такой*, *что* его всегда было слышно за три комнаты». Л. Толстой; «Факты были *до того ясны*, *что* невозможно было не верить». Достоевский; «*Оттого* нам невесело и смотрим мы на жизнь так мрачно, *что* не знаем труда». Чехов)[13].

В конструкциях этого типа определяющее слово со значением степени качества, степени интенсивности действия может отсутствовать: это значение как бы вбирается указательным местоимением, ср.: *...так рассердился, что...*; *...ударил так, что...*; *...до того устал, что...* (ср.: «Я вас *так знаю*, *как будто* уже мы двадцать лет были друзьями». Достоевский).

В эту же группу входят устойчивые формулы (с ограниченным кругом наполняющих их знаменательных слов) типа: *...по той причине, что...*; *...с той разницей, что...*; *...в том смысле, что...*; *...на том основании, что...*; *...тот факт, что...*; *...то обстоятельство, что...*; *тот недостаток, что...*;... *та мысль, что...*

---

[12] См. об этом, например: А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 95.

[13] См.: Л. Ю. Максимов, Местоименно-союзный соотносительный тип сложноподчиненных предложений, «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина]», [216]. Современный русский язык (Морфология и синтаксис), М., 1964, стр. 99—118.

В особую группу структурно обязательных конструкций местоименного типа должны быть выделены предложения, в которых прикрепление придаточной части к указательному местоимению главной части носит формальный характер: есть слова, обладающие сильным управлением, к которым придаточное предложение присоединяется, как норма, только через посредство указательного местоимения (обычно это слова с «двойным» обязательным управлением): *...призывал нас к тому, чтобы...*; *...осуждал всех за то, что...*; *...обвинил товарища в том, что...*; *...способствовал тому, чтобы...*; *довольствовался тем, что...* (например: «Большое внимание будет уделено тому, чтобы полностью раскрыть загадку Венеры», 23 IV 64). Впрочем, проявлением действующей в языке тенденции к лаконизации синтаксических построений оказываются нередкие уже случаи непосредственного присоединения придаточного предложения к управляющему слову там, где нормой признается посредничество указательного местоимения; см. еще у Тургенева (но не в речи автора): «Видно, папенька прав: он *упрекает* меня, *что* я люблю одних собак да кошек»; ср. в языке современной прессы: «Он призвал *принять* срочные *меры*, *чтобы* предотвратить обострение положения в Лаосе» (ВМ, 20 IV 64) [14].

4. Сложноподчиненные предложения, в препозитивной части которых первая часть двучленного фразеологического сцепления, выполняющего «союзную» функцию, предсказывает продолжение конструкции. Сюда относятся, во-первых, временны́е конструкции, выражающие значение близкого, быстрого следования действий, неожиданности или немотивированности наступления последующего действия, прерванности одного действия другим, например: *... не успел (войти)..., как...*; *...только успела (передохнуть)..., как вдруг...*; *... едва (устроился)..., как...*; *не прошло (недели)..., как...*; (например: «*Только успели* мы прибыть на место, *как вдруг* небо осветилось...». Пушкин; «*Не прошло нескольких дней* после прибытия его в село, *как* все уже знали, что он знахарь». Гоголь). Во-вторых, к этому типу структурной обязательности могут быть отнесены фразеологизированные условно-ограничительные и ограничительно-выделительные конструкции:... *стоит (пошевелиться), как...*; *...стоило (остановиться), чтобы...*; *...достаточно (вымолвить слово), чтобы...*; *...слишком (поздно спохватился), чтобы...* (например: «*Стоило пройти дождю, как* вся местность надолго погружалась в грязь». В. Панова; «*Достаточно* малейшего *шороха* в сенях или *крика* во дворе, *чтобы* он поднял голову и стал прислушиваться». Чехов).

Важно отметить, что совсем не каждая синтаксическая единица, совпадающая с той или иной из выделенных выше моделей, содержащих синтаксический сигнал придаточного предложения, может быть т о л ь к о препозитивной частью сложноподчиненного предложения. Легко убедиться, просмотрев хотя бы приведенные выше примеры, что в большинстве случаев это именно такие модели. Но ср., например: *Т а м х о р о ш о, г д е нас нет — Поедем в деревню: т а м х о р о ш о*; «*Так* я был поражен этим неожиданным случаем, *что* даже ум во мне помутился» (Достоевский) — *Я не мог пошевелиться: т а к я б ы л п о р а ж е н э т и м н е о ж и д а н н ы м с л у ч а е м.*

Вторая основная группа сложноподчиненных предложений в принятой здесь классификации — это сложноподчиненные предложения, главная часть которых не имеет сигналов, предсказывающих необходимость придаточной части, или, в принятой нами терминологии, структурно факультативные. Ср., например:

---

[14] См.: В. Н. М и г и р и н, Соотносительные слова, «Изв. Крымск. пед. ин-та», XIV, 1948, стр. 95, 97—98.

Он зайдет к сестре, { *которую не видел много лет.* / *когда кончит работу.* / *потому что она его позвала.* / *если успеет.* / *чтобы она не обиделась.* / *хотя он очень устал.* / *так что вы его не ждите.* / *о чем он меня предупредил.* }

При построении таких предложений в первую очередь (если и здесь намеренно отвлечься от учета их внутриструктурных и интонационных признаков) речь идет о выборе союза (или относительного слова), соответствующего той семантике, которую необходимо передать посредством подчинительной конструкции. В эту группу войдут следующие традиционно выделяемые разновидности сложноподчиненных предложений: определительные (кроме тех, которые отнесены к числу структурно обязательных), временны́е (кроме «обязательных» конструкций типа *...тогда..., когда...*, а также конструкций с частями, скрепленными фразеологизированными сочетаниями типа *...не успел..., как...*), причинные (кроме «обязательных» конструкций типа *...потому..., что...*; *...оттого..., что...*), условные (кроме фразеологизированных типа *...стоит..., как...*), целевые (кроме «обязательных» типа *...с тем..., чтобы...*), уступительные, следственные, сравнительные, относительно-присоединительные.

Принятое здесь деление сложноподчиненных предложений с точки зрения структурной обязательности и структурной факультативности не исключает их рассмотрения и с точки зрения одночленности (нерасчлененности) и двучленности (расчлененности) — в том понимании этих терминов, которое утвердилось после работ Н. С. Поспелова[15]. Так, все сложноподчиненные предложения, выделенные нами как построенные на основе структурной обязательности, являются одночленными, нерасчлененными конструкциями (здесь особо встает вопрос о том, являются ли эти предложения сложными предложениями в строгом смысле слова). Сложноподчиненные предложения, отнесенные к группе структурно факультативных, включают как двучленные (их большинство), так и одночленные структуры. К одночленным относятся, например, все определительные конструкции, поскольку в них придаточное предложение — обязательное или факультативное — всегда относится к одному слову (или к словосочетанию) главной части, а не к главной части во всем ее объеме[16]. Одночленными могут быть и временные факультативные структуры, например: «Вечером, когда мы пили чай, кухарка подала к столу полную тарелку крыжовнику» (Чехов).

[15] Н. С. Поспелов, указ. соч., стр. 20.

[16] По-видимому, само понятие «всего объема» предложения нуждается в уточнении: критерий разграничения «всего объема» предложения и синтаксической группы сказуемого остается невыясненным.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1965

Б. В. ГОРНУНГ

О ПРИРОДЕ СИНОНИМИИ В ЯЗЫКЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ СОСТАВЛЕНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ [1]

Человеческая мысль интересуется проблемою синонимов вот уже около двадцати четырех столетий — начиная с софиста Продика (ученика Протагора и учителя Сократа), не дошедший до нас трактат которого фрагментарно восстанавливается нами по указаниям у Платона, стоиков, Афинея и по синонимическим трактатам и словарям лексикографов. поздней античности и Византии.

От Греции и Рима через Византию и западную средневековую схоластику к гуманистам Ренессанса (филологам, теоретикам литературы и философам), от них через рационализм XVII—XVIII вв. к новому возрождению филологии на рубеже XVIII и XIX вв. идет о д н а н е п р е р ы в н а я ф и л о л о г и ч е с к а я т р а д и ц и я, в которой сосуществуют и борются разные трактовки явления синонимии и «смыслового родства» слов в языке.

В середине XIX в. эта традиция резко обрывается, как обрывается все развитие филологии, содержание которой лишь частично воспринимается новою лингвистикою эпохи господства позитивизма и «ползучего» эмпиризма.

Возрождение теоретической проблематики семасиологии в последующие десятилетия пока что еще очень мало дало нам в области разработки теории синонимии. Поэтому филологический опыт более далекого прошлого нам пока нельзя не учитывать: он еще не заменен ничем более совершенным. И если в нашей науке есть сейчас разделы (например, сравнительно-историческое языковедение), где все написанное более 50—60 лет назад стало только достоянием истории науки, то не так обстоит дело в области семасиологии и, в частности, в области теории синонимии. Мы должны использовать здесь всю старую филологическую традицию, но, конечно, интерпретируя достижения филологии в свете современных нам теоретико-лингвистических построений, исходящих из понятия системы языка как определенной знаковой структуры. Некоторые филологи и философы прошлого были очень близки к нашему пониманию языковой системы, хотя и не могли это четко формулировать. Кроме того, они были лишены — от древней Греции до начала XIX в.— настоящего историзма. Его мы тоже обязаны вносить в нашу интерпретацию достижений старой филологии.

Для разработки т е о р е т и ч е с к и х вопросов синонимики (если не уходить в глубь далеких времен) очень большое значение имеет их разработка в XVIII и первой половине XIX в., в то время как вторая половина XIX и XX в. дали чрезвычайно мало нового, если исключить

[1] Выступление на симпозиуме по теоретическим вопросам синонимии 10 апреля 1964 г.

крайне важные высказывания Ш. Балли[2], но важные в первую очередь для проблем стилистики, а не для самой синонимики.

Выходившие со второй половины XIX в. синонимические словари разных типов и построенные на разных принципах либо были простыми переработками более старых словарей, либо, даже будучи составлены заново, только повторяли в различных комбинациях теоретические принципы и практические рецепты предыдущего времени, нередко вульгаризируя и упрощая их.

Как это ни парадоксально, но мы почти ничего не можем почерпнуть из практики современных синонимических словарей, давно уже утерявших пространные вводные статьи, которыми такие словари снабжались раньше, и часто дающих в самом тексте словаря мешанину разных принципов, связанных раньше с разными направлениями в разработке синонимики.

До середины же XIX в. лексикографами-филологами ставились многие вопросы, которые потом были просто забыты и которые теперь представляются нам как якобы совершенно новые. Другие же вопросы ставились и в последнее время, но в более упрощенном виде.

Ниже я сжато изложу свои взгляды на вопрос о понятии синонима и синонимического ряда, без ссылок и экскурсов и почти без примеров, но хочу подчеркнуть, что прийти к этим взглядам мне существенно помогли филологическая традиция прошлого и изучение синонимии в древних «классических» языках.

*

Если не рассматривать словарный состав языка как беспорядочное собрание «этикеток», наклеиваемых на отдельные вещи и понятия, как это полагал, например, Г. Шухардт, то он будет предстоять нам в любом аспекте рассмотрения как некая «лексическая система языка» — специфическая для каждого языка каждой эпохи, не сводимая ни к каким универсальным схемам и не поддающаяся никакому «моделированию».

В этой sui generis «системе» развитие каждого слова в любом плане (семантическом, синтаксическом, деривационно-морфологическом) происходит не изолированно, а в связи с другими словами. Эти связи каждого слова с рядом других не могут игнорироваться и в словарях, в которых слова, для удобства пользования, располагаются в алфавитном (т. е. логически-бессистемном) порядке.

Употребление термина «лексическая система языка» продолжает до сих пор встречать возражения, основанные на том, что это видовое понятие, по отношению к родовому понятию «система», не является эквивалентом другим понятиям «подсистем» — фонологической, морфонологической, морфологической, синтагматической и собственно синтаксической. Выше было уже указано, что это — «система» sui generis, действительно отличная от всех других «подсистем» языка тем, что ее предельная формализация («моделирование») невозможна. Но вместе с тем общее у «лексической системы» с другими «подсистемами» языка заключается в том, что и здесь элементы системы связаны и взаимодействуют между собою. Правда, эта связь и это взаимодействие осуществляются в лексике с меньшею иерархическою стройностью, чем в других «подсистемах» языка. Наконец, в отличие от этих «подсистем», в «лексической системе», именно в силу ее «немоделируемости» и в силу несводимости обычно многозначных связей между словами к однозначности и к полному

[2] Ch. Bally, Précis de stylistique, Paris, 1905.

устранению «недетерминованного остатка»,— невозможно (или, во всяком случае, крайне трудно) выделение каких-либо «констант».

Но, несмотря на все эти ограничения, только такими «системными» связями (хотя бы и многоступенчато опосредствованными) обусловлено каждый раз появление данного слова в данном тексте, что́ всегда должно быть учтено как лексикологом, так и лексикографом.

*

Связи слов данного языка данной эпохи между собою могут быть в основном сведены к трем категориям: 1) структурно-морфологические, образующие словообразовательные гнезда слов; 2) структурно-синтагматические, образующие принципы и правила сочетания слов, изменяющиеся в процессе развития языка и «языкотворчества» его носителей (особенно в поэтическом языке); 3) семантические связи, образующие: а) «семантические поля», или «лексико-семантические группы» слов; б) синонимические ряды их; в) антонимические противопоставления, в свою очередь влияющие на состав «семантических полей» и синонимических рядов; г) связи, отражающие соотношение прямых и переносных значений слова и разветвление его полисемии и ведущие к обособлению омонимов.

Это выделение семантических связей слов в особую категорию не означает, что первые две категории асемантичны: семантика играет свою роль и в них, но третья категория является семантическою par exellence.

*

Внутри третьей категории (собственно семантических связей) первые два вида связей («семантические поля» и синонимические ряды) тесно между собою связаны — конечно, при условии, что «семантические поля» не подменяются «предметно-тематическими группами» слов, что́ является грубейшею, но еще не изжитою ошибкою в лексикологии.

Синонимические ряды могут входить в состав одного «семантического поля», но могут перекрещиваться с несколькими «полями». Первый случай преобладает, второй встречается много реже, но не исключен. В этом последнем случае синонимический ряд захватывает части (обычно небольшие) нескольких «полей».

Поэтому синонимические связи слов можно рассматривать независимо от их перекрещивания с «семантическими полями» — тем более, что в каждом языке есть слова, не входящие ни в какие «семантические поля» или находящиеся лишь на периферии их, но могущие входить в синонимические ряды в качестве важных их звеньев.

Исходя из этого, синонимы следует определять лишь как о д и н из видов слов, семантически связанных друг с другом.

Крупнейшим заблуждением, проходящим через всю историю разработки теории синонимии (несмотря на многократно возобновлявшуюся борьбу с этим заблуждением), было рассмотрение в с е х семантически связанных, «родственных по значению» (sinnverwandte, apparentés par leur sens), «сходных», «близких» или тождественных по смыслу (но обычно не по употреблению) слов в качестве синонимов, тогда как в действительности известная (может быть даже значительная) часть таких групп слов синонимического ряда не образует.

Однако для выделения из всей массы таких слов той именно их категории, которую следует считать синонимами в собственном смысле, нужен точный критерий.

Я определяю этот критерий, исходя из следующих двух предпосылок: 1) синонимы должны составлять з а м к н у т ы й синонимический ряд, который для данного синхронного состояния языка в и д е е не может ни расширяться, ни сокращаться, но с развитием языка неизбежно меняется как от появления новых слов и выпадения части старых, так и от изменения семантических соотношений между сохраняющимися в составе языка словами; 2) синонимами являются слова, в з а и м о з а м е н я е м ы е в определенных, находящихся в строгом соотношении друг с другом контекстах, н о н е в л ю б ы х к о н т е к с т а х.

Отсюда следует, что, в соответствии со вторым пунктом, в число синонимов не должны включаться, к а к о с о б ы е р я д ы и х, слова взаимозаменяемые в л ю б ы х контекстах, которые лучше называть «лексическими дублетами», «эквивалентными словами» (коренное и заимствованное слово: *самолет — аэроплан*; нейтральный архаизм и обиходное слово: *башмак — ботинок*, однокорневые образования *громадный — огромный*).

Практически особые ряды таких слов могут, конечно, включаться в синонимические словари в утилитарных целях, но теоретически их необходимо отличать от синонимов в собственном смысле, так как их ряды не обладают сложною структурою, присущею настоящим синонимическим рядам. Однако, не образуя собственных синонимических рядов, «эквивалентные слова» («лексические дублеты») могут в отдельных случаях являться их особым звеном, составляя такое звено всею их группою (чаще всего парою). Практически в словарях они должны объединяться друг с другом каким-то условным знаком (например, знак дроби или скобки), показывающим их идентичное отношение к другим звеньям ряда, отношения которых друг к другу не идентичны.

На тех же правах могут входить в синонимический ряд и чисто морфологические варианты слов, например: *голубизна* (*гóлубь*) — *лазурность* (*лазоревость*, *лазурь*) — *синева* (*синь*) — это синонимический ряд цветовой характеристики неба, цветка (но не любого предмета, окрашенного данным цветом спектра). Но *голубизна — гóлубь*, *синева — синь* и т. п. отдельных синонимических рядов не образуют.

*

Из сказанного выше о стабильности п о л н о г о синонимического ряда для данного синхронного состояния языка вытекает далее положение, которое следует особо подчеркнуть: вне такого полного (для широкой синхронной полосы развития языка) синонимического ряда никакая часть его, никакая пара или бóльшая группа синонимических слов реально не существует в качестве синонимов. Каждое слово синонимического ряда связано со в с е м и остальными, хотя обычно оно взаимозаменяемо с ними только в разных контекстах, а может быть и вообще не взаимозаменяемо (ср. пример: *дети прыгали — дети скакали*, но *лошадь скакала по полю* и *советские спортсмены хорошо прыгали на последней олимпиаде*).

Если мы обозначим взаимозаменяемость знаком $\leftrightarrow$, то, при $X \leftrightarrow Y$ и $Y \leftrightarrow Z$, ряд $X - Y - Z$ мы можем рассматривать как синонимический ряд, хотя бы X и Z и не были взаимозаменяемыми ни в каком контексте.

Из этого вытекает, что в с е слова синонимического ряда равнозначимы как его члены, хотя бы все они были разнозначны по общему значению, по оттенкам значения, по их «предметной» соотнесенности» (gegenständliche Beziehung), которую надо четко отличать от «значения», по жанрово-стилевой сфере употребления, по стилевой (экспрессивной) окрашенности и т. д.

Следовательно, никакого «опорного слова», или «доминанты» в синонимическом ряду слов н е т и н е м о ж е т б ы т ь, и практическое выделение «доминанты» в синонимических словарях является искусственным и может вести только к путанице и к неверным представлениям.

Спор о выделении или невыделении «доминант» очень старый. Автор трактата «Synonymes ou la justesse de la langue françoise» (1718) аббат Габриэль Жирар их не выделял. Избранный в 1741 г. на его место во Французскую академию известный философ-материалист Д'Аламбер (будущий редактор филолого-грамматического раздела «Энциклопедии» — до 1757 г.), произнося по традиции Академии панегирик своему предшественнику и исходя из философского учения Дж. Локка об «общем смысле» (common sens, sens commun) слов, указал, что словарь Жирара был бы еще лучше, если бы в нем было выделено «главное слово» (mot principal), якобы содержащее в себе этот «общий смысл» всего ряда.

С тех пор эта контроверза не сходила со страниц французской и следовавшей во многом за ней немецкой (особенно со словаря Эбергарда 1802 г.) литературы по синонимике. Одни шли за Д'Аламбером (многие немцы, во Франции — Гизо, Бозэ и др.), другие (пожалуй, меньшинство) — за традицией Жирара, получившей свое завершение и обоснование в непревзойденном до сих пор «Dictionnaire des synonymes de la langue française» М. Лафея (2-е прижизн. изд. 1853 г.) и в обширной (90 стр.) вводной статье к нему. Однако большим практическим недостатком этого словаря было отсутствие в нем общего алфавитного указателя всех включенных в синонимические ряды слов. Такими указателями были, однако, снабжены все не выделявшие «доминант» латинские и греческие синонимические словари конца XVIII и первой половины XIX в. (Гарден-Дюмениль 1788 г., Пийон 1824 г., Барро 1853 г. и др.), а равно сводное издание большинства дошедших до нас синонимических словарей и трактатов поздней античности и Византии, выпущенное М. Валькенером (2-е изд. 1822 г.).

Этот недостаток сильно затрудняет пользование словарем Лафея к а к с п р а в о ч н и к о м, но этот словарь с его обширными (до 5—6 страниц) словарными статьями, систематизированными по типам и подтипам синонимических рядов, можно ч и т а т ь (подряд или выборочно) — читать, как систематический труд по семасиологии французского языка.

Проверка общих алфавитных указателей к синонимическим словарям «классических» языков показала, между прочим, как часто одно и то же слово закономерно попадает в разные синонимические ряды.

Опыт изучения синонимии древних «классических» языков и французского языка XVIII в. поучителен еще и потому, что в античной литературе (как отчасти и в литературе французской уже с конца XVI в.) жанры и стили были четко разграничены по словоупотреблению — более четко, чем у нас даже в эпоху господства «теории трех штилей». Эта четкость способствовала четкости теоретической разработки синонимики на материале этих языков. Этого совершенно не дают нам немецкие синонимические словари, а в толковых словарях (даже в словаре Гримма и особенно в словаре Зандера) немцы уделяли чрезвычайно мало внимания явлениям синонимии (Як. Гримм критиковал «Словарь Французской академии» не только за пуризм, но и за злоупотребление синонимическим толкованием).

При использовании богатого опыта синонимических словарей «классических» языков нужно также учитывать сказанное мною в самом начале: отсутствие историзма как у самих древних, так и у филологов-классиков до середины XIX в. Это делало для них допустимым брать для синонимических рядов материал слишком большого хронологического отрезка развития языка. Их синонимические словари — это, так же, как и их толковые словари, «словари-тезаурусы». Для них это было допустимо, так как в истории античной литературы чередовались периоды модернизации и архаизации литературного языка и его стиля. Но это было бы недопустимо, например, для русского языка.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1965

А. Н. КОНОНОВ

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ТЮРКСКОГО ДЕЕПРИЧАСТИЯ НА -(°)*п*, -(°)*б*, -(*j*)°*б*, -(°)*пан*, -(°)*бан*, -(°)*баны*, -(°)*баның (н)*

(МАТЕРИАЛЫ К СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)

1. Составление сравнительно-исторической грамматики тюркских языков в настоящее время продолжает оставаться одной из важнейших задач отечественной тюркологии [1]. Важное значение для сравнительно-исторических штудий имеет изучение форм, известных во всех тюркских языках (или в большинстве из них) на всем протяжении их существования, зафиксированного в памятниках письменности. Поскольку материал тюркских языков, доступный нашему изучению,— письменные памятники, данные диалектов — не дают, как правило, возможности четко установить генезис той или иной формы, то с очевидной необходимостью встает вопрос о расширении круга изучаемых материалов путем обращения к другим языковым семьям, родственным (или условно предполагаемым таковыми) тюркской семье языков, в первую очередь к монгольской и тунгусо-маньчжурской семьям языков. В силу этого при решении задачи, названной в заглавии статьи, делается попытка привлечь материал из основных алтайских языков.

2. Интересующая нас глагольная форма, единодушно относимая к разряду деепричастий [2], известна на всем протяжении истории тюркских языков и во всех тюркских языках, за исключением чувашского и якутского языков.

Показатель этого деепричастия имеет следующие фонетические варианты:

2. 1. *-п ~ -б* — после гласных: *башла* + *-п ~ -б* «начав; начиная»; *-°п ~ -°б* — после согласных: *јаз* + *-°п ~ -°б* [3] «(на)писав» [алт., башк., казах., караим., каракалп., карач.-балкар., кирг., крым.-татар., кумык., ногайск., ойротск., татар. (казанск., барабинск., ишимск., тобольск., тюменск., чулымск.), телеутск., тофаларск. (карагасск.), тув., туркм., узб., уйг.,

---

[1] Ср.: П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. I.

[2] Сводку терминов, используемых для обозначения этой формы, см.: Н. Ф. Катанов, Опыт исследования урянхайского языка, Казань, 1903, стр. 578—579.

[3] Знак ° обозначает гласные: *-ы/-і/-у/-ӳ* — для большинства тюркских языков; *-а/-ӓ* — для *н*-диалекта уйгурского языка (см.: A. von Gabain, Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950, стр. 3—5; А. М. Щербак, Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, М.— Л., 1961, стр. 19—26); *-ы/-і/-у/-ӳ/-о/-ӧ/-а/-ӓ* для современного уйгурского языка [см.: «Philologiae Turcicae Fundamenta», I, Wiesbaden, 1959 (далее сокращенно — PhTF), стр. 555]; *-ы/-е/-о/-ӧ* — для башкирского яз. (см.: Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.— Л., 1948, стр. 186).

желт.-уйг., лобнорск., шорск., хакас.[4], а также в памятниках рунического, уйгурского и арабского письма][5].

В диалектах азербайджанского, карачаево-балкарского языков это деепричастие имеет показатель *-n*>*-ф*: *алып*>*алыф* «взяв»; в языке желтых уйгуров — *-n*>*-в*>*-у*[6]; в хакасском и саларском языках показатель *-n* после основ на согласный переходит в Ø (ноль)[7]. В азербайджанском и караимском языках деепричастие на *-n* может принимать аффикс мн. числа (в случае согласования с подлежащим во мн. числе)[8]. В ряде тюркских языков (например, в узбекском) деепричастие на *-n*~*-б* сочетается с уменьшительным аффиксом *-рақ/-рäк* и частицами *-оқ*, *-қина/-гина*[9].

2.2. *-°n*~*-°б* — после согласных: *јаз-°n*~*-°б* «(на)писав»; *-j°n*~*-j°б* — после гласных: *башла-j°n*~*-j°б* «начав» (азерб., турецк., крым.-татар., половецк.[10]).

Здесь знак °=*ы*, *і*, *у*, *ӱ*.

2.3. *-пан/-пän* — после гласных: *башла-пан* «начав»; *-°пан/-°пän* — после согласных: *јаз-°пан* «(на)писав» [рунические памятники, памятники караханидской, золотоордынско-хорезмской литературы[11]]; здесь знак °=*у*, *ӱ* (реже: *ы*, *і*). В уйгурском и койбальском языках отмечена форма *-пын/-пан*[12].

В рунических и древнеуйгурских памятниках деепричастия на *-n*, *-пан* образуются только от положительных основ. В памятнике Кюль-тегину деепричастие на *-n* встречается 34 раза (считая повторяющиеся основы), деепричастие на *-пан* (используется только в Большой надписи) — шесть раз; в памятнике Тоньюкуку деепричастие на *-n* (считая повторяющиеся основы) встречается 16 раз, форма на *-пан* отсутствует; в «Гадательной книжке» деепричастие на *-n* встречается два раза, на *-пан* — 34 раза; в памятнике Могилян-хану деепричастие на *-n* употребляется 29 раз, деепричастие на *-пан* — один раз (*јорыпан*, 37); в памятнике Моюн-чуру деепричастие на *-n* употреблено 20 раз, на *-пан* — один раз (*бргіпän*, 34); в первом памятнике с Алтын-кёля деепричастие на *-n* встречается семь раз, на *-пан* — один раз (*mägіпän*, 55); в Онгинском памятнике деепричастия на *-n*, *-пан* отсутствуют; в памятнике Кули-чуру деепричастие на *-пан* отсутствует; в «Хуастанифте» деепричастие на *-n* используется 37 раз, деепричастие на *-пан* (только от глагола *тä-* «сказать») — восемь раз.

Обращает на себя внимание отсутствие формы на *-пан* в памятнике Тоньюкуку; язык этого памятника несколько отличается от памятника в честь Кюль-тегина и восходит, по-видимому, к другой группе тюркских диалектов. Этот лингвистический факт находит подтверждение в фактах этнических: Кюль-тегин принадлежал к племени Ашина, Тоньюкук — к племени Ашидэ[13].

2.4. *-°бан/-°бäн* — после согласных: *јаз-°бан* «(на)писав»; *-j°бан/-j°бäн* — после гласных: *дä-j-°бäн* «сказав». Эти варианты отмечаются в «Диване»

[4] Этот список можно было бы продолжить, см.: Н. Ф. Катанов, указ. соч., стр. 582—590; PhTF по морфологическому индексу под *-p/-°p* (стр. 804).

[5] См.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.— Л., 1951 (далее сокращенно — ПДТП), стр. 47—48; A. von Gabain, указ. соч., стр. 120—121; А. М. Щербак, указ. соч., стр. 159—160.

[6] С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, Алма-Ата, 1957, стр. 186—187.

[7] Н. П. Дыренкова, Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология, Абакан, 1948, стр. 80; Э. Р. Тенишев, Саларский язык, М., 1963, стр. 40.

[8] Һ. Мирзәзадә, Азәрбајҹан дилинин тарихи морфолокијасы, Бакы, 1962, стр. 238; К. М. Мусаев, Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология, М., 1964, стр. 299; PhTF, стр. 335.

[9] А. Н. Кононов, Грамматика современного узбекского литературного языка, М.— Л., 1960, стр. 242, 335, 336; PhTF, стр. 512.

[10] См.: PhTF, стр. 79.

[11] ПДТП, стр. 48; И. А. Батманов, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959, стр. 91; И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя Енисейка, Фрунзе, 1962, стр. 144; PhTF, стр. 33, 38, 105, 128.

[12] G. J. Ramstedt, Studies in Korean etymology, Helsinki, 1949, стр. 23.

[13] Подробнее см.: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 22 и сл.

Махмуда Кашгарского (XI в.) (по переводу Б. Аталая: I, 96, 8; 252, 16; 320, 26; 428, 10; II, 204, 12; 309, 16; III, 231, 2 и др.), единственный пример с формой на *-aban*: *altun kümüş bulnaban*... (II, 153, 8) «нашедши (для себя) золото и серебро...»[14]; наблюдаются также в древнеуйгурских, староузбекских, османских, татарских, туркменских письменных памятниках; в азербайджанских диалектах; в турецких диалектах Анатолии и Румелии. Здесь знак ^{o} = *у*, *ы*, *ӱ*, *і*.

2.5.-^{o}*баны*/-^{o}*бäні* — после согласных: *јаз*-^{o}*баны*; -*ј*^{o}*баны*/-*ј*^{o}*бäні* — после гласных: *дä-ј*-^{o}*бäні*; здесь ^{o} = *у*, *ы*, *ӱ*, *і* (встречается в тех же памятниках и диалектах, что указаны в 2.4); -^{o}*ваны* /-^{o}*вäні* (в нухинском диалекте азербайджанского языка[15]).

В кубинском диалекте азербайджанского языка наряду с формой -^{o}*бан*, -^{o}*баны* зарегистрирована весьма употребительная форма -^{o}*бан-нары*/-^{o}*бäннäрі* <-^{o}*бан* + -*лары*[16], которая, судя по примерам Р. А. Рустамова, близка по значению к формам -^{o}*бан*, -^{o}*баны*. По Рустамову, формы -^{o}*б* в кубинском диалекте нет[17].

2.6. -^{o}*баныӊ(н)*/-^{o}*бäніӊ(н)* — после согласных: *јаз*-^{o}*баныӊ(н)*; -*ј*^{o}*баныӊ(н)*/-*ј*^{o}*бäніӊ(н)* — после гласных: *gä-ј*-^{o}*бäніӊ(н)*. Встречается в старотурецких памятниках[18], в манихейских текстах[19], в тофаларском. Здесь ^{o} = *у*, *ы*, *ӱ*, *і*.

2.7. -*пынаӊ*(*-*пыјнаӊ*)~-*бынаӊ* (*-*біјнäӊ*) — после гласных; -^{o}*пынаӊ* ~ -^{o}*бынаӊ* — после согласных. Зафиксировано в хакасском, тофаларском языках[20]; здесь знак ^{o}= *ы*.

Из сказанного следует сделать важный для тюркской исторической диалектологии вывод: формы на -*пан*, -*бан*, -*баны*, -*баныӊ(н)* являются достоянием о г у з с к о й и отчасти у й г у р о - о г у з с к о й группы (в уйгурской группе этот аффикс встречается в хакасском и тофаларском языках и в манихейских текстах); они встречаются также в караханидских, золотоордынско-хорезмских, староузбекских памятниках, авторы которых, унаследовав грамматическую систему, выработанную на материале огузских и уйгурского языков, усовершенствовали ее привнесением морфологических элементов, синтаксических норм и лексики, свойственных главным образом карлукско-уйгурской и карлукско-хорезмской подгруппы тюркских языков.

3. Деепричастие на -*п*/-*б* в целях усиления п р и ч и н н о г о и в р е м е н н о г о значений может принимать форму исходного и местного падежей. Примеры из «Огуз-наме»: *муз таƀларда кöб соƀуӄ болубдан*... «из-за сильного холода в ледяных горах...»[21]; *андан соӊ ӭртä болубда*...

---

[14] Э. Т е н и ш е в, Указатель грамматических форм к «Дивану тюркских языков» Махмуда Кашгарского, сб. «Вопросы казахского и уйгурского языкознания», Алма-Ата, 1963 («Труды Ин-та языкознания [АН Каз. ССР]», 3), стр. 191.

[15] М. И. И с л а м о в, Нухинский диалект. Автореф. канд. диссерт., Баку, 1961, стр. 21.

[16] Р. Ә. Р ү с т ә м о в, Губа диалекты, Бакы, 1961, стр. 179—180. Ср. азербайджанскую форму -^{o}*блар* (h. М и р з ә з а д ә, Азәрбајҹан дилинин тарихи морфолокијасы, стр. 238) и караимскую форму -^{o}*плар* (К. М. М у с а е в, указ. соч., стр. 299).

[17] Р. Ә. Р ү с т ә м о в, указ. соч., стр. 178; ср. однако: М. Ш и р ә л и ј е в, Азәрбајҹан диалектолокијасынын әсаслары, Бакы, 1962, стр. 280.

[18] PhTF, стр. 175.

[19] A. v o n L e C o q, Türkische Manichaica aus Chotscho. III, APAW, III, 1922, стр. 35.

[20] M. A. C a s t r é n, Versuch einer koibalischen und karagasischen Sprachlehre, St. Pbg., 1857, стр. 39; Г. И. Р а м с т е д т, Введение в алтайское языкознание. Морфология, М., 1957, стр. 122; PhTF, стр. 617; Г. Ф. Б а б у ш к и н, Значение и функции хакасских деепричастий, «Уч. зап. [ХакНИИЯЛИ]» (Серия филол.), X, Абакан, 1964, стр. 25.

[21] А. М. Щ е р б а к, Огуз-нāме. Мухаббат-нāме, М., 1959, стр. 48.

«после этого на рассвете...»[22]; из диалектов азербайджанского языка: *базардан кәлифдән...*[23] «придя/после прихода с базара...»; *бахыфнан*[24] «поглядев/когда поглядел». По мнению М. Ш. Ширалиева, *-нан*<*-дан* (исходн. падеж)[25].

4. Функции и значения деепричастия на *-п*~*-б*:

4.1. Это деепричастие а) выражает временную, причинную, целевую, условную характеристику действия, предшествующего другому (главному) действию; б) обозначает действие, происходящее одновременно или параллельно другому (главному) действию.

4.2 Деепричастие на *-п*~*-б* используется в качестве первого компонента составной формы глагола, обозначая при этом характер протекания действия (= категория способа действия): *јаз-ыб алмаҡ* «записать (для себя, себе)» и др.

4.3. Оно может служить присвязочной частью в составе одного из прошедших времен: *јаз-ыб-ман* «я (на)писал» и т. п., *јаз-ыб әдім* «я (только что) написал» и т. п.[26].

В закатальском и кахском диалектах азербайджанского языка в качестве присвязочной части сложной глагольной формы в очень редких случаях используется также форма на *-°баны*: *јијә ичә отурубаны турурлар*[27] «Они посиживают, едят и пьют». Производные от *-п*~*-б* формы Verba finita встречаются и в памятниках анатолийско-тюркского языка (Anadolu Türkçesi, XIII — первая половина XV вв.) и османского языка (вторая половина XV — первая треть XX вв.): *-üptür* (= *-mişdir*); *-üptürüz* (= *-mişizdir*)[28], а также *-üben*/*-uban* = *-dim*, *-mişim* — *- dir*[29].

5. Отрицательная форма деепричастий на *-(°)п*/*-(°)б*, *-(°)пан*/*-(°)бан* в памятниках рунической, древнеуйгурской, «караханидской» письменности, как сказано выше, по обычной схеме не образуется[30] и заменяется формами: 1) *-матын*/*-мадын* [форма на *-матын* в памятнике Кюль-тегину встречается один раз: *ал-матын* (КТм 8); в «Гадательной книжке» — шесть раз, пять из них образованы от основы *у-* «мочь»; в «Хуастанифте» — десять раз]; 2) *-маjын* [в памятнике Тоньюкуку — один раз: *бол-маjын* (Т 2)]; 3) *-маты* [Тоньюкук (51—52) — один раз, Моюн-чуру (15) — один раз]. В «Диване» Махмуда Кашгарского в этом же значении встречается форма *-мадын*/*-мәдін*[31].

Отрицательная форма деепричастия на *-* (°)*п*/*-*(°)*б* в виде *-ма-j-ыб*/*-мә-j-іб* используется в современных азербайджанском и турецком языках, в старом литературном крымско-татарском, половецком, караимском языках, а также в языке мариупольских греков[32]; в виде *-ма* $\frac{п}{б}$ /*-мә* $\frac{п}{б}$ она зафиксирована в староузбекском, в современном узбекском (только в составе синтетических глаголов), карачаево-балкарском языках[33].

[22] А. М. Щербак, указ. соч., стр. 58.

[23] М. Ш. Ширалиев, Об этимологии деепричастной формы на *-ыбан*, *-ибән*, *-убан*, *-үбән*, ВЯ, 1960, 3, стр. 99; М. Ширәлијев, Азәрбајчан диалектолокијасынын әсаслары, стр. 280.

[24] Б. П. Садыхов, Кедабекские говоры азербайджанского языка. Автореф. канд. диссерт., Баку, 1964, стр. 24.

[25] М. Ш. Ширалиев, Об этимологии..., стр. 99.

[26] См.: Һ. Мирзәзадә, Азәрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы, Бакы, 1962, стр. 238.

[27] М. Ш. Ширалиев, Изучение диалектов азербайджанского языка, ИАН ОЛЯ, 1947, 5, стр. 436.

[28] «Tanıklariyle tarama sözlüğü», I, Istanbul, 1943, стр. 746.

[29] Там же, II — K — Z, Ankara, 1953, стр. 946.

[30] PhTF, стр. 38, 41, 105, 129, 134.

[31] PhTF, стр. 105.

[32] Н. Ф. Катанов, указ. соч., стр. 700, 701.

[33] PhTF, стр. 152, 512, 362.

Деепричастие на *-баны, -баныӈ(н)* от отрицательных основ также не образуется.

В современных тюркских языках (как и во многих письменных памятниках, особенно в памятниках XIV и последующих веков) отрицательное деепричастие, эквивалентное по значению деепричастию на *-(°)п/-(°)б*, образуется с помощью формантов: *-мај/-мäj; -мыj/-мij; -баj/-бäj; -паj/-пäj/ ,-поj; -пīн, ~-бīн~-мīн~вīн; -ман/-мäн; -мајын/-мäjін; -мајынча/-мäjінчä; -мајн/-мäjн; -баjн/-бäjн* и некоторые другие [34].

Все приведенные форманты возводятся к двум прототипам: 1) *-мај/-мäj*< *-ма* (аффикс глагольного отрицания) + **(j)а* <* *-ъа*, причем**-ъа* — это древнее причастие, состоящее < аффикса вторичной глагольной основы *-ъ* + + аффикс древнего причастия *-а* (<? *-ан/-äн*) [35]; 2) *-мајын/-мäjін* <*-ма*— (аффикс глагольного отрицания) + *-(j)ын*<**-ъ°н* — причастие, образованное <*-ъ* — (аффикс вторичной основы) + *-(°)н* — аффикс древнего причастия [36], в котором «соединительным» гласным в зависимости от диалектных различий выступает или узкий гласный *-ы/-у* или широкий *-а/-ä* (ср.:*бара ~ бары ~ бару* — деепричастие от *бар-* «идти»; *бардам~бардым ~ бардум* «я пошел»: *барар~барыр ~ барур* «идущий»; «он идет») [37]. Аналогичную структуру имеют также аффиксы *-маты, -матын*: *-маты* <*-ма* + *-ты*— древнее деепричастие, состоящее <*-т* — аффикс вторичной глагольной основы + *-ы*(<**-а*)—аффикс древнего деепричастия; *-матын* <*-ма*+*-тын*, где *-т* — аффикс вторичной глагольной основы + *-(°)н* — аффикс древнего деепричастия. Современная турецкая форма на *-мадан* (<*-ма-д-ан*) отличается от *-матын* только огласовкой деепричастного аффикса: *-ан~ -ын* [38]. Таким образом, с известной долей вероятия можно сказать, что оба варианта отрицательной формы состоят из аффикса глагольного отрицания *-ма* + аффикс деепричастия *- ъ°н*>*-(j°)н*>*-j(°)*.

6. Значение деепричастия на *-(°) пан/-(°)пäн* в руническ их памятниках, как оно выявляется при сопоставлении этой формы с формой на *-(°)п*, не может считаться пока твердо установленным.

В. В. Радлов убежденно говорит об одинаковом значении обеих форм [39]; В. Томсен и П. М. Мелиоранский одинаково переводят обе формы [40]; одинаково переводил их и персидский тюрколог XVIII в. Мирза Махди-хан в своей грамматике, составленной по произведениям Навои (1441—1501) [41].

К. Броккельман, изучая язык произведений анатолийских поэтов XIII — XV вв., заметил, что дошедшие до нас списки их произведений ясно показывают, что для писателей XVI — XVII вв. формы на *-бан, -баны,*

[34] Н. Ф. Катанов, указ. соч., стр. 698—701; PhTF, стр. 800 (морфологический индекс).

[35] См.: Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание. Морфология, М., 1957, стр. 108.

[36] См. там же, стр. 136.

[37] См.: А. М. Щербак, «Деепричастие» на *-а ~ -ä(-j)* в тюркских языках, «Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова», М.— Л., 1960, стр. 229; его же, О тюркском вокализме, «Тюркологические исследования», М.— Л., 1963, стр. 33—34.

[38] О других точках зрения на состав аффиксов *-маты, -матын, -мадын, -мадан* см.: W. Radloff, Ujgurische Sprachdenkmäler. Materialen nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben, Leningrad, 1928, стр. 226—229; ПДТП, стр. 71, 72; M. Räsänen, Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, Helsinki, 1957 («Studia orientalia», XXI), стр. 193.

[39] См.: W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, СПб., 1897, стр. 123, а также стр. 93.

[40] V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, Helsingfors, 1896, стр. 24; П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль Тегина, СПб., 1899, стр. 30.

[41] См.: K. H. Menges, Das Qaγatajische in der persischen Darstellung von Mīrzā Mahdī Xān, Wiesbaden, 1957 [«Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse (der Akademie der Wissenschaften und Literatur)», Jg. 1956, 9], стр. 702 (80).

-баныӊ — совершеннейшие синонимы[42]. По мнению С. Е. Малова, деепричастие на *-пан* «семантически не отличается» от деепричастия на *-п*[43]; этой же точки зрения придерживается и А. Габен[44].

О. Прицак форму на *-п* называет «Converbium Perfecti», форму на *-пан*— «Converbium Plusquamperfecti (nur in den *n*-Sprache)»[45], не приводя, однако, никаких доказательств в подтверждение своей точки зрения. Ряд важных наблюдений сделала Саадет Чагатай, показав, что деепричастие на *-°бан* отличается от деепричастия на *-°б* следующими особенностями: 1) оно не используется в качестве присвязочной части Verba finita (ср., однако, приведенную выше азербайджанскую форму типа: *отурубаны турурлар*); 2) не употребляется в удвоенном виде; 3) не употребляется одна форма на *-бан* вслед другой; 4) отрицательная форма встречается редко (или вовсе не употребляется — см. об этом выше, стр. 103); 5) деепричастие на *-°бан* имеет ц е л е в о е значение[46].

Форма на *-бан* имеет, как показывают многочисленные примеры из разных памятников и современных диалектов азербайджанского и турецкого языков, не только (и не столько) ц е л е в о е значение, но, главным образом, в р е м е н н о е значение. Кроме того, следует добавить: деепричастие на *-°пан*,*-(°)бан*, *-(°)баны*, *-(°)баныӊ(н)* в отличие от деепричастия на *-(°)б* не сочетается с аффиксом *-рақ/-рäк* и с частицами *оқ*, *гина*.

Х. Мирзазаде, основываясь на данных азербайджанского языка (его истории и современного состояния), замечает, что значение формы на *ибəн* полностью соответствует значению, выражаемому формой на *-иб*[47]. Ахмед Джафероглу приходит к выводу, что деепричастие на *-убан* в азербайджанских диалектах и старом письменном языке употребляется вместо несуществующего в них деепричастия на *-арак/-ерек*, а иногда — вместо *-ікäн*[48]. По мнению Мухаррема Эргина, деепричастия на *-убан*, *-убаны*, *-убаныӊ* функционально ничем не отличались от деепричастий на *-(j)арақ* и по мере расширения сферы употребления этого последнего деепричастия форма на *-убан*, *-убаны*,*-убаныӊ* постепенно перестала употребляться[49] (имеется в виду письменный язык).

В качестве эквивалентов форм на *-üben/-übeni/-übenün*, встречающихся в памятниках анатолийско-тюркского языка (Anadolu Türkçesi), начиная с XII—XIV вв., приводятся деепричастия на *-ерек/-arak*[50], *-ip*, *-erek/-arak*[51].

[42] C. B r o c k e l m a n n, Altosmanische Studien I. Die Sprache Āšyq-pāšās und Aḥmedīs, ZDMG, 73, 1919, стр. 20.

[43] ПДТП, стр. 48. См. также: В. Г. К о н д р а т ь е в, Материалы к характеристике деепричастий и формы на *-дуқ* в языке памятников тюркской рунической письменности, «Уч. зап. [ЛГУ]», Серия востоковедческих наук, 15 — Языки народов Востока, 1961, стр. 127—128; Д. М. Н а с и л о в, Енисей ва Ўрхун ёзма ёдгорликларидаги равишдош категорияси, «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1961, 1, стр. 50.

[44] A. v o n G a b a i n, Alttürkische Grammatik, стр. 180.

[45] O. P r i t s a k, Das Alttürkische, в кн. «Handbuch der Orientalistik», V — Altaistik, 1. Abschnitt — Turkologie, Leiden — Köln, 1963, стр. 44. Семантическое различие в указанных деепричастиях предполагает В. М. Насилов, см. его «Язык орхоно-енисейских памятников» (М., 1960, стр. 49) и «Древнеуйгурский язык» (М., 1963, стр. 50—51).

[46] S. Ç a g a t a y, Eski Osmanlica'da fiil müştaklarından. III — Gerundifler, «Ankara üniversitesi. Dil ve tarih-coğrafya fakültesi dergisi», VI, 1—2, 1947, стр. 31.

[47] h. М и р з ə з а д ə, Азəрбајҹан дилинин тарих морфолокијасы, стр. 284.

[48] A. C a f e r o ğ l u, Azerî türkçesinde *-uban/-üben* eki, «Jean Deny armağanı», Ankara, 1958, стр. 62, 66.

[49] M. E r g i n, Türk dil bilgisi, İstanbul, 1962, стр. 327. Того же мнения придерживается З. Коркмаз: см. в кн.: Z. K o r k m a z, S. O l c a y, Fuzulî'nin dili hakkında notlar, Ankara, 1956, стр. 27.

[50] «Tanıklariyle tarama sözlüğü», I, İstanbul, 1943, стр. 740.

[51] Там же, II — Ankara, 1953, стр. 946; III — Ankara, 1954, стр. 726; IV — Ankara, 1957, стр. 800.

Приведенные выше мнения о значении форм на *-n*~*-б* и *-бан*, *-баны*, *-баныӈ(н)* и мои собственные наблюдения убеждают, что перед нами грамматические синонимы, порою (например, в рунических текстах) приближающиеся к дублетам.

7. О составе деепричастного показателя *-(°)n* ~ *-(°)б* впервые, насколько мне известно, высказался В. Шотт, который, говоря о полной редукции у ряда аффиксов начального согласного *q*, *gh*, *k*, *g*, привел пример: *atlad-qip* (Gerundium) «reiten lassend» вместо *atlad-ip* [52], из чего можно заключить, что он выводил *-ip* < *-qip*, не объясняя, однако, что такое *-qip*. Далее, говоря о маньчжурском Substantiva abstracta на *-bun*, *-fun*, Шотт перекидывает мост к тюркскому деепричастию на *-b*, *-p*, напоминая, что эта форма в сочетании с личными местоимениями образует одну из форм Verba finita: *bulup-man*. Подобное использование этой формы,— пишет Шотт,— дает основание заключить, что *-p* имеет также партиципиальное (причастное) значение («dass *p* auch participiale Bedeutung hatte»); Шотт сближает его с партиципом маньчжурского языка, оканчивающимся на *-fi*, который можно тоже сопоставить с венгерским причастием (Mittelwörter) на *-va(ve)*, *-van(ven)* [53].

По Казем-Беку, деепричастие на *-б* «в тюркском языке принимает в конце *-н*, *-ан*, и тем выражает полное совершение прошедшего действия» [54]. По В. В. Радлову, *-пан/-пән* < *-п* + *н* (точно так же, как союзное слово *mäjін* < *mäjÿ* + *-н* — здесь, вероятно, опечатка, следует: *mä-jÿн*); о значении *-н* здесь ничего не сказано, но в другом месте *mäjін* объясняется как деепричастие на *-jін* от глагола *mä-* «говорить» [55]. Первая попытка объяснить состав деепричастия на *-пан/-бан* с привлечением материала монгольских языков была сделана Ф. Е. Коршем, по мнению которого «окончание *-убан*, *-ÿбäн* сложено из окончания *-у*, *-ÿ* и сохранившейся в монгольском языке наставки прош. вр. *-ба*, *-бä* с прибавочным *н*, как в послелоге *табан* „к“ при *таба* (орх. *тапа* „против“)...» [56]. Эта плодотворная (в части сопоставления с аффиксом монгольского прошедшего времени) мысль, к сожалению, не получила у Корша своего дальнейшего развития.

В. Котвич усматривает суффикс *-p*, *-b* в составе показателей: 1) тюркского деепричастия прошедшего времени *-p(b)*; 2) маньчжурского деепричастия прошедшего времени *-fi*, *-pi* (редко); 3) монгольского перфекта изъявительного наклонения *-ba* [57] (ср. с гипотезами В. Шотта и Ф. Е. Корша).

По В. Бангу, *-pan* есть аллатив (ранее он же эту форму объяснял как инструменталис) на *-an* от деепричастия на *-p* [58]. С. Е. Малов видит в форме на *-пан/-пäн* деепричастие на *-п* «с наращением *-ан* или *-äн*» [59].

К. Броккельман, говоря об аффиксе *-an* (<*-γan*), замечает: это — тот же аффикс, что содержится и в составе так наз. Kopulativ'a типа *oquban* [60]. В предполагаемом окончании род. падежа (*-ban-иӈ*) можно, по его

---

[52] W. Schott, Versuch über die tatarischen Sprachen, Berlin, 1836, стр. 32.
[53] Там же, стр. 45.
[54] А. Казем-Бек, Общая грамматика турецко-татарского языка, Казань, 1846, стр. 267.
[55] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 125 и 94.
[56] Ф. Корш, По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» (отд. отт. из ИОРЯС, XI, кн. 1, 1906), стр. 15, примеч. 3.
[57] W. Kotwicz, Studia nad językami ałtajskimi, RO, XVI (1950), 1953, стр. 43.
[58] W. Bang, Vom Köktürkischen zum Osmanischen, I, Berlin, 1917, § 54—55.
[59] ПДТП, стр. 48.
[60] C. Brockelmann, Zur Grammatik des Osmanische-Türkischen, ZDMG, 70, 1916, стр. 199.

мнению, видеть аффикс адессива, существование которого в тюркских языках допускал В. Банг [61]. Что касается предполагаемого окончания вин. падежа в форме *-ban-y*, то оно, по гипотезе Броккельмана, могло возникнуть путем диссимиляции, как это случилось с аффиксом род. падежа *-ni* < *-niñ* [62].

К. Х. Менгес форму на *-p* называет Gerundium syndeticum и сопоставляет ее с маньчжурской формой на *-fi/-pi* и с эвенкской и ламутской формами на *-my/-mi*, *-mȳ/-mī*; форма на *-pan*, по его мнению, <*-p* + *an* [ein Instrumental (?) suffix] [63].

По мнению Тахсина Бангуоглу, встречающаяся в османских памятниках форма на *-ubanın* наилучшим образом объясняется как инструменталис от формы *-uban*; что касается форм на *-ubanı* и *-ubanıñ*, то, по предположению Т. Бангуоглу, первая из них могла возникнуть в результате падения носового согласного, а вторая — как следствие неправильного соотнесения ее с личным окончанием 2-го лица или с род. падежом [64].

Ахмед Джафероглу объясняет *-pan/-pen* как инструменталис на *-an/-en* от деепричастия на *-p* [65].

Н. А. Баскаков предложил следующую гипотезу: «Исторически деепричастие на *-ып/-ип*, *-п* восходит к именам действия или причастиям, что особенно подчеркивается в сочетаниях этой формы деепричастия с переходными (определяемыми) глаголами» [66]. Несколькими строками ниже Н. А. Баскаков высказал новое — как мне представляется, отменяющее его первую гипотезу — предположение: «Формант *-ып/-ип*, *-п* по аналогии с первым компонентом в редупликации прилагательных типа *къап-къара* „черным-черный"; *къып-къызыл* „красным-красный" мог также исторически представлять собой своего рода фонетическое средство сочетания слов с одинаковой грамматической формой, т. е. *къып-къызыл* (< *къызыл-къызыл*), с одной стороны, и *алып келди* (< *алды-келди*),— с другой» [67]. Эта же идея годом позже была высказана Ж. Дени [68].

Формы *-uban*, *-ubanı*, *-ubanın*, по Ж. Дени, < *-(y)up* + род. падеж лично-указательного местоимения *ol*, которое ранее («quand le verbe était logiquement à la 3-me personne du singulier») присоединялось к деепричастию для большей ясности («pour plus de précision») [69]. Однако следует заметить, что подкрепить примерами это положение не представляется возможным.

Б. А. Серебренников, анализируя состав чувашского инструменталиса на *-ba* (который обычно выводят из послелога *bilen* < *birlen*), возводит его (без подтверждения примерами или ссылками на литературу) к аффиксу древнего комитатива-инструменталиса на *-p*, *-b*. Обоснованию данной гипотезы служит, по мнению автора, уцелевший реликт этого древнего падежа — деепричастие на *-yp*, *-ip*(*-p*)[70]. Это предположение, интересное

[61] См.: W. Bang, указ. соч., § 57.

[62] C. Brockelmann, Altosmanische Studien, I, стр. 20; см. еще: его же, Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens, 4. Lief., Leiden, 1952, стр. 242—243.

[63] K. H. Menges, Das Čaγatajische in der persischen Darstellung von Mīrzā Mahdī Xān, стр. 701 (79).

[64] T. Banguoğlu, Altosmanische Sprachstudien zu Süheyl-ü Nevbahar, Breslau — Leipzig, 1938, § 213.

[65] A. Caferoğlu, Türk dili tarihi. I, İstanbul, 1958, стр. 132.

[66] Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, II, М., 1952, стр. 461.

[67] Там же, стр. 461—462.

[68] J. Deny, Le gérondif de liaison *-(y)üp*, «60. doğum yılı münasebetiyle Fuad Köprülü armağanı», İstanbul, 1953, стр. 126.

[69] Там же, стр. 126.

[70] B. A. Serebrennikov, Über tschuwaschische Themen, «Acta orient. Hung.», XVII, 2, 1964, стр. 133—134.

само по себе, нуждается в соответствующей аргументации.

М. Ш. Ширалиев выводит аффикс *-ыбан* < *-ыфдан* (форма, зарегистрированная в газахском диалекте азербайджанского языка) < *-ыф* (= *-ыб*) + *-дан* ~ *-нан* (аффикс исходного падежа)[71]. Использование формы исходного падежа от деепричастия на *-°б* — явление, вероятно, позднее, возникшее из необходимости подчеркнуть причинно-временное значение этого деепричастия (см. об этом выше).

А. М. Щербак вносит новый момент в анализ деепричастия на *-°бан*, рассматривая его как форму древнего орудного падежа (т. е. инструменталиса) от деепричастия — исторически отглагольного имени — на *-(ï)n* ~ *-(i)n*[72]; мысль о происхождении этого деепричастия от отглагольного имени[73], однако, не развита и остается неясным, на чем она основана. Деепричастие на *-°панын/-°пänін*, по А. М. Щербаку, в свою очередь представляет собой форму орудного падежа от деепричастия на *-°пан/- пän*[74]. По мнению Г. Г. Мусабаева, *-n*, *-пан/-бан* < личного местоимения *бен* ~ *мен*[75].

Д. Синор, развивая и уточняя свою ранее сформулированную гипотезу о происхождении формы на *-pan*, *-pän*[76], сопоставляет старотюркское причастие (ранее: «un nom verbal en *-p*») на *-pan*, *-pän* с венгерским причастием на *-ván*, *-vén* (ср. с гипотезой В. Шотта, стр. 106); обе названные формы, по его мнению, состоят из причастия на *-p* (> венг. *-v*) + соединительный гласный + локативный суффикс *-n*[77]. В этом предположении есть два важных момента: 1) формы на *-p/-pan*, *-pän* трактуются как причастие (un participe); 2) морфема *-n* трактуется как суффикс локатива.

Последняя по времени этимология интересующей нас формы предложена О. Прицаком, по мнению которого «наряду с деепричастием (Converbium) на *-p*, *-pan* было также и причастие (Participium) на *-b*, *-ban*... В старокыпчакском и османском языках причастие на *-b* явилось основой претерита. Затем в этом суффиксе фонологическое противопоставление глухой (fortis) : звонкий (lenis) [*p* — *b*.— *A. K.*] нейтрализовалось, и обе формы, деепричастие на *-p* и причастие на *-b*, „фонетически“ совпали в „смешанной“ фонеме *P(p/b)*. ...Старое причастие на *-ban* (ср. монг. претерит на *-ba/-baį*),— продолжает О. Прицак,— ...сохранилось в старосмановском языке, где эта форма используется в различных падежах — неопред. падеж: *-ban*; род. падеж: *-ban-uŋ*; вин. падеж: *-ban-ï*; инструмент. падеж: *-ban-ïn*»[78]. Вопрос о *n* — *б* в ауслауте—проблема весьма сложная; утверждение О. Прицака, что аффикс с начальным звонким согласным был деепричастием, а с глухим — причастием[79], не подкреплено примера-

---

[71] М. Ш. Ширалиев, Об этимологии..., стр. 98—99. См. еще: его же, Западная группа диалектов и говоров азербайджанского языка, ВЯ, 1961, 2, стр. 152.

[72] А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, М.— Л., 1962, стр. 173.

[73] Ср.: D. Sinor, D'un morphème particulièrement répandu dans les langues ouralo-altaïques, «T'oung Pao», XXXVII, Livr. 4, 1944, стр. 150.

[74] А. М. Щербак, Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, стр. 160.

[75] Г. Г. Мусабаев, Лексика современного казахского языка. Автореф. докт диссерт., Алма-Ата, 1960, стр. 6—7.

[76] См.: D. Sinor, указ. соч., стр. 150.

[77] D. Sinor, Un suffix de lieu ouralo-altaique, «Acta orient. Hung.», XII, 1—3, 1961, стр. 177.

[78] O. Pritsak, Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen, UAJ, XXXIII, 1—2, 1961, стр. 143, примеч. 2. Ср. с гипотезой Броккельмана (см выше).

[79] Термины «деепричастие», «причастие» неизбежно уводят в привычный — со школьной скамьи — мир грамматических представлений, которые ведут к отожествлению неотожествляемого. Нейтральный термин — имя результата дей-

ми (и, видимо, не может быть подкреплен!). Не приведено также доказательств в подтверждение предположения, что «развитые» формы деепричастия на *-бан* (*-бан-ың*, *-бан-ы*, *-бан-ын*) являются формами названных выше падежей от *-бан*; если бы это было так, как предполагает О. Прицак, то форма на *-бан* должна была бы выступать в функции д о п о л н е н и я, чего нельзя подтвердить ссылками на тексты, а в примере, приведенном О. Прицаком: *pir dädi bil-ibänün ahwālīnī* нельзя усмотреть конструкцию изафета (*bil-ibänün ahwālīnī*), как это делает О. Прицак.

Много внимания интересующей нас деепричастной форме (на материале тюркских, монгольских и тунгусских языков) уделял Г. И. Рамстедт, который возводил ее к алтайскому суффиксу прошедшего совершенного времени *-*ba ~ *-bi* (ср. с гипотезой Ф. Е. Корша!). Этот формант в тюркских языках содержится в деепричастии «совершенного вида» на *-р(-ур, -ир)*; *-рун*, *-ран(-уран*, *-иран)* — последняя форма, по его мнению, «вероятно, представляет собой окончание инструктивного падежа; ...вариант *-рунаŋ* (койб., тофаларск.) должен быть возведен либо к слову *бунаŋ* «с, посредством» (< *bilän* < *birlän*) в сочетании с окончанием *-р*, либо к форме исходного падежа *-*рун-дан*[80]. К указанному выше суффиксу Рамстедт возводит монгольское прошедшее совершенное время на *-bai*, *-bei*, *-ba*, *-be*, а также герундий южно-тунгусской группы языков «на *-pi*, где *-i* мог первоначально относиться к окончанию, но в такой же степени мог представлять собой и *-i* инструментального падежа»[81]. М. Рясянен считает возможным сопоставлять деепричастие на *-р/-b* с финно-угорскими причастиями настоящего времени на *-ра*, *-рӓ*[82]; что касается морфемы на *-an* в составе *-ран*, то Рясенен — в очень осторожной форме — сопоставляет ее с деепричастием на *-(а)n/-(ӓ)n*[83], уклоняясь от дальнейших объяснений.

О. П. Суник замечает, что приведенные реконструкции Рамстедта «не убедительны даже в чисто фонетическом отношении, не говоря уже об их грамматической шаткости»[84]. Тунгусо-маньчжурские деепричастия на *-фи ~ -пи*, *-фэ̄и*, *-пи/-пари*, *-пи/-писса*,— замечает О. П. Суник,— «по всей видимости находятся в генетической связи с... деепричастными окончаниями *-мэ*, *-маи*, *-ми/-мари...*»[85]. И далее: «Исходя из мысли о генетической общности деепричастий на *-мӣ* и т. д. и на *-пи* и т. д., придется признать, что и формы на *-фэ̄и*, *-фи*, *-пи/-пари*, *-пи/-писса* восходят подобно формам на *-мэи*, *-мэ*, *-мӣ*, *-ми/-мари*, в конечном счете к глаголу *бӣ* < **бар* < **ба-ри* „быть“»[86]. Итак, по Рамстедту, окончания *-фи*, *-пи*; *-мэ*, *-ми*... восходят к алтайскому суффиксу прошедшего времени **-ба ~ *-би*, а по Сунику — к глаголу *би* < **бар* < **ба-ри* «быть»; таким образом, эти две точки зрения не только сближаются, но и совпадают, если допустить, как это делает О. П. Суник, что формант прошедшего совершенного времени **-ба ~ -*би* восходит к глаголу *би* < **ба* < **ба-ри* «быть», что выглядит весьма правдоподобно.

ствия или имя совершенного действия (см.: О. П. Суник Глагол в тунгусо-маньчжурских языках, М.— Л., 1962, стр. 290) — наиболее полно соответствует истинной природе и функции подобных глагольных форм (в дальнейшем изложении, пользуясь для краткости терминами «причастие», «деепричастие», будем иметь в виду сказанное выше).

[80] Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, стр. 122.

[81] Там же, стр. 123; см. также: G. J. Ramstedt, Studies in Korean etymology, стр. 22—23.

[82] M. Räsänen, Materialien zur Morphologie..., стр. 191.

[83] Там же, стр. 187.

[84] О. П. Суник, указ. соч., стр. 287.

[85] Там же, стр. 281.

[86] Там же, стр. 284; см. еще стр. 276, 286. О гипотезах В. Банга, Т. И. Петровой, В. А. Аврорина см. стр. 268—280; гипотеза В. И. Цинциус разобрана на стр. 285—287.

Нет никаких сомнений, что тюркское деепричастие на -(°)*п* ~ -(°)*б* генетически связано с названными выше тунгусо-маньчжурскими формами.

Тюркская форма на *-пан* ~ *-бан* может быть сопоставлена с тунгусской формой на *-мнин*, *-ммин* < *-м* (< **-мӣ* < **-бӣ*) + *-нин* (< **-ни-н*), где *-нин*, «по-видимому, представляет собой сочетание ассимилированных формантов аориста 3-го лица» [87].

С тунгусской формой на *-мнин*, *-ммин* можно, по-видимому, сопоставить корейское условно-временное деепричастие на *-м′өн* < *-м′ө* + *-н*(*ын*), где *-м′ө* < *-м* (аффикс глагольного имени) + деепричастие прошедшего времени от глагола *ида* «быть» [88]. Г. Рамстедт, к сожалению, не объясняет состава окончания *-н* (< *-ныи*); решая этот вопрос по аналогии с гипотезой О. П. Суника, по мнению которого тунгусо-маньчжурский суффикс *-нин* является ассимилированным формантом аориста 3-го лица (см. выше), можно предположить, что и корейский формант *-ныи* в составе этого деепричастия совпадает с показателем корейского причастия настоящего времени на *-нан*, *-ныи* [89].

В монгольских языках известно условное (точнее: условно-временное) деепричастие на *-бал* [90], очень близкое по функциям и значению к тюркскому деепричастию на *-бан*; монг. *-бал* < **-ба* (аффикс перфектного претерита) + *-л* (показатель «условности», достоверной этимологии которого пока нет [91]).

Тюркское деепричастие на *-бан*, как указывают все исследователи, <**-ба* + *-н* или < **-б* + *-ан*.

Морфема *-б*° [92] (~ *-п*°, *-м*° ...) в названном тюркском и монгольском деепричастии, равно как и в соответствующих деепричастных формах тунгусо-маньчжурских языков, вероятно, восходит к общеалтайскому глаголу *б*°- (= тюрк.-монг. глаголу *бол-* < **бо-* + *-л-*) «быть; делаться; становиться».

Морфема -(°)*н* (в составе аффикса *-бан*), функционально-семантически равнозначная монгольской морфеме *-л* (в составе аффикса *-бал*) [93], является древним причастием (> деепричастием), известным в тюркских (форма на *-н* продуктивна в якутском и чувашском языках), монгольских и корейском языках [94]; в тунгусо-маньчжурских языках есть а б с т р а к т н о е и м я д е й с т в и я на *-н*.

Следовательно, причастие (> деепричастие), имя действия на -(°)*н* является общим достоянием всех алтайских языков, которое обнаруживается также и в продуктивном (в кыпчакской и карлукской группах) тюркском причастии на *-қ*°*н*[95]/*-к*°*н*, *-б*°*н*/*-г*°*н* < аффикса вторичной глагольной основы **-қ*/*-к*/*-б*/*-г* + показатель причастия на -(°)*н*.

8. Приведенные данные алтайских языков позволяют сделать следующий вывод: аффикс *-бан* является показателем имени результата действия ~ имени совершенного действия (причастия > деепричастия) и восходит к глаголу «быть; делаться; становиться», каковым был — в доступном нашему обозрению отрезке истории тюркских языков — и

---

[87] О. П. С у н и к, указ. соч., стр. 278; см. еще стр. 272—273.
[88] Г. Р а м с т е д т, Грамматика корейского языка, М., 1951, § 200.
[89] Там же, § 134.
[90] Г. Д. С а н ж е е в, Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол, М., 1963, стр. 240—242, 145—152; «Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология», М., 1962, стр. 286.
[91] См.: Г. Д. С а н ж е е в, указ. соч., стр. 151.
[92] Здесь о — гласный любого качества.
[93] Привлекает внимание здесь соответствие тюрк. *н* : монг. *л*.
[94] Г. И. Р а м с т е д т, Введение в алтайское языкознание, § 56.
[95] о — гласный любого качества.

остается глагол *пол- ~ бол-* < **по- ~ *бо-* + *-л*. Во время образования формы на *-пан ~ -бан* этот глагол не имел в своем составе явно вторичного форманта *-л-* (аффикс вторичной глагольной основы, функционально соответствующий современным залоговым формам) или же этот вторичный формант *-л-* в позиции между двумя гласными выпал [96]: *пол- ~ бол-* + *-°н* > **-пāн ~ *-бāн ~ -пан ~ -бан*. Эта реконструкция подтверждается общностью состава аналогичных форм тунгусо-маньчжурских и корейского языков, показатели которых также восходят к «причастиям» от глагола «быть» (см. выше).

Превращение образованной от глагола *по(л)- ~ бо(л)*-формы **по(л)- ~ бо(л)* + *-°н* — имя результата действия ~ имя совершенного действия — в аффикс *-пан ~ -бан* можно представить следующим образом: глагол *бо(л)-* выступал (как выступает и теперь) вторым компонентом сложного глагола, состоящего из деепричастий на *-(j)a/-(j)ä ~ -(j)i/-(j)ы/-(j)y/-(j)ÿ* + **бо(л)-* + *-°н*; например: **ал-а/-ы* + **бо(л)-* + *-°н* > *ал-а/-ы* + *-бан* «взяв»; *оқу-ja/-jы* + *бо(л)-* + *-°н* > *оқу-ja/-jy* + *-бан* «(про)-читав».

Глагол *бол-* в памятниках тюркской письменности и в современных языках в сочетании с деепричастиями на *-а/-ы*, *-(°)п ~ -(°)б* выступает как модально-вспомогательный глагол, осложняющий лексическое значение первого компонента (деепричастия) значениями возможности-невозможности совершения действия (при деепричастии на *-а/-ы*) или полного завершения действия [при деепричастии на *-(°)п ~ -(°)б*]. Этот же глагол в форме на *-(°)пан ~ -(°)бан* в сочетании с деепричастием на *-а/-ы* — по значению формы на *-(°)пан ~ -(°)бан* (это, как сказано выше, имя результата действия) — сообщает исходной форме (первому компоненту) условно-временное значение.

9. В истории и в современном состоянии тюркских языков реконструируемая форма представлена в трех видах: 1) *-п ~ -б*; 2) *-°п ~ -°б*; 3) *-j°п ~ -j°б*. Исходной формой — на основании изложенного выше (§ 8) — является форма *-j°п ~ -j°б* (< *-j°* — деепричастие + *-п ~ -б* < *-пан ~ -бан*), сохранившаяся в азербайджанском и турецком языках. Постоянная грамматикализация разрушала исконную связь (деепричастие + *пол- ~ бол-*); в результате заднеязычный звонкий спирант *j* редуцировался и выпал; произошло фонетическое преобразование аффикса: аффикс с начальным гласным *-°п ~ -°б* стал присоединяться к согласным основам, аффикс *-п ~ -б* — к гласным основам.

10. Реконструируемая форма с течением времени претерпела следующие фонетические изменения: 1) *-(j)°пан ~ -(j)°бан* > *-(°)пан ~ -(°)бан* > *-(j°)п ~ -(j°)б*. Падение конечного сочетания гласный + согласный *-н* известно всем алтайским языкам [97]; 2) *-(j)°бан* + аффикс инструменталиса (или аффикс инструктивного падежа) *-ын* > *-(j°)банын* — в результате утраты конечного *-н-* > *-(j°)баны*; 3) *-(j)°бан* + *-ың*; происхождение аффикса *-ың* неясно; ср.: карагасский аффикс *-пынаң* < *-пын*(*-°пан*) + аффикс исходного падежа *-даң* или *-пынаң* < *-п* + *бынаң* «с; посредством» [98].

---

[96] О выпадении *-л-* между гласными см.: М. Рясянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 182—183.

[97] См.: W. Radloff, Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882, § 295; G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre, Helsinki, 1957, § 73.

[98] Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, § 65.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1965

М. А. КУМАХОВ

ДИСТРИБУТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Исследование полисинтетических языков невозможно без предварительного дистрибутивного анализа структуры слова в этих языках ввиду того, что полисинтетический комплекс представляет собой сложную стратификацию морфем в пределах слова. В абхазо-адыгских языках, характерных представителях языков полисинтетического типа, полисинтетизм особенно наглядно проявляется в области глагола, который имеет исключительно сложную структуру и отличается высокой степенью синтеза. Описание глагола абхазо-адыгских языков в терминах традиционной лингвистики не дает полного представления о структуре данного класса слов, так как при этом остаются невыясненными основные модели аранжировки и принципы сочетаемости глагольных морфем. Сама процедура анализа глагольной системы, как увидим ниже, проводится без соблюдения последовательности, которая была бы основана на принципе иерархии конститутивных элементов глагола. В предлагаемой статье сделана попытка дать дистрибутивную классификацию глагольных деривационных морфем полисинтетического комплекса в адыгских языках; предложенная классификация приложима и к другим абхазо-адыгским языкам, поскольку основные структурные типы слова в этих языках совпадают.

Как уже отмечалось в литературе, индивидуальность морфем делает затруднительным экономно сформулировать правила всех возможных способов их сочетания[1]. Однако многие морфемы обладают либо сходными, либо тождественными окружениями, создающими основные модели того или иного парадигматического класса слов, а это позволяет четко сгруппировать морфемы в отдельные классы.

В существующих грамматиках абхазо-адыгских языков рассматриваются в основном ряды (расположение) положительных личных аффиксов. Что касается других морфем, включая и многочисленные аффиксы основообразования, то они не подвергаются анализу с точки зрения их расположения в слове. Тем самым, проникновение в структуру адыгского глагола оказывается невозможным, равно как и выведение основных правил порядка следования аффиксов основообразования и формообразования в пределах глагола. Это усугубляется еще и тем, что составители грамматик ограничиваются описанием одной из алломорф каждой глагольной морфемы, между тем как многие морфемы имеют ряд позиционно обусловленных алломорф[2].

Структура глагола в целом определяется дистрибуцией морфем — как образующих его основу, так и составляющих его парадигматику. Глагольная словоформа может состоять из одной положительной морфемы, например адыг., кабард. *шIы* «делай!»[3], число морфем, используемых в пределах одной глагольной словоформы, может быть и очень большим. Например: кабард. *у-а-къы-ды-д-е-з-гъэ-шы-жы-ф-а-тэ-къым-и* «так как я не смог тогда заставить его вывести тебя с ним обратно сюда», где: 1) *у-* — личный префикс объекта 2-го лица ед. числа, 2) *-а-* — личный префикс косвенного объекта 3-го лица мн. числа, 3) *-къы-* — преверб «сюда», 4) *-ды-* — префикс союзности, 5) *-д-* — преверб «из», 6) *-е-* — личный префикс прямого объекта 3-го лица ед. числа, 7) *-з-* —

[1] См.: Z. S. Harris, Co-occurrence and transformation in linguistic structure, «Language», 33, 3 (pt.1), 1957.

[2] Описание фономорфологических условий чередований алломорф глагольных деривационных морфем составляет предмет отдельного исследования. Ниже в таблицах дается лишь по одной из вариантных форм, которая условно считается основной.

[3] В этой статье используется транскрипция, основанная на практических алфавитах адыгских языков. Некоторые расхождения между этой транскрипцией и практическим письмом сводятся к следующему: свистяще-шипящие спиранты обозначаются буквами *жъ*, *шъ*, *шI*, как в адыгейской письменности. В кабардинской письменности эти фонемы обозначаются буквами *жь*, *щ*, *щI*. Для обозначения общеадыгского мягкого глухого шипящего спиранта и адыгейской мягкой шипящей абруптивной аффрикаты используются соответственно буквы *шь*, *чI* вместо *щ*, *кI*.

личный префикс объекта 1-го лица ед. числа, 8) *-гъэ-* — каузативный префикс, 9) *-шы-* — корневая морфема «вести», 10) *-жы-* — суффикс возвратного действия, 11) *-ф-* — суффикс возможности действия, 12) *-а-* — суффикс прошедшего времени, 13) *-тэ-* — суффикс со значением «тогда», 14) *-къым-* — суффикс отрицания, 15) *-и* — суффикс со значением «ведь; же».

Как видно, с корневой морфемой *шы* «вести» одновременно сочетаются четырнадцать аффиксальных морфем. Если бы эти четырнадцать аффиксальных морфем имели свободное расположение в глаголе, то посредством их невозможно было бы выразить никаких грамматических отношений. Все пятнадцать морфем (четырнадцать аффиксальных и одна корневая) образуют значимое целое благодаря тому, что они распределяются в определенном, строго фиксированном порядке.

Хотя лингвистический анализ основообразования глагола невозможен в полном отрыве от его парадигматики (формообразования), основообразующие морфемы могут рассматриваться отдельно, благодаря тому что они имеют свою совершенно определенную специфику. Так, аранжировка личных аффиксов в глаголе меняется в зависимости от его переходности, тогда как расположение аффиксов основообразования остается устойчивым в переходных и непереходных глаголах. Ср. кабард. *ды-хэ-чIы-н* «выходить вместе с кем-либо», *ды-хэ-дзы-н* «выбросить с кем-либо» и *сы-в-ды-хэ-чI-а-шъ* «я вышел вместе с вами», *в-ды-хэ-з-дз-а-шъ* «я совместно с вами выбросил что-то из чего-то». Кроме того, оказывается, что появление в парадигме тех или иных морфем словоизменения обусловлено морфемным строением основы. Например, субъект 3-го лица ед. числа выражается положительной морфемой (*мэ-*) в простых непереходных глаголах и нулевой морфемой — в производных непереходных глаголах, образованных с помощью локативных или направительных превербов, ср. адыг. *ма-чъэ* «он бежит», *къа-чъэ* «он сюда (*къа-*) бежит». Поэтому при анализе глагола целесообразно рассматривать деривационные морфемы и словоизменительные морфемы по отдельности.

Основа глагола, как и словоформа, может быть одноморфемной и многоморфемной. Основообразующие аффиксы в глаголе располагаются в строгой последовательности, будучи ограничены с точки зрения дистрибуции (хотя и образуют чрезвычайно разнообразные комбинации в сочетании с корневой морфемой). Ограничения, касающиеся дистрибуции морфем, входящих в глагольную основу, в сущности и создают структуру последней.

При описании структуры основы адыгского глагола необходимо прежде всего установить ограничения, связанные с порядком расположения морфем, составляющих производную основу. С этой целью глагольные деривационные морфемы классифицируются по группам, причем отдельно — префиксы и суффиксы основообразования. Каждая группа префиксов или суффиксов имеет присущий ей порядок расположения в последовательности морфем, образующих основу глагола.

Морфемы одного порядка являются взаимоисключающими; если в парадигме слова появляются два морфемных элемента, которые в других парадигмах являются взаимоисключающими (однопорядковыми), то это означает, что в определенных условиях эти морфемные элементы со структурно-функциональной точки зрения составляют одну, хотя этимологически и производную, морфему. Так, взаимоисключающие, однопорядковые локальные превербы *хэ(ы)-*, *фIэ-* (кабард. *хэ-чы-н* «вырвать», *фIэ-чы-н* «сорвать») составили одну морфему *хыфIэ-*: кабард. *хыфIэ-дзэ-н* «бросать». Дистрибутивный критерий выделения морфемы в данном случае дополняется также критерием словообразования: *фIэдзэн* «вешать» не есть исходное слово, *хыфIэдзэн* «бросать» не является производным от него.

Если же морфемные элементы, тождественные по звучанию и происхождению, входят в разные порядки, то в синхронном плане их следует квалифицировать как разные морфемы (омофоны). Так, противопоставление *гъэ-къэбзэ-н* «чистить» : *е-гъэ-гъэ-къэбзэ-н* «заставить чистить» позволяет выделить с точки зрения синхронного анализа в слове *е-гъэ-гъэ-къэбзэ-н* префикс каузатива *гъэ-* и префикс фактитива *гъэ-* (ср. *къабзэ* «чистый» : *гъэ-къэбзэ-н* «чистить»); противопоставление *гъэ-вэ-н* «сварить» : *е-гъэ-гъэ-вэ-н* «заставить сварить» показывает, что в слове *е-гъэ-гъэ-вэ-н* представлены префикс каузатива *гъэ-*, следующий после префикса *е-*, и префикс транзитива *гъэ-*, расположенный перед корневой морфемой (ср. *вэ-н* «свариться» : *гъэ-вэ-н* «сварить»). В описательных грамматиках омофонические префикс каузатива *гъэ-*, префикс фактитива *гъэ-*, префикс транзитива *гъэ-* рассматриваются недифференцированно как одна морфема — префикс каузатива. Термин «каузатив» мы сохраняем лишь за глаголами, образованными от глагольных основ и способными выразить побуждение одного лица другим к выполнению действия. Если же глагол, содержащий префикс *гъэ-*, требует лишь дополнения (кабард. *гъэ-вэ-н* «сварить»), то его мы считаем транзитивным. Что касается термина «фактитив», то вслед за Е. Куриловичем он применен здесь к глаголам, производным от именных основ.

Дистрибутивный признак остается одним из основных критериев разграничения словообразовательных и словоизменительных морфем глагола. Так, префикс *йэ-* (например кабард. *йэ-шэлIэ-н* «подвозить, подвезти») в последнее время рассматривается адыговедами как словообразовательный префикс (преверб). Однако дистрибуция этого

элемента в последовательности морфем ясно показывает, что он является словоизменительным аффиксом (показателем косвенного объекта), который сочетается со свободными и несвободными основами и может быть живым и омертвелым (ср. кабард. *уэ-с-шэлIашъ* «я подвозил к тебе», *фэ-с-шэлIашъ* «я подвозил к вам», *йэ-с-шэлIашъ* «я подвозил к тебе», *йа-с-шэлIашъ* «я подвозил к ним»).

Префиксация. Префиксы глагольного основообразования адыгских языков составляют семь порядков, из которых каждый имеет строго фиксированное место в последовательности морфем.

Порядок 1 состоит из префиксов фактитива *уы-*, *гъэ-*, которые производят глагольные основы от именных основ. Префиксы порядка 1 всегда стоят непосредственно перед производящей основой. Например: адыг., кабард. *уы-шъэбы-н* «толочь; истолочь», адыг. *гъэ-фэбэ-н*, кабард. *гъэ-хуэбэ-н* «нагреть; нагревать».

Порядок 2 представлен префиксом каузатива *гъэ-*, который стоит перед префиксами порядка 1 или непосредственно перед производящей основой, когда отсутствуют префиксы первого порядка. Например: адыг., кабард. *е-гъэ-уы-шъэбы-н* «заставить толочь; истолочь», адыг. *е-гъэ-гъэ-фэбэ-н*, кабард. *е-гъэ-гъэ-хуэбэ-н* «заставить подогревать», адыг., кабард. *гъэ-кIуэ-н* «заставить идти». Как видим, возможна модель типа каузативный префикс + свободная корневая морфема. С несвободными (связанными) корневыми морфемами каузативный префикс может сочетаться лишь в окружении с локативным превербом, инкорпорируясь в основу типа локативный преверб + несвободная основа: каузативный префикс *гъэ-*, таким образом, связан с локативными превербами, которые составляют последующий (третий) порядок расположения.

Порядок 3 состоит из префиксов, стоящих перед морфемами порядка 1 и порядка 2, а при отсутствии последних — непосредственно перед производящей основой. К порядку 3 относится самая многочисленная группа основообразующих префиксов — локативные превербы. Ср. адыг., кабард. *йы-гъэ-хъэ-н* «внутрь (*йы*) заставить (*гъэ-*) идти (*хъэ-н*); заставить войти» и *йы-хъэ-н* «войти», *йы-гъэ-ты-н* «заставить находиться внутри» и *йы-ты-н* «находиться внутри», *блэ-гъэ-чIы-н* «заставить пройти мимо» и *блэ-чIы-н* «пройти мимо».

Порядок 4 включает префиксы, которые могут стоять перед морфемами предшествующих порядков или при отсутствии последних — непосредственно перед свободной основой. Сюда относятся префиксы союзности, взаимности и совместности действия. Ср. адыг., кабард. *дэ-гъэ-кIуэ-н* «вместе с кем-чем-либо (*дэ-*) заставить (*гъэ-*) идти (*кIуэ-н*)», *дэ-кIуэ-н* «вместе с кем-чем-либо идти». Префиксы порядка 4 сочетаются с несвободными корневыми морфемами не непосредственно, а лишь в окружении с локативными превербами. Ср. адыг., кабард. *ды-хэ-гъэ-ты-н* «заставить находиться внутри вместе с кем-чем-либо», *ды-хэ-ты-н* «находиться внутри вместе с кем-чем-либо».

Порядок 5 составляют релятивные префиксы *фэ-/хуэ-* «ради кого-чего-либо», *шIуэ-/фIэ-* «вопреки чему-либо» и префикс возможности действия *фэ-/хуэ-*. Префиксы порядка 5 могут стоять перед префиксами предшествующих порядков, а при отсутствии последних — непосредственно перед корневой морфемой. Ср. адыг. *фы-дэ-гъэ-кIуэ-н*, кабард. *хуы-дэ-гъэ-кIуэ-н* «для кого-чего-либо (*фы-/хуы-*) вместе с кем-чем-либо (*дэ-*) заставить (*гъэ-*) идти (*кIуэ-н*)»; адыг. *фэ-гъэ-кIуэ-н*, кабард. *хуэ-гъэ-кIуэ-н* «ради кого-чего-либо заставить идти», адыг. *фэ-кIуэ-н*, кабард. *хуэ-кIуэ-н* «ради кого-чего-либо идти»; кабард. *хуы-дэ-гъа-кIуэ-р-къым* «(он) не может заставить (его) идти вместе с кем-чем-либо». Префикс возможности действия может стоять перед основой лишь в том случае, если основа является переходной. Поэтому *хуэ-/фэ-*, сочетаясь непосредственно с основой глагола *шIы-н* «делать» [ср. адыг. *фэ-шIы-рэп*, кабард. *хуэ-шIы-р-къым* «(он) не может сделать»] может сочетаться лишь с каузативной формой основы глагола *кIуэ-н* «идти» (ср. адыг. *фэ-гъа-кIуэ-рэп*, кабард. *хуэ-гъа-кIуэ-р-къым* «(он) не может заставить (его) идти». Как и префиксы порядка 4, префиксы порядка 5 не могут стоять непосредственно перед связанными основами. Ср. адыг. *шIуы-ды-хэ-гъэ-ты-н*, кабард. *фIы-ды-хэ-гъэ-ты-н* «вопреки желанию кого-чего-либо (*шIуы-/фIы-*) вместе с кем-чем-либо (*ды-*) внутри чего-либо (*хэ-*) заставить (*гъэ-*) находиться (*ты-н*)».

Порядок 6 составляют направительные префиксы (превербы) *къэ-* «сюда», *нэ-*. Ср. кабард. *къы-фIы-ды-шIэ-гъэ-чIы-н* «заставить выйти вместе с кем-чем-либо сюда» [буквально: «сюда (*къы-*) вопреки желанию кого-чего-либо (*фIы-*) вместе с кем-чем-либо (*ды-*) из (*шIэ-*) заставить (*гъэ-*) идти (*чIы-н*)», *къы-шIэ-гъэ-чIы-н* «заставить выйти сюда», *къы-шIэ-чIы-н* «выходить, выйти сюда»]. Префиксы порядка 6, т. е. направительные превербы, в отличие от локальных превербов, не сочетаются непосредственно с несвободными корневыми морфемами (см., например: *къэ-кIуэ-н* «идти сюда», *къы-хэ-чIы-н* «выходить сюда»); исключение составляют несколько корневых морфем, в частности *-сы* (*къэ-сы-н* «прибыть»), *-нэ* (*къэ-нэ-н* «остаться»).

Порядок 7 включает в себя префикс *зэ-* (*зы-*, *з-*), с помощью которого образуются возвратные глаголы, например: кабард. *зы-къы-хуы-хэ-дзы-н* «для него выброситься оттуда сюда», *зы-хуы-хэ-дзы-н* «для него выброситься», *зы-хэ-дзы-н* «выброситься», *зы-дзы-н* «броситься, бросаться». Возвратный префикс также не может сочетаться не-

посредственно с несвободными основами; см., например: кабард. *зы-къ-инэ-н* «оставаться внутри чего-либо».

Сложные форманты, образованные путем сложения двух разнопорядковых морфем, одновременно относятся к двум порядкам, т. е. занимают место элементов, входящих в их состав. Так, формант *гэлъы-*, образованный путем слияния префиксов порядка 4 (*гэ-*) и порядка 3 (*лъы-*), занимает соответственно место префиксов двух указанных порядков.

Суффиксация. Глагольные словообразующие суффиксы составляют четыре порядка в последовательности морфем.

Порядок 1 включает непродуктивные суффиксы *-тэ*, *-йы* и др., стоящие непосредственно за производящей основой. Например, адыг., кабард. *кIуэ-тэ-н* «продвинуться, продвигаться» (от адыг., кабард. *кIуэ-н* «идти»), адыг., кабард. *Iуэ-йы-н* «блеять» (от адыг., кабард. *Iуы* «рот»).

Порядок 2 образует суффиксы *-лI(э)*, *-йэ/-йы*, которые следуют за суффиксами первого порядка, а при отсутствии последних — непосредственно за производящей основой. Появление морфемы *-лIэ* в парадигме, как правило, связано с выражением косвенного объекта, например, адыг., кабард., *е-кIуэ-тэ-лIэ-н* «подойти к кому-чему-либо». Морфема *-й(ы)* также относится к несвободным, т. е. употребляется только в сочетании с префиксом *д(э)-*, например, адыг. *дэ-кIуэ-тэ-йэ-н*, кабард. *дэ-кIуэ-тэ-йы-н* «продвигаться снизу вверх», адыг. *дэ-кIуэ-йэ-н*, кабард. *дэ-кIуэ-йы-н* «подниматься».

Порядок 3 составляет суффикс возвратного действия *-жьы/-жы*. Например, адыг. *е-кIуэ-тэ-лIэ-жьы-н*, кабард. *е-кIуэ-тэ-лIэ-жы-н* «подходить, приближаться к кому-чему-либо снова», адыг. *кIуэ-тэ-жьы-н*, кабард. *кIуэ-тэ-жы-н* «подвигаться снова», адыг. *кIуэ-жьы-н*, кабард. *кIуэ-жы-н* «возвращаться, вернуться, идти обратно».

Порядок 4 включает суффикс возможности действия *-шъуы/-фы*, суффиксы *-шьэ/-шъэ*, *-Iуэ*, *-пэ*. Например: адыг. *е-кIуэ-тэ-лIэ-жьы-шъуы-н*, кабард. *е-кIуэ-тэ-лIэ-жы-фы-н* «суметь подойти к кому-чему-либо снова», адыг. *е-кIуэ-тэ-лIэ-шъуы-н*, кабард. *е-кIуэ-тэ-лIэ-фы-н* «суметь подойти к кому-чему-либо», адыг. *кIуэ-тэ-шъуы-н*, кабард. *кIуэ-тэ-фы-н* «суметь подвигаться», адыг. *кIуэ-шъуы-н*, кабард. *кIуэ-фы-н* «суметь идти»; ср. также адыг. *е-кIуэ-тэ-лIэ-жьы-Iуэ-н* «слишком подойти, приблизиться к кому-чему-либо снова», кабард. *е-кIуэ-тэ-лIэ-жы-пэ-н* «совсем подойти, приблизиться к кому-либо снова».

Приведем таблицы аранжировки деривационных морфем глагола, в которых обобщим сказанное выше (в таблицах 3, 4 даются примеры из кабардинского языка).

Установление порядка следования словоизменительных морфем — личных показателей, аффиксов времен, наклонений, отрицания и т. д.— во всех приведенных

Таблица 1

Префиксы	Порядок 1 — фактитивные префиксы *уы-*, *гъэ-*
	Порядок 2 — каузативный префикс *гъэ-*
	Порядок 3 — локативные префиксы
	Порядок 4 — префиксы союзности, взаимности, совместности *дэ-*, *вэ-*, *вдэ-*
	Порядок 5 — релятивные префиксы *фэ-/хуэ-*, *шIуэ-/фIэ-*, префикс возможности (потенциалиса) *фэ-/хуэ-*
	Порядок 6 — направительные префиксы *къэ-*, *нэ-*
	Порядок 7 — возвратный префикс *вы-*

Таблица 2

Суффиксы	Порядок 1 — непродуктивные суффиксы *-тэ-*, *-йы-*, и др.
	Порядок 2 — локативный суффикс *-лIэ*, направительный суффикс *-йэ/-йы*
	Порядок 3 — возвратный суффикс *-жьы/-жы*
	Порядок 4 — суффиксы возможности (потенциалиса) *-шъуы/-фы*, суффиксы *-Iуэ*, *шьэ/-шъэ*, *-пэ*

Таблица 3

Префиксальные образования	Префиксы							Корневая морфема	Окончание инфинитива
	порядок 7	порядок 6	порядок 5	порядок 4	порядок 3	порядок 2	порядок 1		
уышъэбын «делать мягким»							*уы*	*шъэбы*	*н*
егъэуышъэбын «заставить делать мягким»						*егъэ*	*уы*	*шъэбы*	*н*
хегъэчIын «заставить выйти»					*хэ*	*гъэ*		*чIы*	*н*
эдыхэгъэчIын «вместе заставить выйти»				*эды*	*хэ*	*гъэ*		*чIы*	*н*
хуыздыхэгъэхьэн «ради кого-либо вместе заставить войти»			*хуы*	*эды*	*хэ*	*гъэ*		*хьэ*	*н*
къыхуыздыхэгъэхьэн «сюда ради кого-либо вместе заставить войти»		*къы*	*хуы*	*эды*	*хэ*	*гъэ*		*хьэ*	*н*
зыкъыхуыздыхэдзэн «сюда ради кого-либо вместе внутрь бросаться»	*зы*	*къы*	*хуы*	*эды*	*хэ*			*дзэ*	*н*

Таблица 4

Суффиксальные образования	Префикс косв. объекта	Корневая морфема	Суффиксы				Окончание инфинитива
			порядок 1	порядок 2	порядок 3	порядок 4	
кIуэн «идти»		*кIуэ*					*н*
кIуэтэн «продвигаться»		*кIуэ*	*тэ*				*н*
екIуэтэлIэн «подойти»	*е*	*кIуэ*	*тэ*	*лIэ*			*н*
екIуэтэлIэжын «подойти снова»	*е*	*кIуэ*	*тэ*	*лIэ*	*жы*		*н*
екIуэтэлIэжыIуэн «подойти снова слишком»	*е*	*кIуэ*	*тэ*	*лIэ*	*жы*	*Iуэ*	*н*

типах основы в сущности приводит к выяснению основных синхронных моделей глагола в рассматриваемых языках.

Основные структурные типы глагольной основы совпадают в абхазо-адыгских языках, хотя различия между двумя основными их подгруппами — адыгско-кабардинской и абхазо-абазинской — настолько значительны, что до сих пор не удалось установить более или менее последовательных звукосоответствий этих языков. В то же время в абхазо-адыгских языках выявляется настолько много общего в порядке расположения глагольных деривационных морфем, что, зная аранжировку значимых элементов основы в адыгских языках, можно построить модели многоморфемной глагольной основы в абхазском или абазинском. Так, например, если задан тип основы, включающей корневую морфему (*К*) и морфемы, выражающие побудительность (*П*), конкретную локализацию (*Л*), совместное действие (*С*), то во всей группе языков значимые элементы основы распределяются следующим образом: $С + Л + П + К$.

В заключение следует подчеркнуть важность соблюдения последовательности анализа значимых элементов основы, чему не уделяется должного внимания в существующих грамматиках абхазо-адыгских языков [4]. Вопрос о последовательности описания элементов, составляющих структуру глагола, не исчерпывается признанием целесообразности рассмотрения сначала основообразования, а затем — словоизменения. Системный анализ как основообразования, так и словоизменения глагола требует последовательной подачи языкового материала внутри каждого раздела. Глагольные деривационные морфемы следует анализировать в соответствии с их дистрибуцией по отношению к производящей основе [5].

---

[4] В «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка» (М., 1957), например, глагольные деривационные морфемы рассматриваются вперемежку со словоизменительными морфемами; здесь вовсе не приводятся суффиксы словообразования глагола, а также многие префиксы.

[5] По вопросу о принципах подачи морфологического материала см.: М. А. К у м а х о в, О месте словообразования в описательной грамматике, сб. «Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана», Нальчик, 1963.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1965

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ВОПРОСЫ ПРИКЛАДНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СБОРНИКЕ «НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ»

Всесоюзный институт научно-технической информации выпускает ежемесячный сборник «Научно-техническая информация» (НТИ), в котором затрагиваются многие проблемы теоретического и прикладного языкознания. Между тем до сих пор это издание еще не получило достаточно широкой известности в лингвистических кругах. Целью настоящего обзора является ознакомление лингвистов с содержанием этого интересного и уникального в своем роде издания, в котором ежемесячно и достаточно оперативно[1] печатаются в широком масштабе статьи по весьма актуальной и новой лингвистической проблематике. Так, с января 1963 г. до июня 1965 г. в журнале было опубликовано более 70 лингвистических или имеющих прямое отношение к лингвистике работ [2].

Первые два номера сборника вышли в 1961 г. С 1962 г. сборник стал ежемесячным периодическим изданием, тираж которого неуклонно растет (если в 1961 г. выходило 2000 экз., то в 1963 г.— 5000 экз., в 1964 г.— 6500 экз., а в 1965— 9000 экз.). В 1962 г. начали появляться статьи по лингвистическим вопросам, а в 1963 г. был учрежден постоянный раздел «Лингвистические проблемы», позднее переименованный в «Машинный перевод».

Тематика материалов, публикуемых в журнале, весьма разнообразна, но в целом их характеризует практическая направленность.

Общие проблемы. Место, которое занимают лингвистические проблемы в комплексе задач теории научной информации [3], определяется основными положениями нескольких статей: А. И. Михайлов «Проблемы научной информации» (1963, 1); А. И. Михайлов, В. А. Полушкин «Теория научной информации — новая самостоятельная научная дисциплина» (1963, 3); Ю. А. Шрейдер «Лингвистический подход к теории информационных систем» (1962, 9); В. А. Успенский, Ю. А. Шрейдер «К проблематике теории научной информации» (1963, 3). При осуществлении таких задач, как подготовка справок, редактирование, аннотирование, автоматический перевод на тот или иной язык, определение новизны содержания и др., чрезвычайно важным является исследование (и/ или конструирование) различных естественных (и/или искусственных) языков, пригодных для записи научной информации, а также разработка методов их кодирования и методов преобразования информации при переходе от одного языка к другому и другие вопросы обработки языковой информации.

В журнале опубликован ряд статей по общим проблемам перевода. В статье И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга «Некоторые вопросы теории перевода, связанные с общей проблемой автоматизации информационных процессов» (1963, 9) предлагается отграничить собственно перевод как переход от сообщения на одном языке к сообщению на другом языке (при сохранении смысла) по заранее установленным правилам соответствия между единицами этих языков, от качественно иного процесса — интерпретации: переход от сообщения на одном языке к обозначенной им внеязыковой ситуации и оформления этой

[1] Этим данный сборник выгодно отличается от таких весьма ценных и важных изданий, как «Машинный перевод и прикладная лингвистика» и «Проблемы кибернетики».

[2] Недостаток места, а также значительный объем и разнообразие материала вынудили составителей обзора отказаться от сколько-нибудь исчерпывающего описания излагающихся в сборнике идей и пойти на сознательную неполноту и фрагментарность изложения.

[3] Одной из первых работ, отразивших данную проблематику, можно считать статью: Г. Э. Влэдуц, В. В. Налимов, Н. И. Стяжкин, Научная и техническая информация как одна из задач кибернетики, «Успехи физических наук», LXIX, 1, 1959.

ситуации средствами другого языка[4]. Процесс перевода наиболее отчетливо проявляется в деятельности синхронных переводчиков, процесс интерпретации — при переводе художественной литературы, но в любой переводческой деятельности присутствуют оба процесса, *хотя и в различной мере*. В связи с уточнением понятия перевода (правда, представляется неудачным при расщеплении старого понятия «перевод» на два новых сохранять за одним из них старое название) авторы полемизируют с И. Бар-Хиллелом, выступившим в последнее время с пессимистическими высказываниями о возможности автоматического перевода [5]. И. Бар-Хиллел «совершает... непростительную для логики ошибку: для доказательства алгоритмической неразрешимости некоторой задачи необходимо, прежде всего, чтобы задача была четко сформулирована в некоторой строгой системе терминов, например сформулирована как задача математическая» (стр. 34). Именно этого и не делает И. Бар-Хиллел. Критика И. Бар-Хиллела звучит в настоящее время весьма актуально, так как она относится и к недавно переведенной на русский язык книжке М. Таубе [6].

Некоторым общим вопросам языкознания, связанным с машинным переводом, посвящена статья С. Лемба «Стратификационная лингвистика как основа машинного перевода» [7] (1964, 10). В статье делается попытка определить одну из важных черт лингвистического описания — простоту. С. Лемб делает разграничение между внешней и существенной информацией в описании. Описание тем проще, чем меньше в нем внешней информации. С уменьшением внешней информации увеличивается не только простота, но также общность и объяснительная сила описания.

В серии общелингвистических публикаций можно отметить также статью И. И. Ревзина «Некоторые вопросы теории моделей языка» (1964, 8), в которой проводится уточнение такого фундаментального понятия современного языкознания, как понятие отмеченной фразы [8], а также статью того же автора «Распространение теоретико-множественной модели на языки с грамматической омонимией» (1965, 3).

Попыткой обосновать правомерность аксиоматического метода при анализе языка является статья А. Г. Едигарян, С. А. Кязумовой, Е. Д. Фельдман «Об одном методе формального описания языка (на материале математического текста)» (1963, 12).

Работа. Р. Д. Равич «Некоторые данные о состоянии автоматического перевода» (1964, 5—6) является последним по времени обзором литературы и организации работ по машинному переводу в СССР и за рубежом. Обзор дает весьма полное представление о круге задач, стоящих перед специалистами по машинному переводу, и об основных достижениях, имеющихся в настоящее время в этой области. К обзору приложен довольно большой, хотя, разумеется, неполный список организаций, занимающихся автоматическим переводом и смежными вопросами (19 стран, 100 организаций).

Семантика. Основное внимание уделяется в сборнике семантическим проблемам. Практические работы в области машинного перевода, начавшиеся с анализа морфологии и синтаксиса, убедительно показали, что внесемантический перевод — задача в целом неразрешимая (отсюда, видимо, и происходит отказ некоторых в прошлом энтузиастов машинного перевода от признания возможности его осуществления) [9]. Поэтому в последнее время центр тяжести лингвистических исследований заметно перемещается в область семантики. Этой проблеме в сборнике посвящены некоторые статьи Ю. А. Шрейдера и М. В. Арапова.

---

[4] Сходное деление проводится в статье А. Е. Кибрика «Лингвистические вопросы автоматизации кодирования», (сб. «Теоретические вопросы прикладной лингвистики», М., 1965), где выделяются три уровня кодирования, осуществляемые с сохранением исходного смысла сообщения: субституция, трансляция и имитация, которые соответственно связываются с преобразованием субстанции выражения, формы выражения и формы содержания (по терминологии Л. Ельмслева.)

[5] И. Бар-Хиллел, Будущее машинного перевода, ФН, 1962, 4; J. Bar-Hillel, Four lectures on algebraic linguistics and machine translation. A revised version of a series of lectures given in July, 1962 before an Advanced summer Institute on automatic translation of languages in Venice. Italy, 1963 (препринт).

[6] М. Таубе, Вычислительные машины и здравый смысл, М., 1964. Глубокое развитие идей о возможности создания мыслящих машин (не мыслимых без разрешения такого частного вопроса, как машинный перевод) содержится в работе А. Н. Колмогорова «Жизнь и мышление как особые формы существования материи» (сб. «О сущности жизни», М., 1964).

[7] Статья С. Лемба переведена из «Mechanolinguistics project», University of Columbia, Berkeley, 1964.

[8] Статья написана на основе доклада, сделанного автором на первом Ереванском симпозиуме по машинному переводу (ВЯ, 1964, 2, стр. 151).

[9] V. Yngve, Implication of mechanical translation research «Proceedings of the American Philosophical Society», 108, 4, 1964.

Первой публикацией в этой серии является статья Ю. А. Шрейдера «Машинный перевод на основе смыслового кодирования текстов» (1963, 1), в которой смысловое кодирование слов предлагается производить путем выбора некоторой системы координат и записи слов в виде векторов в этой системе координат. Концепция Ю. А. Шрейдера отличается от идеи семантического анализа Ю. С. Мартемьянова, А. К. Жолковского и др.[10] тем, что здесь для каждого текста предлагается автоматически строить свою локальную систему фиксированного тезауруса. «Алгоритм автоматического определения семантических координат» описывается в статье Е. М. Джолос, О. К. Кучмий, И. И. Ратцевой и Ю. А. Шрейдера (1964, 5). Результаты работы этого алгоритма описываются в статье И. И. Ратцевой «Алгоритмизация исследования смысловых связей» (в печати).

В работах по семантике группы машинного перевода ВИНИТИ значительное место занимает идея тезауруса, первоначально введенная Кембриджской группой по машинному переводу [11]. В статье М. В. Арапова «Применение метода тезаурусов к машинному переводу» (1962, 11) дается обзор зарубежной литературы по этому вопросу. Специально теоретическому обоснованию понятия «тезаурус» и его свойств посвящена статья М. В. Арапова «Некоторые принципы построения словаря типа „тезаурус“» (1964, 4). В статье приводится формальное математическое определение тезауруса, которое позволяет уточнить такие традиционные понятия, как значение слова, окказиональное значение, переносное значение, синоним. Основной трудностью использования тезауруса является трудность пополнения тезауруса, первоначально в значительной степени зависящего от интуиции составителя. В статье намечается метод автоматического пополнения в тезаурусе новых слов, синонимичных уже имеющимся, и новых цепочек семантических категорий (т. е. слов, значения которых не зафиксированы в тезаурусе).

В работе Ю. А. Шрейдера «О количественных характеристиках семантической информации» (1963, 10) делается интересная попытка расширить статистическое понятие «информация», приобщив его к интуитивному пониманию, при котором весьма важной характеристикой информации является способность приемника к ее восприятию. Предполагается, что у приемника есть некоторый запас сведений, представлений о внешнем мире, которые изменяются под воздействием получаемой информации. Информацию предлагается оценивать количественно как меру изменения тезауруса приемника под действием данного сообщения (текста). Тезаурус, по Ю. А. Шрейдеру, есть словарь, разбитый на рубрики, имеющие внутреннюю и внешнюю части. Во внутренней части рубрики указывается ее название (выражаемое «заглавным» словом), а также слова «почти синонимичные» и «почти антонимичные» заглавному. Во внешней части рубрики дается список названий рубрик, с которыми слова внутренней части данной рубрики связаны определенного вида отношениями, кроме того — наименований рубрик, выражающих более узкие классы объектов или свойства, связанные отношением следования. Понятно, что для разных тезаурусов один и тот же текст может нести различное количество информации. Кроме понятий текста и тезауруса, вводится понятие алгоритма — набора правил, распознающего текст, сравнивающего его с тезаурусом и в случае необходимости вносящего изменения в тезаурус, а также рассматриваются некоторые свойства такого алгоритма. Автор набрасывает в работе общую схему математической модели, в рамках которой может быть дана содержательная интерпретация рассматриваемых понятий [12].

Логическим продолжением описанных работ является совместная статья М. В. Арапова и Ю. А. Шрейдера «Семантика и машинный перевод» (1965, 1). Авторы предлагают понимать под изучением семантики изучение отображения одного текста в другой (термин «текст» понимается широко, включая сюда и внеязыковую ситуацию). Собственно говоря, это частный случай точки зрения В. В. Иванова [13], рассматривающего всякое лингвистическое описание как сравнение по крайней мере двух языковых систем (изучение семантики не представляет в данном случае исключения). Однако авторы не ограничиваются констатацией этой гипотезы, а развивают на ее основе ряд интересных положений (например, о теории синонимии). В статье

[10] См. сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 8, М., 1964.

[11] М. Мастерман, Тезаурус в синтаксисе и семантике (перевод с англ.), сб. «Математическая лингвистика», М., 1964. См. также другие работы М. Мастерман, А. Ф. Паркер-Роудс и С. Уордли в том же сборнике.

[12] Более подробно формальная модель тезауруса как некоторой логико-семантической системы описана в статье Ю. А. Шрейдера «Об одной модели семантической информации», сб. «Проблемы кибернетики», 13, 1965.

[13] В. В. Иванов, Лингвистика как теория отношений между языковыми системами и ее современные практические приложения, сб. «Лингвистические исследования по машинному переводу», М., 1961 (ротапринт).

подробно рассматривается вопрос о соотношении «грамматического» и «семантического» перевода, весьма наглядно и убедительно показывается относительность автономии синтаксиса и семантики. Основной задачей в исследовании семантики авторы справедливо считают изучение смысловых связей слов. Важным является указание на возможность использования смысловых расстояний для решения проблемы лексической омонимии.

Подход к семантике как к системе соответствий между знаками двух или более языков демонстрирует В. А. Москович в статье «Об одном подходе к типологии семантики естественных языков» (1963, 8) на примере обозначений цвета (в триязычных переводах). Автор провел два эксперимента по составлению конкордансов цветовых обозначений в художественной и научной прозе, обобщил любопытный практический материал. Однако, разумеется, на материале столь ограниченной области семантики трудно сделать сколько-нибудь широкие выводы о методах семантической типологии.

Проблеме синтаксической синонимии, являющейся важным звеном в теории трансформационного анализа, посвящена работа К. И. Бабицкого «О синтаксической синонимии предложений в естественных языках» (1965, 6), в которой строится «модель конкретной ситуации» (на примере родственных отношений), позволяющая получить предложения, эквивалентные по смыслу для данной ситуации. Настоящая статья по проблематике тесно смыкается с работой А. К. Жолковского и И. А. Мельчука «О возможном методе и инструментах семантического синтеза» (1965, 6) (см. наш раздел «Синтез»).

Частному вопросу семантико-синтаксического анализа, связанному с отождествлением в тексте слов, обозначающих объекты внешнего мира, посвящена статья Г. С. Табидзе «Вопросы фиксации названий объектов» (1964, 2). Результаты машинного эксперимента по описанному им алгоритму изложены в статье того же автора «О машинном осуществлении алгоритма обнаружения в тексте названий объектов» (1964, 8).

Д. Г. Лахути и В. С. Чернявский в статье «Об алгоритмическом распознавании значений омонимов» (1965, 1), дают краткое сообщение о проведенном машинном эксперименте по различению омонимов в текстах по электротехнике методом сравнения текста с фиксированной в словаре окрестностью омонима.

[14] См.: Э. Ф. Скороходько, Опыт построения лексики информационного языка на основе ступенчатого кодирования значений терминов, «Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста», 8, М., 1961.

На основе смысловой записи, разработанной в Институте кибернетики АН УССР[14], строится работа Л. Э. Пшеничной и Э. Ф. Скороходько «Информационный поиск по смысловым кодам» (1964, 6). Предлагается интерпретировать эту запись в виде графов, которые помогают обнаруживать смысловую общность текста с запросом[15].

Интересная статья Е. В. Падучевой «Логическое ударение в текстах реклам и объявлений» (1963, 5) в тематическом отношении стоит несколько особняком в разделе «Лингвистические проблемы». Автор анализирует случаи, когда основная функция реклам и объявлений — четкая передача наиболее существенной информации — нарушается за счет недопустимой перегрузки фразы логическими ударениями. Избежать таких нарушений можно 1) либо рациональным сегментированием фразы, 2) либо включением логически выделенных слов в отношение однородности («однородные» ударения допускаются в пределах фразы в любом количестве). Специалисты, занимающиеся исследованиями в области семантики, могут использовать основные положения статьи при решении задач, связанных с различными преобразованиями текстов (реферирование, предредактирование и пр.).

Экспериментально-статистический подход к исследованию способности человека восстанавливать смысл текста при полном знании морфологии и синтаксиса и неполном знании словаря содержится в статье Р. М. Фрумкиной «Понимание текста в условиях ограниченного знания словаря» (1965, 4). Автор приходит к выводу, что «знание не менее 70% словоупотреблений позволяет удовлетворительно понять смысл текста» (стр. 48).

Синтаксический анализ. В серии работ, обсуждающих вопросы синтаксического анализа при машинном переводе, несомненно преобладающее место занимают статьи, из которых вытекает представление о синтаксических связях как о системе управлений одних слов другими (термин «управление» в данном случае обобщенно применяется для обозначения связей, традиционно именуемых в лингвистике «управлением», «согласованием» и «примыканием»)[16].

[15] Сходный метод информационного поиска, основанный на поиске подграфов некоторых графов, изоморфных графу запроса, содержится в работе: G. Salton, E. H. Sussenguth, Some flexible information retrieval systems using structure matching procedures (отд. отт. из «Proceedings [of the] spring joint computer conference». 1964).

[16] По-видимому, самое точное и адекватное описание синтаксической структуры русской фразы может быть достигнуто именно через анализ фразы с помощью

В этой группе статей одним из центральных понятий является также понятие «проективности»[17] языка. Проективность понимается как свойство языка, основанное на взаимодействии двух отношений: 1) отношения линейной упорядоченности слов во фразе и 2) отношения зависимости (управления). Как сообщается в статье И. Лесерфа «Применение программы и модели конфликтной ситуации к автоматическому синтаксическому анализу естественных языков»[18] (1963, 10), идея проективности родилась из попытки применить при анализе фразы метод расстановки стрелок, указывающих направление синтаксических связей[19]. Проективной считается фраза, в которой «между двумя словами, соединенными подчинительной связью, не могут находиться никакие другие слова, кроме тех, которые связаны исключительно сами с собой (вводные слова, обращения и др.) или с одним из двух данных слов» (стр. 49). Во фразе, представленной в виде дерева зависимостей, вершины которого спроецированы на линейную запись фразы, нарушение принципа проективности приводит к недопустимым пересечениям ветвей дерева и их проекций. Лесерф трактует проективность как языковую универсалию, причем считает случаи отклонения от правила проективности настолько редкими, что приравнивает их к прочим случайным ошибкам в изображении синтаксической структуры (примеры непроективных фраз, которые рассматриваются в статье, есть, по сути дела, примеры грамматически неправильных структур). В статье также излагается сущность программы и модели так называемой «конфликтной ситуации»[20], складывающейся при распространении зон влияния управляющих слов.

Проективность в понимании Лесерфа представляет собой только частный (а именно — соответствующий самому сильному условию проективности) случай толкования, которое дается проективности Ю. А. Шрейдером в работе «Свойства проективности языка» (1964, 8). Приведенная автором серия свойств «обобщенной проективности» дает достаточно полное и исчерпывающее описание примеров непроективных структур, выявленных при анализе 10 500 английских фраз специального текста (отмечено 610 случаев нарушения проективности). Предлагается удобный геометрический тест для проверки на проективность фразы, записанной линейно. Подробно исследуется структура фразы с учетом однородностей (было выявлено, что около половины общего числа непроективных фраз возникло под влиянием однородных членов). Условия «обобщенной проективности» в сочетании с условиями, налагаемыми на упорядоченный граф, обеспечивают естественный переход от стрелок графа к скобочной записи, включая и трудные случаи управлений при однородных членах.

Строгого соответствия между правилами расстановки стрелок и условиями проективности требует синтаксическая модель языка, предложенная М. И. Белецким в статье «Модель русского языка, описывающая простые предложения без однородности» (1964, 7). Эта модель может быть применена и при грамматическом анализе, и при грамматическом синтезе предложений, причем при порождении фраз автоматически обеспечивается их проективность.

Описанию анализирующих грамматик, основанных на понятии одновершинного дерева зависимостей и учитывающих трудности, связанные с появлением во фразе непроективных структур, посвящено несколько статей, развивающих синтаксические идеи и методику группы математической лингвистики ВЦ ЛГУ. Лингвистическая интерпретация основных принципов построения синтаксического анализа при использовании так называемой «грамматики валентностей» предложена в статье сотрудника этой группы Б. М. Лейкиной «Принципы построения английской грамматики для синтаксического анализа при автоматическом переводе» (1964, 11). Анализ текста производится с помощью универсального интерпретирующего алгоритма[21],

---

дерева зависимостей; см. об этом: А. А. Зализняк, Е. В. Падучева, О связи языка лингвистических описаний с родным языком лингвиста, «Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам», Тарту, 1964.

[17] В отечественной лингвистической литературе для обозначения этого свойства языка используется также термин «конфигурационность». См., например, работу С. Я. Фитиалова «О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике», «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962.

[18] Сокращенный перевод с франц.: Y. Lecerf, Programme des conflits, modèle des conflits, «Traduction automatique», I, 4—5, 1960.

[19] В статье Л. Н. Иорданской «О некоторых свойствах правильной синтаксической структуры» (ВЯ, 1963, 4) рассматриваются свойства непересечения и необрамления при стрелочном представлении фраз; эти свойства соответствуют свойству проективности.

[20] О значении конфликтных алгоритмов среди других систем синтаксического анализа см.: Е. В. Падучева, О понятии конфигурации, ВЯ, 1965, 1.

[21] Универсальный алгоритм, существующий в нескольких вариантах, составлен в ВЦ ЛГУ под руководством

который устанавливает отношения зависимости между словами во фразе. Фраза считается проанализированной «правильно», если выполнен набор условий, определяющих совместное употребление языковых единиц во фразе, т. е., если выполнены требования, предъявляемые грамматикой, а также соблюдены требования проективности (конфигурационности). «Условия грамматики формулируются в терминах валентностей классов языковых единиц, т. е. в терминах тех связей, которые могут установиться между речевыми реализациями слов различных классов» (стр. 37) (учитываются зависимостные и позиционные отношения). Грамматика состоит из двух частей: 1) описание классов слов и их валентностей и 2) описание правил, предписывающих условия реализации этих валентностей. В статье излагаются общие принципы классификации и системные дифференциальные признаки, положенные в ее основу.

Работа Т. Н. Никитиной «Первая модель грамматики валентностей для синтаксического анализа китайского научного текста» (1964, 9) рассматривает более частные вопросы грамматики валентностей, а также вопросы ее практического приложения к анализу текстов на китайском языке. Н. А. Пащенко в статье «К вопросу об автоматическом синтаксическом анализе предложных конструкций (на материале чешских и русских текстов)» (1965, 5) подчеркивает необходимость различать сильное и слабое управление. Подготовка и проведение эксперимента с использованием синтаксического анализа, опирающегося на грамматику валентностей, обстоятельно описаны в статье Н. А. Пащенко «Некоторые вопросы автоматического синтаксического анализа чешского научно-технического текста» (1963, 9).

В связи с тем, что в последнее время во многих грамматических исследованиях в явной или неявной форме грамматическое описание рассматривается как исчисление определенного типа, встает важный теоретический вопрос об эквивалентности различных описаний. С. Я. Фитиалов в статье «О двух типах исчислений» (1964, 7) рассматривает два типа грамматических исчислений — исчисление непосредственно составляющих[22] и «скобочное» исчисление[23]. Автор доказывает, что для любого исчисления непосредственно составляющих существует эквивалентное ему «скобочное», но не наоборот.

Конкретной проблеме разрешения омонимии союзов, связывающих придаточное предложение с главным, посвящена работа Л. И. Каплана «Структурные признаки некоторых классов сложноподчиненных предложений» (1964, 3).

Авторы статьи «Некоторые вопросы синтаксического анализа при машинном переводе» Ю. Н. Марчук, Ю. А. Моторин, В. А. Павлов (1964, 3) предполагают, что разработанная ими формализованная грамматика, которая строится на исследовании контекста, при условии дальнейшего усовершенствования системы правил может послужить основой для конкретного алгоритма, который приведет к практической реализации бинарного машинного перевода с английского языка на русский. Задача выбора нужного перевода при лексической полисемии решается в статье Ю. Н. Марчука «Об автоматизации составления схем перевода многозначных слов при машинном переводе» (1964, 9) также через обращение к контексту и его анализ (строгого определения понятия «контекст» в статье, однако, не приводится).

В другой статье «Определение роли существительного и глагола в английском тексте при грамматическом анализе для машинного перевода» (1965, 3) Ю. А. Марчук предлагает обнаруживать главные члены предложения путем перебора всех глаголов и существительных во фразе и установления их синтаксической функции (последовательность выдвигаемых для каждого существительного или глагола гипотез об их синтаксической функции определяется алгоритмом).

В сборнике подробно отражено состояние работ группы МП ЦНИИ Патентной информации над созданием удовлетворяющего практическим целям промышленного машинного перевода, не требующего больших затрат труда на постредактирование. Попытка создать пословный англо-русский перевод патентных текстов (см. наш раздел «Алгоритмы машинного перевода») показала научному коллективу лаборатории крайнюю ограниченность в применении, а также несовершенство пословного перевода и заставила его пойти по пути анализа и учета некоторых грамматических характеристик в тексте, что улучшило качество текстов, переведенных машиной (см., например, образцы таких переводов в статье Э. А. Трахтенгерца «Система машинного перевода специальных технических текстов и информационного поиска переведенных документов», 1963, 3). Применяемая при анализе (и

Г. С. Цейтина. Грамматическая модель, для которой составлен этот алгоритм, может быть, как указывает автор, применена к фактам самых различных языков.

[22] Н. Хомский, Три модели описания языка, «Кибернетический сборник», 2, М., 1961.

[23] R. Solomonoff, A new method for discovering the grammars of phrase structure languages, «Proceedings [of the] International Congress on information processing», Paris, 1959.

синтезе) грамматика отличается предельной простотой: в нее включаются только процедуры, устраняющие некоторые наиболее явные случаи омонимии. Большое внимание уделяется вопросам построения машинного словаря и организации поиска в английской и русской частях словаря в работе Э. А. Трахтенгерца, Б. Н. Брука, С. Е. Ловецкого «Опыт машинного перевода специальных технических текстов с частичным грамматическим согласованием» (1963, 11). Кроме прямой задачи — получения понятного специалисту перевода,— может быть параллельно (при частичном использовании программы перевода) выдвинута задача накопления информации о переработанном материале для ее дальнейшего использования в системе поиска (например, для составления тематических указателей с опорой на ключевое слово). Л. Г. Кравец в статье «О количественной оценке терминологичности лексики» (1965, 2) высказывает прогноз постепенного сближения отдельных аспектов общей проблемы автоматизации информационных процессов. В частности, Л. Г. Кравец считает важным для задач машинного перевода, автоматического индексирования и реферирования исследовать структуру и дистрибутивные характеристики многокомпонентных именных словосочетаний, несущих основную терминологическую нагрузку (о выделении ключевых слов и словосочетаний-терминов с их последующим переводом на информационно-поисковый язык см. также статью Л. Г. Кравца «Анализ структуры словосочетаний в английских научно-технических текстах»; 1963, 10).

Морфологический анализ. При разрешении вопросов морфологического анализа представляется принципиально важным достигнуть предельной экономности описания[24] за счет, например, представления всех однородных явлений через минимальное число единиц, принятых в качестве элементарных. В статье Т. Н. Молошной, Т. М. Николаевой «О грамматических чередованиях в русском языке» (1965, 2) предложен способ описания грамматических (морфонологических) чередований в системе русского глагола, который позволяет в случае несовпадающих основ (типа *нос-*, *нес-*, *носи-*, *ношу-*) помещать в словарь только одну основу, манифестирующую все ее возможные разновидности; эта основа сопровождается указанием на тип чередования и на номер конкретного чередования. Принципиальное изложение сопровождается таблицей одного из общих типов чередований[25].

Вопросам морфологического анализа посвящена также работа Д. Варга (Будапешт) «Проблемы осуществления морфологического анализа при машинном переводе» (1964, 4), в которой излагается метод последовательного отсечения окончаний, позволяющий, по мнению автора, значительно сократить время анализа.

Словари. Немаловажным вопросом при машинном переводе является организация машинных словарей, которые должны удовлетворять двум основным требованиям: 1) максимальная скорость поиска в словаре; 2) минимальный объем словаря в памяти машины. Более экономно записывать словари и более быстро осуществлять поиск в них позволяют алгоритмы свертывания слов, которые могут быть основаны на так называемом методе рандомизации, как, например, это описано в статье К. И. Курбакова и Р. В. Смирнова «Поиск информации в словаре, основанный на методе сжатия кодов» (1963, 2).

Свертывание кодов (слова кодируются побуквенно), при котором длина сверток получается минимальной, описано В. Б. Борщевым и Ф. З. Рохлиным в работе «Алгоритм свертывания матрицы с сохранением различия ее строк» (1963, 11). Метод буквенного сжатия, применяемый этими авторами в другой статье — «Метод буквенного сжатия слов. ч. I. Один алгоритм свертывания слов методом буквенного сжатия» (1964, 1) — выгодно отличается от методов рандомизации, так как последние не учитывают буквенной структуры слова, что иногда ограничивает возможности применения сверток слов. Авторы предлагают два независимых друг от друга алгоритма буквенного сжатия. Результаты машинного эксперимента приведены в части II статьи (Ф. З. Рохлин «Методы буквенного сжатия слов. Ч. II. Результаты эксперимента», 1964, 1).

Синтез. М. И. Откупщикова («Позиционный этап синтеза русского предложения при машинном переводе», 1963, 11) выделяет в синтезе три основных этапа: 1) преобразовательный — на этом этапе конструируется дерево зависимостей для выходного языка; 2) позиционный — на этом этапе каждый узел дерева получает номер позиции в линейной последовательности, соответствующей выходной фразе; 3) морфологический—

[24] Ср.: А. А. Зализняк. Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка. Автореф. канд. диссерт., М., 1965, стр. 19.

[25] Полный набор таблиц русских чередований, построенных на принципах, которые излагаются в данной статье, можно найти в книге: З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева, Опыт описания русского языка в его письменной форме, М., 1964.

на этом этапе синтезируются словоформы выходной фразы. Основное внимание автор уделяет позиционному этапу синтеза как наименее разработанному в языкознании. В статье «Правила позиций в конструкциях со связками» (1965, 5) М. И. Откупщикова исследует порядок слов, управляемых сказуемым, выраженным глагольной или именной формой. Алгоритм, позволяющий реализовать позиционную грамматику, рассматривается в статье Р. С. Рашитова «Алгоритм для реализации модели грамматики позиций» (1964, 12).

Морфологический этап синтеза представлен в работе М. И. Откупщиковой и С. Я. Фитиалова «Система морфологического синтеза для русского языка» (1964, 1). Предлагаемый морфологический синтез рассчитан на перевод с английского и китайского языков, хотя авторы стремились к созданию универсальной, не зависимой от входного языка системы.

Интересный подход к морфологическому синтезу на примере испанского глагола предложен И. А. Мельчуком («Об автоматическом морфологическом синтезе»; 1965, 4): все промежуточные преобразования в алгоритме производятся над текстом не в орфографической, а в фонемной записи, и только на последнем этапе происходит окончательное орфографическое оформление перевода.

В совместной статье того же автора и А. К. Жолковского «О возможном методе и инструментах семантического синтеза» (1965, 6) ставится на обсуждение проект семантического подхода к решению преобразовательного этапа синтеза. Строится множественный алгоритм синтеза, дающий все принципиально допустимые варианты перевода. При этом используется «метод фильтров»: конкретные запреты совместного словоупотребления на определенной стадии отсеивают плохие варианты перевода. Множественный синтез требует решения проблемы синонимии и построения специальной записи для фиксации «смысла» (это отправное понятие авторами не определяется). Этим проблемам в статье уделено основное внимание.

Н. Г. Арсентьева («О синтезе предложений русского языка при помощи машины», 1963, 6—7) предлагает модель порождающей грамматики, построенной на материалах математического текста. Существенно, что в статье приводится довольно большой экспериментальный материал, полученный на основе проверки алгоритма на ЭВМ «Стрела». К сожалению, в работе не содержится авторской критической оценки предлагаемой модели.

Статья Л. Н. Иорданской «Об одной проблеме автоматического синтеза русского текста: употребление личного местоимения 3-го лица в русском языке» (1964, 10) затрагивает один из частных вопросов синтеза, относящийся скорее к стилистике, чем к грамматике: строгая формулировка правил замены повторяющегося в тексте существительного местоимением 3-го лица. Характерно, что многие проблемы синтеза заставляют внимательно присматриваться к стилистике и пытаться ее формализовать (порядок слов для русского языка также является стилистической проблемой; весьма интересный подход к решению ее как проблемы именно стилистической излагался О. С. Кулагиной в докладе на втором Ереванском симпозиуме по машинному переводу [26]).

Алгоритмы машинного перевода. Описанию алгоритма перевода в целом, а также описанию принципов, на которых он построен, посвящена статья В. М. Григоряна «Некоторые результаты работ по машинному переводу с армянского языка на русский» (1963, 12). Автор приводит образцы переводов, выполненных машиной в лаборатории МП ВЦ АН АрмССР и ЕрГУ (целевой задачей выдвигалось получение выходного текста, по смыслу эквивалентного входному тексту, но нуждающегося в дополнительном редактировании). Дается классификация характерных ошибок, выявленных в результате машинного эксперимента, и предлагаются пути к их устранению.

Пословный перевод представлен в сборнике публикацией сотрудников Лаборатории МП ЦНИИПИ: А. М. Шварц, Э. А. Трахтенгерц и др. «Опыт пословного перевода патентной литературы с английского языка на вычислительной машине „Стрела-3“» (1963, 2). Исходя из специфики патентно-информационных текстов, исследователи предполагали, что специалист с помощью чертежа может понять сущность патентного описания, если он получит пословный перевод-подстрочник, состоящий только из переводных эквивалентов без каких бы то ни было грамматических преобразований. Позже коллектив этой Лаборатории перешел к созданию алгоритмов, осуществляющих перевод с учетом грамматической информации (см. наш раздел «Синтаксический анализ»).

В статье М. К. Антоновой, Г. И. Клейнермана, Л. А. Рвачева «Построение словаря для машинного перевода» (1964, 1) описываются лингвистический и машинный этапы подготовки и проведения эксперимента на ЭВМ по получению однозначно сопоставленных списков английских слов и их русских эквивалентов (варианты отбирались по частотным показателям). Такой словарь для пословного машинного

[26] См. сообщение М. И. Откупщиковой «II Симпозиум по машинному переводу» (НТИ, 1964, 12, стр. 34).

перевода статей по вычислительной технике был составлен в ВИНИТИ АН СССР.

Информационный поиск. Этой проблеме в сборнике посвящен специальный раздел, в котором основной интерес для лингвистов представляют работы, связанные с автоматическим реферированием и индексированием литературы на основе дескрипторных языков, разрабатываемых в ВИНИТИ. Основными трудностями при автоматизации информационно-поисковых работ являются: перевод текстов и запросов с естественного языка на информационный; обеспечение такого информационного языка и метода сравнения на нем текста и запроса, чтобы максимально снизить так называемый «поисковый шум». В сборнике предлагаются различные варианты системы с языками дескрипторного типа[27]. В основе дескрипторной системы лежит перечень терминов (отбираемых для данного текста составителем), разбитых на классы эквивалентности, называемые дескрипторами. Интересным, на наш взгляд, является опыт построения алгоритма реферирования на основе дескрипторной системы (И. М. Монастырский, Б. Р. Певзнер, Н. И. Стяжкин, указ. соч.). Реферируемый текст заменяется последовательностью дескрипторных образов фраз. Дескрипторный образ фразы — логически неупорядоченное множество стоящих в ней дескрипторов. Дескрипторные образы фраз сравниваются между собой по определенной программе с помощью теоретико-множественных отношений включения, эквивалентности, несовместимости, пересечения. Целью программы является выбор таких подтекстов реферируемого текста, дескрипторные образы которых не включаются ни в какой другой подтекст. Отобранные подтексты считаются рефератом текста.

Следует отметить, конечно, естественную ограниченность этого метода, связанную с упрощенным представлением семантической проблемы, лежащей в основе реферирования. Логические и синтаксические отношения[28], а также контекстные отношения дескрипторов не учитываются. К тому же сами дескрипторы являются очень грубым описанием значения (по существу с помощью одного *n*-арного дифференциального признака). Однако возможности дескрипторных систем еще не исчерпаны и не определены на машинных экспериментах, поэтому работы в этом направлении полезно продолжать.

В статье А. И. Черного «Опыт формального изложения некоторых общих принципов документального информационного поиска» (1963, 3) в терминах теории множеств даются основные определения понятий, используемых в системах дескрипторного типа.

Другому методу автоматического реферирования — машинно-статистическому[29] посвящена статья Г. С. Ждановой «К проблеме свертывания информаций» (1969, 10), в которой автор приходит к выводу, что дескрипторный метод реферирования более перспективен, чем статистический.

Целью статьи Е. В. Падучевой «Некоторые вопросы перевода с информационно-логического языка на русский» (1964, 2) является попытка представить перевод с одного языка на другой как точную (математическую) задачу, поскольку проблема перевода в рамках естественного языка не поддается в настоящее время точной постановке (нет точных правил описания смысла предложений), автор решает ее на узком материале — искусственном логическом языке, описание смысла высказываний которого (интерпретация) может быть задано точными правилами. Автор берет язык исчисления высказываний (с расширенной его интерпретацией: высказывания рассматривают-

[27] См.: В. С. Чернявский, Д. Г. Лахути, Э. С. Бернштейн, Об одном типе информационно-поисковых систем, 1962, 7; Э. С. Бернштейн, Д. Г. Лахути, В. С. Чернявский, Некоторые вопросы построения дескрипторных информационно-поисковых систем, 1963, 1; Г. Э. Влэдуц, Д. Г. Лахути, В. С. Чернявский, Об инверсионном принципе реализации информационно-поисковых систем, 1963, 4; Э. С. Бернштейн, К вопросу об автоматическом индексировании, 1963, 10; Э. С. Бернштейн, Формализованный язык и критерий смыслового соответствия информационно-поисковой системы «Пусто-Непусто-4», 1963, 12; И. М. Монастырский, Б. Р. Певзнер, Н. И. Стяжкин, Метод дескрипторного автоматического реферирования литературы по станкостроению и принципиальный алгоритм его реализации на ЭЦВМ, 1964, 2; Э. С. Бернштейн, Д. Г. Лахути, В. С. Чернявский, О критериях оценки поисковых систем, 1964, 3; Б. В. Якушин, «Сложение» подфраз как алгоритмический метод выделения из текста предметных понятий для указателя, 1964, 8.

[28] Синтаксические отношения учитываются в системе СМАРТ. См. «Information storage and retrieval. Scientific report No ISR-7 to the National Science Foundation», Cambridge (Mass.), 1964 (ротапринт).

[29] Данный метод впервые был предложен Луном (H. P. Luhn, The automatic creation of literature abstracts, «IBM journal of research and development», II, 2, 1958).

ся как имеющие определенный смысл, выражающие некоторые суждение; связки выражают отношения между суждениями, а не между их истинными значениями). Е. В. Падучева анализирует способы выражения логических связей между элементарными утверждениями на естественном языке, описывает взятый ею фрагмент русского языка, на который можно однозначно переводить формулы информационно-логического языка. В статье определяется понятие «перевод» в точном смысле применительно к языкам исследуемого класса. Продолжением данной работы является статья Е. В. Падучевой «Синтез сложных предложений с однозначной синтаксической структурой (при переводе с информационно-логического языка на русский)» (1964, 6), в которой рассматриваются структурные сходства между сложными предложениями естественного языка и сокращенными вариантами записи формул исчисления высказываний.

Формальные языки. В сборнике затрагиваются также вопросы построения языков для записи алгоритмов. Алгоритмический язык для лингвистических задач предложен С. Я. Фитиаловым («Язык для записи неалгебраических алгоритмов», 1963, 4). Этот язык построен на принципах, сходных с АЛГОЛ'ом[30], но значительно проще последнего, так как ориентирован на более узкий круг задач[31].

В работе В. Б. Борщева и Ю. А. Шрейдера «Неалгоритмические языки программирования» (1964, 12) исследуются формальные языки неалгоритмического типа. Запись задачи в виде так называемой диспозиции отличается от алгоритмической тем, что не предполагается однозначно предписанным путь реализации задачи, а указывается, что можно выполнять на разных стадиях реализации. Такая запись оказывается удобной во многих задачах машинного перевода.

Программирование и ЭВМ. Вопросы машинной реализации алгоритмов, методов кодирования информации и устройства программ, а также принципиальное описание структуры отдельных узлов специализированной электронной цифровой машины, призванной осуществлять «промышленный» машинный перевод, отражены в работах сотрудников ЛМП ВЦ АН АрмССР и ЕрГУ (И. С. Дургарян, Т. М. Тер-Микаэлян, Некоторые соображения о структуре специализированной цифровой машины для языкового перевода, 1964, 2; Р. А. Базмаджян, Т. В. Караустян, Т. М. Тер-Микаэлян, Программная реализация алгоритма армяно-русского перевода; 1963, 12).

*

Как мы видим, большинство работ в сборнике действительно связано с решением различных задач машинного перевода. Вместе с тем постановка этих задач позволяет смотреть на машинный перевод на современной стадии прежде всего как на теоретическую, а не практическую проблему[32]. И в этом смысле развитие идей машинного перевода вносит большой вклад в лингвистическую науку, которая в свою очередь приведет к решению многих практических проблем (не только в области перевода).

А. Е. Кибрик, А. И. Коваль

[30] См.: Г. Боттенбрух, Структура АЛГОЛ-60 и его использование, перевод с англ., М., 1963.

[31] В настоящее время создано несколько языков, функционально подобных данному. См., например: V. N. Yngve, A programming language for mechanical translation, «Mechanical translation», 5, 1, 1958; И. А. Мельчук, О стандартных операторах для алгоритма автоматического анализа русского научного текста, сб. «Машинный перевод», 2, М., 1961 (ротапринт); В. А. Воронин, Операционная запись алгоритма для МП, там же.

[32] Поэтому нам представляется более целесообразным сохранить за лингвистическим разделом сборника название «Лингвистические проблемы».

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1965

РЕЦЕНЗИИ

M. L. Alinei. **Dizionario inverso italiano.** Con indici e liste di frequenza delle terminazioni.— The Hague, Mouton and Co, 1962. 607 стр.

«Обратный словарь итальянского языка» Марио Алинеи является первой публикацией в серии «Лингвистические и лексикографические исследования», издание которой (под руководством Марии Фермин и М. Алинеи) планируется лексикографическим центром Института итальянского языка и литературы при Утрехтском университете (Нидерланды). Это — шестнадцатый из обратных словарей[1], цель которых состоит в том, чтобы с достаточной полнотой представить в определенном виде — в алфавитном порядке по концу слова — лексику того или иного языка. Помимо собственно обратных словарей, существуют словари рифм, в которых, как видно из самого названия, лексика представлена выборочно и в весьма специальном аспекте. Следует, однако, отметить, что в ряде случаев словарь, который называется словарем рифм, принципиально ничем не отличается от обратного словаря, т. е. содержит более или менее полный список лексики данного языка, упорядоченный по графической форме слова и притом в алфавите конечных букв. Таким словарем является, например, словарь Дж. Уокера[2]. Подобные словари следует, не обращая внимания на их название, рассматривать наряду с собственно обратными словарями, поскольку их можно использовать для тех же целей,— в отличие от таких словарей рифм, как, например: P. Martinon, Dictionnaire méthodique et pratique des rimes françaises (Paris, 1962), где слова группируются по заданным рифмам, безотносительно к их написанию, или G. Mongelli, Rimario letterario della lingua italiana (Milano, 1952), в котором лексика представлена в виде групп рифмующихся слов (на-*à*, на *-ato*, на *-etto* и т. д.), причем внутри групп проведен прямой алфавитный порядок. Хотя «настоящие» словари рифм также могут быть использованы в некоторых отношениях в качестве обратных словарей, мы, быть может, несколько произвольно, отказываемся от их рассмотрения, так как их число очень велико, они имеют собственные задачи и особенности, и их анализ выходит за рамки настоящей рецензии.

До 1957 г. были опубликованы обратные словари (преимущественно в виде обратных индексов к «обычным» словарям) только для ряда древних индоевропейских языков[3] (если не считать словарей рифм): латинского, древнегрече-

[1] Литература об обратных словарях: Р. М. Цейтлин, [рец. на кн.:] L. Sadnik, R. Aitzetmüller, Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten, ВЯ, 1957, 3; И. А. Мельчук, [рец. на кн.:] «Dicționar invers», ВЯ, 1958, 6; Р. В. Бахтурина, [рец. на кн.:] «Russisches rückläufiges Wörterbuch»; H. Bielfeldt, Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart, ВЯ, 1959, 5; J. Stindlova, Sur le classement inverse des mots et sur ce qu'on appelle «dictionnaire inverse», «Cahiers de lexicologie», 1960, 2; С. Урбанчик, [Над чем работают ученые], ВЯ, 1960, 6 (сообщается о работе над обратным индексом старопольских слов); J. Dolby, H. Resnikoff, E. MacMurray, A tape dictionary for linguistic experiments, «AFIPS Conf. Proc.», 24, Baltimore — London, 1963 [сообщается о записанном на магнитную ленту (в Корнелльском ун-те, США) обратном словаре английского языка (75 000 слов, на базе «Shorter Oxford Dictionary»)]. Кроме того, см. работы, упомянутые в примеч. 4, 5, 8.

[2] J. Walker, The rhyming dictionary of the English language in which the whole language is arranged according to its terminations. Revised and enlarged by L. H. Dawson (1-е изд. словаря — 1775 г.). В словаре содержится 54 000 слов, упорядоченных в алфавите конечных букв и снабженных толкованиями.

[3] Ср.: H. Grassmann, Wörterbuch zur Rig-Veda, Leipzig, 1873 (обратный индекс в составе словаря); «Laterculi vocum Latinarum. Voces latinas et a fronte et a tergo ordinandas» curavit O. Gradenwitz, Leipzig, 1904; L. Sadnik, R. Aitzetmüller, Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten, The Hague — Heidelberg, 1955 (индекс в составе словаря); P. Poucha, Institutiones linguae tocharicae, pars. 1, Praha, 1955 (индекс в составе словаря);

ского, ведического, санскрита, тохарского, древнеперсидского и старославянского. В 1957 г. в Румынии был опубликован первый обратный словарь современного языка — «Dicţionar invers» (румынского языка). За ним последовали два обратных словаря для русского языка (ГДР — 1958; ФРГ — 1958—1959) и, наконец, рассматриваемый обратный словарь итальянского языка (1962). Кроме того, из литературы известно о подготовке обратных словарей старопольского, венгерского, чешского, армянского и двух словарей французского языка.

Этот краткий перечень позволяет сделать вывод, что обратные словари (ОС) являются актуальными для современных лингвистических исследований. Правда, в предисловиях к ОС отсутствует точная формулировка тех задач, для которых они, по замыслам составителей, предназначаются. Мы попытаемся, однако, кратко охарактеризовать те цели, для достижения которых можно с успехом использовать ОС.

1. Различные задачи текстологического характера. В частности, можно представить себе поврежденную или неразборчивую рукопись, где легко читается лишь конец тех или иных слов и где приходится прибегнуть к конъектурам. В таком случае ОС, где можно сразу найти все слова, оканчивающиеся на заданное буквосочетание, значительно облегчает работу текстолога. Заметим, что ОС весьма полезен и для отыскания возможных вариантных чтений, что особенно важно для исключения произвольных толкований трудночитаемого текста. В качестве второго примера можно назвать трудные случаи словоделения в текстах, в которых не отмечены границы между словами. Здесь также может понадобиться обзор всех возможных начал при данном буквосочетании, которое предположительно считается концом слова. Помимо «непосредственного» использования ОС как справочников, предлагающих ряд возможных решений в тех или иных конкретных случаях, существенно их «косвенное» использование: работа с ОС обогащает интуицию текстолога, развивая в нем способность легко отыскивать в памяти слова с заданным конечным буквосочетанием.

2. К текстологическим задачам примыкают разного рода задачи, связанные с дешифровкой текстов, написанных на известном языке, но с помощью неизвестной письменности или закодированных неизвестным кодом. Зачастую исследователю удается «прочесть» отдельную группу знаков в середине шифрованного текста, не использующего пробелы. В таком случае ОС поможет ему подобрать все слова, оканчивающиеся данной группой знаков, а также все слова, где данная группа знаков стоит в середине словоформы, но непосредственно перед флексией. Ясно, что дешифровщику нужен и прямой словарь — для проверки предположения, что «прочитанная» группа знаков является началом слова; однако отсутствие ОС значительно затруднит и замедлит его работу.

Указанное использование ОС имеет место в действительности. Так, И. Штиндлова сообщает о применении ОС при декодировании перехваченных дипломатических документов (в ФРГ)[4].

3. ОС могут быть полезны при составлении алгоритмов автоматического перевода или, точнее, автоматического морфологического анализа. Так, например, известен следующий метод такого анализа (метод «справа-налево»): у текстовых словоформ отсекаются гипотетические окончания, и оставшаяся часть слова (гипотетическая основа) ищется в словаре. При этом возможны ложные отсечения: **взм-ах* (ср. *букв-ах*), **сухов-ей* (ср. *ножей*), **перек-а-л* (ср. *ков-а-л*) и т. д. Наличие ОС позволяет исследователю легко выделить и правильно учесть подобные случаи.

4. Удобным вспомогательным средством являются ОС и для преподавания морфологии родного или иностранного языков (как словоизменения, так и словообразования). В частности, с их помощью можно подобрать исчерпывающий учеб-

E. Locker, Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache, Göttingen, 1944; C. D. Buck, W. Petersen, A reverse index of Greek nouns and adjectives arranged by terminations with brief historical introductions, London, 1944. Ср. также: S. H. Schäfer, Hochdeutsches Wörterbuch nach den Endsylben geordnet, Weissenfels, 1800; C. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904; J. Sanneg, Französich-deutsches Wörter- und Namenbuch nach den Endungen rückläufig-alphabetisch geordnet. Reim und Ableitungswörterbuch der französischen Sprache, Hannover, 1908—1911; Х. Галфаян, Рифмовник, или словарь рифм армянского языка, Феодосия, 1862 (37 500 слов древне-, средне- и новоармянского языков); Х. Атанасян, Рифмовник и сокровищница армянского языка, Бейрут, 1961 (на основе «Этимологического словаря» Г. Ачаряна; при словах даны толкования) (сведения о словарях Галфаяна и Атанасяна авторам любезно предоставил Т. М. Тер-Микаэлян); «Normal and reverse English word list (in 8 volumes). Under the direction of A. F. Brown», Univ. of. Pennsylvania, 1963.

[4] J. Štindlová, Retrográdní slovníky, SaS, XXI, 4, 1960.

ный и иллюстративный материал по определенным суффиксам и разным типам основ. Особенно важно, что ОС позволяет получить количественную характеристику (т. е. сведения о распространенности) тех или иных словоизменительных и словообразовательных моделей.

5. Однако, по-видимому, основным назначением ОС является его использование в качестве вспомогательного средства при лингвистических исследованиях в области морфологии. Приведем примеры.

а) При изучении какой-либо словообразовательной модели, например отыменных глаголов с суффиксом *-Ø-/-и-(ть)*, важно установить ее продуктивность, т. е. возможность образования новых глаголов такого типа. Продуктивность же может зависеть от морфологического строения производящих именных основ (наличие суффиксов, выделяемых в современном языке или невыделяемых — «исторических» и заимствованных; сложность основы). В частности, среди глаголов на *-Ø-/-и-(ть)*, зафиксированных словарями, большинство образовано от непроизводных имен: *утюг — утюжить*, *партизан — партизанить*, *осел — ослить*, *стыд — стыдить* и т. д. Однако среди них встречаются глаголы, образованные от имен типа *бродяга* (*бродяжить*), *босяк* (*босячить*), *школяр* (*школярить*), где вопрос о производности/непроизводности достаточно сложен, но где тем не менее говорящими безусловно ощущаются значимые части (*бродить*, *босой*, *школа — -яга*, *-як*, *-яр*). Допустим, желательно выяснить, насколько продуктивно образование глаголов на *-Ø-/-и-(ть)* от основ такого типа. Ответить на этот вопрос помогает ОС, в котором сгруппированы все слова с одинаковым конечным морфологическим элементом.

б) Только с появлением ОС становится реальным исчерпывающее систематическое изучение различных морфонологических процессов (чередований) в основах. Дело в том, что большинство таких процессов (по крайней мере в «суффиксальных» языках) осуществляется в конце основ; поэтому необходимо располагать полными перечнями основ с одинаковым фонемным (в словаре — графическим) исходом, что и обеспечивает ОС. В частности, он позволяет исследовать распространенность известного чередования (число морфем, в которых оно имеет место) и его регулярность (отношение числа морфем, в которых чередование имеет место, к числу морфем, в которых оно могло бы иметь место: например, для чередования *г → ж* регулярность — это отношение числа основ с чередованием *г → ж*, типа *друг/дружеский*, к числу всех основ на *-г*, в том числе и тех, где чередование не происходит, типа *герцог — герцогский*), а также его продуктивность.

в) ОС может быть полезен и при изучении звуковой стороны языка. Так, при исследовании сочетаемости согласных фонем в данном языке предпочтительно рассматривать превокальные (начальные) и поствокальные (конечные) группы согласных, поскольку для них (в отличие от срединных групп) отсутствуют трудности, связанные со слогоделением. ОС позволяет легко обнаружить все допустимые в рассматриваемом языке конечные группы согласных (для чего, разумеется, необходима его достаточная полнота, в частности включение всех форм слов).

Сказанное не исчерпывает всех возможных задач, которые могут решаться с применением ОС. Это, однако, не входит в наши цели. Мы ограничимся сказанным и непосредственно перейдем к рассмотрению обратного словаря М. Алинеи [5].

Объем ОС Алинеи — 43 506 слов; все они взяты из словаря «Prontuario etimologico della lingua italiana» Б. Мильорини и А. Дуро (3-е изд., Torino, 1958), за исключением 200 слов, добавленных составителем ОС; кроме того, в ОС не вошли слова с префиксом *ante-* и собственные имена из «Prontuario». Составитель выбрал этот словарь как вполне надежное собрание основной лексики итальянского языка, содержащее все необходимое и вместе с тем вполне достаточное для самых разных целей. При составлении ОС были приняты следующие правила: 1) для алфавитного упорядочивания слов ударение в расчет не принималось; 2) отдельно фиксируются только исторические омонимы (омографы); 3) слова, допускающие два различных ударения, заносятся дважды, однако ударение отмечается в словаре только в тех случаях, когда оно предусмотрено итальянской орфографией. Поэтому в ОС можно встретить повторения типа *metonimia metonimia* без каких бы то ни было поясняющих помет (в итальянской речи допускается двоякое произношение: *metonimia* или *metonimía*)[6]; 4) местоименные глаголы (accorgersi)

[5] Ср.: G. C. Lepsky, [рец на кн.:] M. L. Alinei, Dizionario inverso Italiano. Con indici e liste di frequenza delle terminazioni..., «Linguistics», 3, 1964.

[6] Заметим, что в «Prontuario» Б. Мильорини и А. Дуро ударение обозначено во всех сколько-нибудь затруднительных случаях: слова с ударением на третьем слоге от конца (parole sdrucciole), слова с ударным суффиксом *-ía* и т. п., например, *evòlvere*, *mandmetro*, *eufonía* и т. д. Нам кажется, что эти указания об ударении опущены в ОС напрасно, так как их отсутствие может доставить неудобство иностранному читателю.

даны в двух видах — местоименном (accorgersi) и без местоимения (accorgere), хотя бы эта форма и была в языке неупотребительна.

Подчеркнем, что в ОС М. Алинеи, как и во всех прочих известных нам ОС, какие бы то ни было лексикографические пометы отсутствуют. Иначе говоря, данный ОС представляет собою просто список слов, упорядоченных по алфавиту конечных букв, т. е. обратный индекс к «Prontuario».

Отметим три особенности ОС М. Алинеи, отличающие его от всех других известных нам обратных словарей.

1. В словарь М. Алинеи включена лексика только о д н о г о «обычного» словаря.

Напомним, что, например, в ОС румынского языка вообще не указаны словарные источники; в ОС русского языка Г. Бильфельдта собрана лексика нескольких словарей: «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «Словаря русского языка» С. И. Ожегова с добавлениями из «Орфографического словаря» и I тома Академической грамматики; а ОС русского языка Греве и Крёше под ред. Фасмера включает лексику многих словарей от Даля до современных терминологических словарей с дополнениями непосредственно из текстов. При этом во всех этих словарях отсутствуют указания на лексикографический источник [7].

В результате читатель такого ОС вынужден иметь дело с крайне пестрой и неоднородной лексикой, относящейся к разным временным пластам, к разным стилям, к различным терминологическим системам, а иногда даже и к разным диалектам. Очевидно, что ОС, представляющий собой обратный индекс к одному словарю (который составляется обычно для четко определенного хронологического периода и определенного круга лексики: общенародной, диалектной, терминологической и т. д.), обеспечивает гораздо большую однородность материала, что важно для любых исследований. Кроме того, «переворачивание» одного конкретного словаря оказывается гораздо проще в техническом отношении.

Смешение в одном ОС лексики из разных источников неудобно (помимо неоднородности материала) прежде всего потому, что читателю будет трудно находить то или иное слово из ОС в соответствующем словаре-источнике для получения словарной информации о нем. Выбрав из ОС некую группу нужных ему слов и желая получить сведения о сфере их употребления, грамматических свойствах, значении и т. д., читатель должен будет обращаться ко многим словарям-источникам с риском не найти нужные ему слова ни в одном из них, если, например, авторы добавили эти слова непосредственно из текста. Поэтому, если в целях большей полноты ОС решено объединить в нем лексику из нескольких источников, совершенно необходимо указывать источники для каждого слова [8].

Это, разумеется, не относится к ОС, которые могут быть созданы как оригинальный лексикографический труд — на базе собственной картотеки, со своими принципами отбора лексики и т. д. Но в таком ОС каждое слово должно иметь при себе определенную словарную статью. Такой ОС будет иметь целый ряд очевидных достоинств, но требует очень большого труда.

2. ОС М. Алинеи был составлен с помощью счетно-аналитических машин (с использованием перфокарт). К сожалению, автор не сообщает каких-либо подробностей о методике работы.

Вряд ли требуется специально обосновывать целесообразность механизации лексикографической работы [9], а в особенности такой, как составление ОС — обратных индексов к существующим словарям. Словарь М. Алинеи является первым результатом осознания этой целесообразности. Аналогичным образом, т. е. с использованием современной вычислительной и счетно-аналитической техники составляется упомянутый выше ОС венгерского языка.

3. Специфической особенностью и несомненным достоинством словаря М. Алинеи являются числовые данные о количестве слов с заданным окончанием (по одной, по двум и по трем буквам). В конце перечня слов с одинаковым концом стоит цифра, указывающая число слов с этим окончанием. Например, при слове *aguzzata* стоит 822: это означает, что в словаре 822 слова с окончанием *-ata*. При слове *ruzza* стоят три цифры: 499, 1000 и 10 211; первая из них соответствует числу слов с окончанием на *-zza*, вторая — числу слов, оканчивающихся на *-za* и третья — числу слов на *-a*.

[7] См.: «Dicţionar invers», Bucureşti, 1957; H. H. B i e l f e l d t, Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart, Berlin, 1958; R. G r e v e, B. K r o e s c h e, Rückläufiges russisches Wörterbuch, Berlin—Wiesbaden, 1958—1959.

[8] Заметим, что подготовляемый в настоящее время ОС венгерского языка строится также на базе одного толкового словаря венгерского языка (L. O r s z á g h, A magyar nyelv értelmező szótára, 1—7, Budapest, 1959—1962. 60 000 слов). См.: Ф. П а п. О готовящемся обратном словаре венгерского языка, «Computational linguistics», III, 1964.

[9] См. обзор Р. М. Фрумкиной «Автоматизация исследовательских работ в лексикологии и лексикографии» (ВЯ, 1964, 2). Там же указана некоторая литература по этому вопросу.

В приложении к словарю даны три частотные таблицы — конечных букв, конечных диграмм и конечных триграмм. Все таблицы устроены одинаково.

№ по порядку	Буква (диграмма, триграмма)	Абсолютная частота	Частота в процентах	Кумулятивная частота [10]	Количество окончаний с одинаковой частотой

Окончания упорядочены по частоте (в пределах одинаковой частоты — по алфавиту), начиная от самых частых.

Любопытно отметить относительные частоты некоторых конечных букв. Так, на долю трех самых частых букв (*-е*, *-о*, *-а*) приходится 97,568%: *-е* — 37,917%, *-о* — 36,181%, *-а* — 23,470%, тогда как на все согласные вместе — около 0,5% (напоминаем, что речь идет о частотах в словаре, а не в тексте). Интересно также, что 15 самых частых конечных триграмм (51,479%) оказываются суффиксами, суффиксоидами или элементами известных суффиксов. Вот эти 15 триграмм:

-are	*-ere*
-one	*-ire*
-nto (-mento...)	*-ato*
-ore (-tore)	*-ata*
-ico	*-ale*
-ile (-abile,...)	*-rio (ario,...)*
-ita	*-oso*
-ura	

Подобные подсчеты могут быть очень полезны при использовании ОС для разных целей. Сам автор указывает в предисловии, что намеревается продолжить подсчеты, распространив их на большее количество конечных букв. Приветствуя это разумное намерение, отметим, однако, что максимальная длина окончания, для которого такие подсчеты целесообразны, определяется в каждом конкретном языке его морфологическими и морфонологическими особенностями. А именно, она должна быть такой, чтобы обеспечивать охват подсчетами конечных буквенных групп всех морфологических элементов слова. Так, для итальянского языка эта длина явно больше пяти: во-первых, имеются пятибуквенные суффиксы (например, *-mento*, *-abile*), во-вторых, в глаголах на *-are*, *-ere*, *-ire* желательно учитывать при подсчетах конечные буквы основ, в-третьих, возможно последовательное присоединение суффиксов и т. д.

Теперь мы позволим себе высказать два пожелания, относящихся не только к ОС М. Алинеи, но и вообще к словарям такого типа.

Первое из них касается включения в ОС в с е х форм слов, а не только одной словарной (или «основной») формы слова. Не считая нужным специально обосновывать это условие, укажем в качестве примера два случая, когда наличие в ОС косвенных форм слов крайне желательно. 1) Для фонологических исследований могут представлять интерес конечные группы согласных. В таком языке, как русский, для этой цели нужно рассмотреть все формы с нулевой флексией, а таковыми могут оказаться не только словарные, но и «косвенные» формы. Для конечной группы /зг/ мало, чтобы в ОС были даны именительные падежи *визг*, *мозг*, *лязг*, нужны еще родительные падежи *брызг*, *дрязг* и т. д. 2) Косвенные формы могут понадобиться для изучения конечных морфонологических чередований, особенно если это чередование недостаточно регулярно. Не случайно, по-видимому, в ОС Г. Бильфельдта помещены некоторые косвенные формы, как *короче*, *туже*, *ближе* и т. д. Можно представить себе два способа отображения в ОС всех форм слов. Первый состоит в том, что в ОС на равных основаниях включаются все — и основные словарные, и косвенные формы — в общем алфавите по концу слова. Такое решение ведет к очень значительному увеличению объема словаря и приемлемо, по-видимому, лишь для языков со слабо развитой морфологией. При втором способе в словарь помещаются только основные формы слов, как это и принято в настоящее время. Однако словарь снабжается специальной инструкцией, в которой точно указано, какие группы слов (с заданным окончанием в словарной форме) и в каких именно формах могут оканчиваться интересующим нас сочетанием.

Именно такой способ предлагается для ОС русского языка И. А. Блиновым в его неопубликованных материалах. Например, при словах на *-б* (в русском ОС) типа *баобаб*, *раб*, *араб*... *хлеб*, *погреб* . . . и т. д. надо указать еще, что на *-б* могут оканчиваться также существительные на *-ба* типа *шуба* в родительном множественного, прилагательные на *-бый* типа *слабый* в краткой форме муж. рода ед. числа, некоторые глаголы на *-сти* и *-бнуть* типа *скрести* и *погибнуть* в ед. числе муж. рода прошедшего времени (здесь нами использован пример И. А. Блинова). Мы не будем останавливаться на вопросе оформления подобной инструкции в виде специального приложения или в виде частных указаний при словах в словаре, однако считаем, что предложенный И. А. Блиновым способ

[10] Т. е. частота в процентах всех окончаний «сверху» до данного включительно.

целесообразно применять при отображении в ОС всех форм слов. Заметим, что попытки учесть все формы слов уже имели место в словарях рифм[11].

Второе пожелание относится к пометам при словах в обратном словаре. Из этих помет наиболее важной и необходимой является: 1) отсылка к словарю-источнику, если для данного ОС были использованы несколько словарей. При наличии такой пометы все остальные пометы становятся, строго говоря, излишними, поскольку читатель всегда найдет их в словаре-источнике. Однако, по-видимому, для удобства читателя целесообразно помещать некоторые пометы в самом ОС; их не должно быть слишком много, чтобы не загромождать словарь и не создавать лишних технических трудностей. Состав словарных помет в очень большой степени зависит от характера словаря-источника, типа языка и т. д. Поэтому вряд ли можно дать общие рекомендации, и мы ограничимся указанием на то, что другими, по-видимому, наиболее полезными для читателя пометами являются следующие: 2) часть речи; при этом предполагается, что омонимы, принадлежащие разным частям речи, приводятся в словаре отдельно; 3) омонимия; эта помета может быть «раскрыта» указанием значений омонимов; 4) специальные пометы для неосновных форм, например, pluralia tantum, «преимущественно мн. ч.» и т. д.; 5) наличие разного рода вариативности, типа *рельс — рельса*, *шкап — шкаф*, (итал.) *metonímia — metonimía*, *твóрог — творóг*.

Разумеется, как бы ни была отобрана система помет для ОС, наиболее важным остается ее внутренняя последовательность и увязанность со словарями-источниками. В противном случае пометы вместо того, чтобы помогать читателю, становятся ненужным балластом.

Р. В. Бахтурина, И. А. Мельчук

[11] Для русского языка см.: Л. Д. Шаховская, Словарь рифм русского языка, М., 1890; Н. А. Абрамов, Полный словарь русских рифм. Русский рифмовник, СПб., 1912.

Г. Джаукян. **История языкознания.** Т. I — Ереван, Изд-во Ереванского ун-та, 1960. 636 стр.; т. II — Ереван, Изд-во Ереванского ун-та, 1962. 602 стр. (на арм. языке)

История языкознания занимает видное место в кругу лингвистических дисциплин, и тем не менее ни в советской, ни в зарубежной лингвистической литературе нет трудов, в которых история языкознания излагалась бы со времени ее зарождения до наших дней в более или менее широком охвате. В частности, нет вузовских учебников, которые освещали бы главные моменты истории языкознания с правильных методологических позиций.

В существующих трудах по истории языкознания (Томсена, Педерсена, Дельбрюка, Аренса, Милевского и др.), как правило, в центре внимания почти всегда находится история западноевропейского языкознания XIX в., не затрагивается русская наука о языке, а также все предыдущее развитие языкознания Древнего Востока и античного мира.

Недостатки этих трудов не ограничиваются характером охвата материала. Еще более важным является отсутствие в них единого принципа периодизации и систематизации материала. Эта задача изучения истории языкознания в существующих трудах далеко еще не разрешена.

Двухтомная «История языкознания» Г. Б. Джаукяна отличается от предшествующих трудов по истории языкознания прежде всего стремлением автора выработать единые принципы периодизации истории языкознания и систематизации накопленного материала.

Традиционная периодизация делит всю историю языкознания на два периода — «донаучный» (до XIX в.) и научный (после XIX в.). В своей книге Г. Б. Джаукян критически пересматривает это деление как неточно отражающее картину развития языкознания. Традиционная периодизация возникла в XIX в., когда единственно научной точкой зрения считалась историческая и, естественно, весь предыдущий период не получал должной оценки. Между тем именно до XIX в. выработалось статическое изучение языка, были разработаны такие приемы анализа структуры языка и систематизации материала, которые применялись и самими представителями сравнительно-исторического языкознания. В наше время, когда слышатся голоса против одностороннего историзма и пересматриваются методы лингвистического изучения,

все еще продолжается некритическое использование данной периодизации. В то же время, по мнению автора, ошибочно считать, что в XIX в. языкознание полностью оформилось и выделилось в самостоятельную науку о языке. В эту эпоху оно подверглось сильному воздействию, с одной стороны, биологических наук, с другой — психологии, причем методы исследования этих наук были механически перенесены в науку о языке. Лишь в XX в. в языкознании происходят коренные изменения. Г. Б. Джаукян считает, что подлинно самостоятельная языковедческая точка зрения вырабатывается именно в XX в., когда делаются попытки пересмотреть одностороннее увлечение сравнительно-историческими исследованиями и освободить языкознание от влияния других наук, не смешивая его с ними.

Еще меньше единства в вопросе систематизации материала, который обычно систематизируется то по авторам или направлениям, то по разделам и дисциплинам языкознания, то по важнейшим проблемам, выдвинутым в данную эпоху, и т. п.

Стремясь преодолеть эти недостатки, Г. Б. Джаукян в своей «Истории языкознания» выдвигает новые принципы периодизации и систематизации материала, считая, что для их выработки следует исходить из тех главных проблем, которые составляют предмет языкознания. Эти проблемы можно выделить в две группы: 1) проблемы теоретического языкознания (концепции), к которым относятся вопросы о сущности языка, о его взаимоотношении с другими явлениями, о его происхождении и функционировании, а также о месте языкознания среди других наук; 2) проблема методов изучения языка, приемов исследования и систематизации языкового материала, выделения и группировки языковедческих дисциплин и разделов языкознания.

В основе периодизации, выработанной Г. Б. Джаукяном, лежат прежде всего сдвиги в методе исследования. Действительно, переломные периоды в истории языкознания характеризуются главным образом возникновением нового метода или, вернее, новых научных принципов, лежащих в основе исследовательских приемов. Так, в начале XIX в. неисторический метафизический подход к изучению языковых фактов сменился историческим, что было важным шагом к выработке диалектического подхода к языку. XX век также ознаменован новым методом исследования, стремлением создать приемы статического анализа, применимого к различным языковым структурам.

Развитие метода неизбежно сказывается на методологии (концепциях). Метод и теория взаимосвязаны, и нередко недостатки и достоинства метода определяются характером теории. Так, сдвиги в методе исследования в XIX в. были связаны, с одной стороны, с практическими потребностями изучения языкового материала, а с другой — определялись господствовавшими в языкознании логицизмом, натурализмом и психологизмом.

Исходя из этого, Г. Б. Джаукян при выделении подпериодов принимает во внимание так сказать направленность метода, т. е. то обстоятельство, какой своей стороной метод, господствующий на данном этапе развития, направлен к удовлетворению потребностей общества, как он соотносится с методами предыдущего периода и с какими языковедческими концепциями связано его возникновение и существование. При известном упрощении можно сказать, что метод кладется в основу хронологической группировки, а теория (концепция) — в основу пространственной, причем принцип выделения подпериодов перекидывает мост между ними.

Разбив всю историю языкознания на отдельные периоды, каждый из которых выделяется по основному методу исследования, Г. Б. Джаукян делит каждый период на несколько подпериодов по строго хронологическому принципу. Изложение материала, относящегося к тому или иному подпериоду, начинается с вводных замечаний, где рассматриваются исторические условия, которыми были обусловлены характер и тип языковедческой работы в данный промежуток времени. Затем дается анализ концепций и направлений с характеристикой отдельных представителей. И, наконец, выделяются характерные для данного подпериода отдельные области языковедческой работы: а) по общему языкознанию; б) по изучению индоевропейских языков; в) по изучению неиндоевропейских языков. В конце каждого подпериода приводится относящаяся к нему основная литература на соответствующих языках.

Важно отметить, что, характеризуя языковедческие исследования каждого подпериода, автор исходит из выделенных им 11 моментов, благодаря чему отчетливо выявляются отличия одного подпериода от другого: 1) временной фактор языковых исследований; 2) господствующий метод исследования; 3) восприятие структурных элементов языка и их взаимоотношений; 4) восприятие взаимоотношений между формой и содержанием лексических единиц (значением и звучанием); 5) характер анализа основных языковых единиц; 6) выделение определенного аспекта в изучении языков; 7) целенаправленность языковедческой работы; 8) степень обобщения материала; 9) восприятие и трактовка взаимоотно-

шений между языками; 10) восприятие связи между языком и смежными явлениями, между языкознанием и другими областями познания; 11) восприятие и трактовка взаимоотношений между языком и мышлением. Таким образом, вырабатывается единый подход в изучении отдельных периодов истории языкознания.

Исходя из этих принципов, автор делит всю историю языкознания на три основных периода: 1) с его зачатков по XVIII в. включительно, 2) XIX в., 3) XX в. Это традиционное хронологическое деление автор, как было сказано, обосновывает характерными особенностями метода исследования каждого периода, чем обусловлено и их наименование.

I. Период оформления статически - аналитического языкознания (охватывает древнее языкознание — от зачатков лингвистических знаний — и дальнейшее его развитие вплоть до конца XVIII в.). Здесь выделены 3 подпериода:

1. Апостериористический изоляционизм, где рассматриваются первые шаги языкознания в различных странах древнего мира (Египте, Междуречье, Китае, Греции и Риме). Лингвистические центры в это время еще изолированы друг от друга, лингвистические выводы строятся на фактах отдельных языков и скованы особенностями этих языков.

2. Априористический догматизм охватывает средние века, когда языковедческие знания подчиняются религиозной идеологии, в результате чего лингвистические выводы и обобщения имеют априористический характер.

3. Эмпирико-технический и рационалистический универсализм (эпоха Возрождения и XVII—XVIII вв.). С постепенным преодолением ограниченности языковедческого кругозора и сковывающего влияния церкви возникает потребность выработать приемы описания языков с различными структурами, что осуществляется преимущественно на базе принципов эмпирико-технической грамматики латинского языка. В то же время пересматриваются с позиций рационализма все предыдущие положения о языке и делаются попытки создать рациональные принципы, применимые ко всем языкам.

II. Период формирования сравнительно - исторического языкознания (XIX в.). Здесь также выделяется три подпериода:

1. Генетический компаративизм (первая половина XIX в.). На базе предыдущих опытов сбора, классификации и трактовки языковых фактов, а также на основе общих идей, установившихся в науке, зарождается сравнительно-историческое языкознание, в центре внимания которого находятся генетические проблемы — вопросы происхождения народов и формирования грамматической структуры языков, причем ключом для разрешения этих вопросов считается сравнение языков (родственных).

2. Реконструктивный компаративизм (третья четверть XIX в.). Развитие, с одной стороны, естественных наук (в частности, биологии) и психологии, с другой — материал, накопленный в результате сравнительного изучения языков, приводят к сдвигам в развитии сравнительно-исторического языкознания. Продолжая рассматривать сравнение языков как главное средство их изучения, языковеды пытаются выяснить первоначальные формы сравниваемых языков и ставят целью реконструировать языки-основы, служившие источником их образования.

3. Номотетический (законодательный) эволюционизм (последняя четверть XIX в.). Открытия в области естественных наук и достижения психологии, с одной стороны, и установление в языкознании ряда важных фонетических законов — с другой, создают уверенность, что языкознание может стать наукой, руководствующейся совершенно точными законами. Вместе с тем, не без влияния эволюционного учения Дарвина, языковой процесс начинает представляться как непрерывный ряд незаметных эволюционных изменений, и единственно возможной научной точкой зрения признается историческая.

III. Период формирования системно - аналитического языкознания (XX в.). Автор выделяет в этом периоде раздел досоветского и зарубежного языкознания и раздел советского языкознания.

В первом разделе выделены следующие подпериоды:

1. Функционалистический синхронизм. Языковедческим направлениям этого периода присуща критика одностороннего историзма младограмматиков, борьба против дробления языковой целостности («атомизма»), против узкого эмпиризма. Эти направления рассматривают язык с функциональных позиций в широком смысле этого слова. Выдвигаются две основные тенденции современного языкознания — подход к языку как системе и анализ языка путем его описания. Здесь рассматриваются такие направления, как психологизм и психофизиологизм, логицизм, эстетизм, социологизм, культурно-этнологическое направление и «этнопсихологизм», функционализм, формализм (морфологизм).

2. Структурный делимитационизм. Языковедческие исследования и взгляды предыдущего периода дают основание считать имманентное структурное исследование языка основной областью языкознания и показы-

вают необходимость разграничивать язык от других явлений, а языкознание — от других наук. В связи с этим оформляется также ряд смежных с языкознанием и другими науками дисциплин, представители которых, считая структурный анализ основной целью языкознания, занимаются изучением языка в целях психологии, физиологии, социологии, кибернетики, теории информации и т. д. Тем самым делаются попытки разграничения различных аспектов изучения языка. Здесь дается анализ различных структурных школ, начиная с 1930-х годов до наших дней.

Во втором разделе исследуется советское языкознание, которое развивалось отличным от западноевропейского языкознания путем, преодолевая в своем развитии влияние идеалистических и вульгарно-материалистических концепций и критически используя языковедческое наследие прошлого.

Раздел начинается с вводных замечаний о предпосылках и условиях формирования советского языкознания, о характере и видах языковедческой работы в первые годы существования советского строя. Рассматривается, в частности, практическая работа по созданию алфавитов, описанию и нормированию языков народностей Советского Союза, ранее не имевших письменности.

В периодизации советского языкознания автор придерживается чисто хронологического принципа. К первому этапу, который он выделяет («Этап формирования и господства „нового учения о языке“. 1924—1950 гг.»), он относит и концепции таких языковедов, как Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов, которые ни в коей мере не разделяли взглядов сторонников «нового учения о языке» и идеи которых нашли свое развитие именно в языкознании последующих лет. Второй выделяемый Г. Б. Джаукяном этап охватывает период с 1950 г. всего лишь по 1957 г.

То обстоятельство, что в труде Джаукяна не нашел никакого отражения наиболее интересный и важный для советского языкознания период после 1957 г., не выявлено соотношение направлений в современном советском языкознании, уже четко наметившихся к 1962 г. (когда вышел в свет второй том «Истории языкознания» Джаукяна), является наиболее существенным пробелом рецензируемой книги.

Предложенная периодизация вызывает возражения и в некоторых других своих частях.

Прежде всего нам кажется не вполне убедительной общая характеристика истории языкознания XIX в. Г. Б. Джаукян отрицает самостоятельный характер языковых исследований XIX в., считая, что, хотя введение понятия историзма способствовало выработке нового метода исследования (почему он и выделяет XIX в.), языкознание все еще оставалось связанным с другими науками и рассматривалось как часть естественных наук или как особое приложение к психологии. Автор полагает, что наука о языке стала подлинно самостоятельной лишь в XX в., с оформлением системно-аналитического языкознания. Трудно согласиться с таким мнением.

Не отрицая тезиса Джаукяна о том, что неверно делить историю языкознания на донаучный и научный периоды, нельзя не признать в то же время, что несмотря на преемственную связь с предыдущей эпохой, на базе которой и стало оформляться языкознание XIX в., в нем произошли коренные качественные сдвиги. Понятие историзма не только способствовало созданию нового метода исследования, но и ставило перед учеными задачу — сделать язык объектом самостоятельного изучения, необходимость чего была обоснована В. Гумбольдтом. Другое дело, что в поисках путей объяснения языковых фактов языковеды опирались на естественные науки, психологию и т. п.

Хронологический принцип классификации связан с определенными трудностями, из-за чего не всегда удается провести четкие границы и уточнить место того или иного языковеда в принятой периодизации. Так, например, Бернарди, деятельность которого приходится на рубеж XVIII и XIX вв. и в трудах которого нашла свое обобщение исследовательская работа XVIII в., отнесен автором к XIX в. Хотя работы Бернарди и оказали сильное влияние на Гумбольдта, по нашему мнению, целесообразнее относить его деятельность к концу XVIII в. и начинать XIX в. с исследований Боппа и Гримма, которые существенно отличались от умозрительных трудов ученых XVIII в. Еще труднее согласиться с отнесением концепций Л. В. Щербы и Е. Д. Поливанова к «этапу формирования и господства „нового учения о языке“».

Выработав свои принципы периодизации и свои наименования отдельных периодов, автор, однако, не всегда последователен в их применении (ср., например, употребление в ряде случаев двойных наименований, одно из которых определяется принципом автора, а другое приводится по традиции: так, под общим заглавием «Психофизиологизм» даются как его разновидности названия: младограмматики, казанская лингвистическая школа, московская лингвистическая школа и т. д.). Нередко наименования, предлагаемые автором с тем, чтобы точнее характеризовать исследуемую эпоху, все же весьма условны (номотетический эволюционизм, структурный делимитационизм и т. п.).

Охватывая огромный материал, начи-

ная с языкознания древнего Египта и кончая лингвистикой наших дней, книга Г. Б. Джаукяна затрагивает буквально все области языковедческих исследований, начиная с крупных узловых проблем и кончая разработкой частных вопросов языкознания. При этом характеристики языковедов и анализ их трудов строятся на широком историческом фоне с учетом методологических основ отдельных школ и направлений с позиций марксистского языкознания. Автор объективно оценивает взгляды того или иного языковеда, причем, наряду с анализом трудов крупных ученых, упоминаются труды и малоизвестных или незаслуженно забытых авторов, внесших свой вклад в развитие науки о языке.

В рецензируемой книге, представляющей собой первую серьезную попытку обобщения истории науки о языке, сделан первый шаг в выработке рациональных принципов периодизации истории языкознания. Остается пожелать, чтобы книга Г. Б. Джаукяна была переведена на русский язык и стала доступной широким кругам языковедов.

А. И. Мовсесян

H. Pilch. **Phonemtheorie,** I Tl. — Basel — New York, S. Karger. 1964. XIV + 153 стр. («Bibliotheca phonetica», 1)

Едва ли надо доказывать, что современная структурная лингвистика все еще находится в стадии становления и что в отношении теоретической законченности и строгости фонология намного опередила прочие отделы лингвистики, несмотря на то, что характерное для последних 10—15 лет обращение к апробированным в «высшей инстанции» — математике методам исследования языка характерно прежде всего для синтаксиса. Но даже при том прогрессе, который был сообщен фонологии блестящими усилиями пражских, американских и московских энтузиастов, эта наука в ее современном состоянии не может полностью удовлетворить ни тех, кто ею занимается par excellence, ни даже тех, кто просто прибегает к ее услугам. Фонология, как она может мыслиться на общем фоне научной мысли второй половины XX в., требует неотложного и кардинального развития. Несомненный прогресс фонологии на протяжении 30 лет происходил, к сожалению, за счет прогресса в филиации и сепаратизации различных фонологических школ и направлений,— прогресса, грозящего вообще растворить фонологию в множестве «фонологий» и уже сейчас требующего немалых усилий на пути достижения взаимопонимания между представителями разных фонологических концепций. Идея создания единой фонологической теории «носится в воздухе», и все-таки трудно еще представить, с чего же надо начинать и в каком направлении двигаться; именно в связи с этим рецензируемая книга заслуживает всестороннего рассмотрения.

Книга Г. Пильха состоит из предисловия, введения и пяти глав с приложением индекса элементарных терминов на разных языках (немецком, английском, французском, шведском и русском). Первые три главы посвящены вопросам фонологической синтагматики и структуры слога и слова (гл. I), фонологического сходства и тождества (гл. II—III). В четвертой главе рассматривается проблема сегментации и классификации сегментов; пятая глава содержит описание фонологических систем, представленное как соотношение двух моделей, называемых автором «модель I» и «модель II». Книга заканчивается кратким резюме на немецком, английском и русском языках. Имеется список литературы, охватывающей в основном ряд общих пособий и исследований по фонетике и фонологии, преимущественно литература последнего десятилетия.

По мнению автора, общая теория фонологии не должна представлять вавилонского смешения разных школ и мнений (стр. 7). При всей бесспорности этой истины самый факт подчеркивания ее налагает на автора ответственность за то ожидание, на которое настраивает читателя столь ясное и категорическое утверждение. Правда, автор оговаривается, что его исследование не претендует на оригинальную теорию, а лишь обосновывает определенную постановку вопроса о целях и методах фонологических разысканий, сопровождаемую критическим пересмотром состояния и разработки отдельных проблем, и представляет, таким образом, общее введение в теорию фонологии. Книга Г. Пильха, по замыслу самого автора, рассчитана на нестандартный подход. Адресована она, как указывается в предисловии, в первую очередь студентам (она представляет переработанный цикл лекций, читанных в университете в Упсале) и людям, начинающим знакомство с фонологией. Для чтения ее не требуется никаких предварительных знаний (что по-своему очень ценно), даже напротив — отсутствие каких-то знаний весьма желательно, дабы избежать мешающего взаимопониманию «фонологического предубеждения». Таким образом, если автор действительно решил следовать этому принципу, то

своим предисловием он дает понять, что специалистам-фонологам вряд ли есть смысл браться за изучение книги, хотя, с другой стороны, намерение автора описать основы фонологии в плане обобщенной фонологической теории не может не заинтересовать любого специалиста. В сугубо фонологическом плане книга Г. Пильха призвана решить по крайней мере две исключительно близкие каждому фонологу задачи: преодолеть все еще ощутимый разрыв фонетики и фонологии, покончив с жесткой дихотомией langue — parole, и показать несостоятельность тезиса, будто фонология не может постичь язык как историческое явление. Разумеется, первая задача ориентирована не на механическую элиминацию соссюровской дихотомии, усиленной Трубецким, а на сложное и осторожное интегрирование фонетики и фонологии, противопоставление которых, по мнению Г. Пильха, искусственно с точки зрения языкового сознания и речевой практики. Помня об этом, автор с самого начала отказывается от термина «фонология», долгое употребление которого в паре с «фонетикой» неизбежно вызывает в памяти представление об одиозной дихотомии, подлежащей преодолению. Отсюда и название книги и производные понятия типа «фонематический» вместо «фонологический» и т. п. (стр. XIII). Что же касается второй задачи, то те единичные исследования, которые известны и на которые ссылается автор [1], не могут заполнить указанного пробела, и актуальность данной задачи постоянно возрастает, что обусловлено также взаимной потребностью теоретиков фонологии и историков языка проверить свои законы и гипотезы по другой соссюровской координате [2]. Более того, для осуществления этого полезного синтеза имеются достаточные основания и предпосылки, поскольку наблюдения показывают, что нередко «операционные понятия и вспомогательные построения, используемые в оптимальном синхронном описании, в той или иной мере соответствуют понятиям и построениям, известным из истории данного языка» [3].

Таким образом, нетрудно убедиться, что общетеоретическая значительность задач, поставленных Г. Пильхом, придает отнюдь не элементарный характер тому элементарному курсу фонологии, который он намерен изложить. К сожалению, рецензируемая книга представляет собой лишь первую часть монографии, материал которой рассматривается самим автором как своего рода предварительная дефиниционная модель теории фонологии. Отдавая себе отчет в недостаточной строгости и гибкости некоторых определений, Г. Пильх ссылается на вторую часть, где теория фонологии получит более точную и емкую формулировку, включая в себя развернутый анализ проблемы сегментации, оппозиций, дифференциальных признаков и т. д. Там же предполагается рассмотреть и вопрос о возможностях фонологии в диахронических исследованиях. Это обстоятельство затрудняет рассмотрение первого тома. И ввиду того что слишком конкретные и окончательные заключения рецензента — как позитивные, так и негативные — могут быть преждевременными, представляется целесообразным воздержаться от детального анализа концепции, развиваемой Г. Пильхом. Но даже при поверхностном знакомстве с работой Г. Пильха нельзя не заметить в его книге некоторой пестроты идей и мнений, принадлежащих различным лингвистическим школам и направлениям. Автора, например, нисколько не беспокоит близкое соседство в пределах одного параграфа идей убежденного «антибинариста» А. Мартине и бинаристической концепции Р. Якобсона и М. Халле (гл. V). Выдержанная в основном в духе американской дескриптивной фонологии, книга Г. Пильха демонстрирует переплетение принципов Блумфилда, Харриса, Хоккета с постулатами европейской фонологии. Так, введенное американцами понятие дефективной дистрибуции вместо чуждого им понятия нейтрализации [4] существует у Г. Пильха на равных правах с этим фундаментальным понятием пражской фонологии (стр. 11 и 60). Если можно, даже будучи по убеждению пражцем, понять Хоккета, когда он не без остроумия пытается дискредитировать теорию нейтрализации, то совершенно непонятен смысл разделения двух заведомо идентичных явлений (например, иррелевантность признака глухости для согласных в конце слова и перед глухими в русском языке) по двум нетождественным категориям. Не думает же автор, что общая теория фонологии должна непременно включать все понятия всех существующих фонологических направлений.

О том, насколько автору удалось решить проблему дихотомии «фонетика : фонология», судить также трудно, не имея под рукой второй части монографии.

[1] А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях, М., 1960; H. Hoenigswald, Language change and linguistic reconstruction, Chicago, 1960.

[2] Ср. по этому вопросу замечания У. Лемана (ВЯ, 1960, 6, стр. 138).

[3] А. А. Зализняк, О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией, «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем (Тезисы докладов)», М., 1962, стр. 56.

[4] См.: Ch. Hockett, A manual of phonology, Baltimore, 1955, стр. 164—165.

Имеющийся материал, во всяком случае, наводит на мысль, что автор, стремясь к элиминации этого до некоторой степени искусственного противопоставления, пошел по пути элиминации упорядоченности в употреблении понятий этического (физического) и эмического (конструктивного) уровней (термины К. Пайка). С одной стороны, он заявляет — и с этим невозможно спорить,— что фонолог имеет дело с абстрактными структурами, что фонология понимается не как теория собственно фонем, а как теория фонематических отношений (стр. XII). С другой стороны, автор полагает, что фонема — даже метафонема (см. ниже) — может быть интерпретирована сонографически и рентгенографически (стр. 117). А как же в таком случае физически интерпретируются звуки? Если так же, то чем звук отличается от фонемы?

Г. Пильх вводит понятия релевантных и дистинктивных признаков (стр. 57—58). Релевантный или фонематический признак есть признак, объединяющий в один класс фонематически тождественные звуковые элементы, повторяющиеся в различных участках речевой цепи. Так, для нем. /d/ релевантными являются признаки звонкости, дентальности и смычности. Дистинктивными являются признаки, отличающие данный фонематический класс от всех прочих классов звуковых элементов. Дистинктивные признаки всегда одновременно и релевантны, но релевантные не всегда дистинктивны. Например, в большинстве немецких диалектов, имеющих /g/, признаки глухости, дорсальности и смычности, релевантные для /k/, являются для него и дистинктивными, отличая /k/, с одной стороны, от /g/, с другой стороны — от /t/ и /p/. В диалектах же, не имеющих /g/ и заменяющих его щелевым /γ/, признак смычности у /k/ релевантен, но не дистинктивен. Для /x/ признак глухости здесь дистинктивен, в отличие от других диалектов, где наличие /g/ обусловило недистинктивность признака глухости у фонемы /x/. Недистинктивные признаки называются избыточными, нефонематические — иррелевантными. Иррелевантным был бы, например, признак аспирации для русских глухих смычных, появляющийся в индивидуальном произношении этих звуков.

Таким образом, понятие фонематической релевантности употребляется здесь в необычном значении, применяясь к фактам звуковой цепи, а обычное понятие релевантного признака предстает под маркой дистинктивного. Эти понятия принадлежат у Г. Пильха к одному теоретическому дефиниционному уровню в рамках «фонемотеории», но действительно ли дихотомизация привычных фонологических понятий поможет снять дихотомию «фонетика : фонология»?

По-видимому, с этой же целью вводится и понятие «метафонемы» (стр. 115). Метафонема мыслится как некоторое абстрактное извлечение из различных конкретных произнесений одной и той же фонемы (оказывается, фонемы могут произноситься, да еще с разными оттенками!). Иерархия понятий, которыми оперирует Г. Пильх (звук — фонема — метафонема), в какой-то мере дублирует двухступенчатую интерпретацию фонологических единиц С. К. Шаумяном (известную, между прочим, Г. Пильху), невыгодно отличаясь от последней меньшей стройностью и последовательностью и явной необоснованностью ни с логической, ни с лингвистической точки зрения.

Комментируя однажды разногласия лингвистов в связи с проблемой нейтрализации в фонологии и грамматике, С. Бэзел заметил, что любое мнение в данном вопросе, в том числе и его собственное, может быть, безусловно, отвергнуто, но только не в пользу какого-то иного мнения: «если оппозиция между лингвистами должна быть нейтрализована, „архимнение“ окажется нулем» [5]. Именно такого рода «архимнение» попытался изложить Г. Пильх, надеясь нейтрализовать расхождения американской и европейской фонологии (и расхождения внутри каждой из них), но это привело его к построению такой теории, которая является одновременно и американской и европейской, и в то же время ни той и ни другой. Вызвано ли это какими-то скрытыми намерениями, или это просто манера изложения, но в любом случае ущерб, принесенный книге указанной путаницей, очень ощутим, так как затемняются те интересные и своевременные замечания и наблюдения, которые в книге, конечно, имеются.

Не вызывает, например, сомнения важность постановки вопроса о фонологии слова (Wortphonologie, стр. 24 — 25). Г. Пильх совершенно справедливо замечает, что в европейских (как, впрочем, и во всех других) языках надо считаться не только со слогом, но и со словом как единством, характеризующимся определенными признаками, например, специфическим порядком компонентов. Фонология слова, включая в сферу своего рассмотрения как явления собственно слова, так и явления на стыках слов, превращается в исключительно важный (если не самый важный) раздел общей фонологии (точнее — морфонологии). Нельзя не согласиться с Г. Пильхом и в том, что отсутствие единого принятого определения слова отрицательно сказывается на развитии «словофонологии». Это замечание обрисовывает даже примерную схему построения морфоноло-

[5] См. сб. «La notion de neutralisation dans la morphologie et le lexique», Paris, 1957 («Travaux de l'Institut de linguistique», II), стр. 25.

гии: от определения слова к определению его признаков и затем вновь к слову, до-определяемому в терминах морфонологии. Вместе с тем несколько шокирует откровенно нигилистическое отношение Г. Пильха к опыту лондонских фонологов, последователей Дж. Ферта; отличие их метода от прочих принятых в мировой фонологии методов состоит не в замене терминов «фонема», «признак» термином «просодема», а в принципиально ином подходе к слову и его суперсегментным характеристикам. Г. Пильх, если он намеревался критически пересмотреть концепцию дескриптивной фонологии, мог почерпнуть ценный и нужный ему материал из весьма поучительной полемики между лондонскими фонологами и их американскими коллегами [6].

Заслуживает внимания также различение двух фонологических моделей языка (гл. V). Модель I описывает последовательности признаков в их временном порядке; модель II описывает собственно фонемную систему, подразделяющуюся на две подсистемы — консонантную и вокалическую. Иными словами, модель I есть фонологическая синтагматика, модель II — фонологическая парадигматика. Самым примечательным здесь является определение фонологической синтагматики как модели последовательности признаков, а не фонем; принятие этой точки зрения может повлечь далеко идущие выводы, которых, впрочем, едва ли следует пугаться.

Но эти и другие моменты в теории Г. Пильха, вызывающие интерес и наталкивающие на раздумья, теряются в хаосе необъединимых фонологических концепций, из которых Пильх пытается создать единую фонологическую теорию. Именно поэтому первая часть монографии, вопреки намерению автора и желанию читателя, невольно порождает предубеждение против второй — основной — части.

В. А. Виноградов

[6] Ср., например: J. Firth, A synopsis of linguistic theory, «Studies in linguistic analysis», Oxford, 1957; его же, Sound and prosodies, «Papers in linguistics», Oxford, 1958; J. Lyons, Phonemic and nonphonemic phonology: some typological reflections, IJAL, 28, 2, 1962.

«Проблемы фразеологии. Исследования и материалы», под ред. А. М. Бабкина. — М.-Л., Изд-во «Наука», 1964. 318 стр.

Рецензируемый сборник содержит 19 статей, из них в семи рассматриваются проблемы теоретической фразеологии. В статье И. Е. Аничкова «Идиоматика идиом и идиоматика идиоматизмов» (вслед за Б. А. Лариным, О. С. Ахмановой, Н. Н. Амосовой, Б. М. Лейкиной, В. А. Московичем, Е. В. Глейбманом) еще раз аргументируется необходимость изучения сочетаемости лексем в широком плане и намечаются принципы классификации, которая позволила бы объединить сочетания, традиционно считающиеся фразеологическими («идиоматизмы»), с так называемыми «свободными сочетаниями» («идиомами»). Подходя к вопросу о структуре словосочетания с точки зрения «образующих слов», которые, как правило, являются синтаксически зависимыми, автор не отказывается и от изучения словосочетаний с точки зрения синтаксически независимых слов, однако относит такое рассмотрение к области семантики. Здесь следует возразить против чрезмерно вольного обращения с терминологией в статье И. Е. Аничкова.

Ю. Р. Гепнер в статье «Об основных признаках фразеологических единиц и типах их видоизменения» стремится выявить признаки, отличающие фразеологические единицы от «свободных сочетаний». Наиболее существенным из таких признаков автор считает «образность, переносное значение компонентов как средство выразительности» (стр. 58). Тем самым устанавливается тождество между переносным, образным и фразеологическим значением слова, что вряд ли можно считать правомерным, даже исходя из приводимых автором примеров. Эмоциональность и образность, по мнению Ю. Р. Гепнера, отличают фразеологическое сочетание не только от «свободного сочетания», но и от отдельного слова. Однако ясно, что *Он принял участие в работе комиссии* ничуть не более эмоционально, чем *Он участвовал в работе комиссии*.

В статье Е. А. Иванниковой «Об основном признаке фразеологических единиц» образность и переносное значение компонентов не относятся к свойствам, формирующим фразеологические сочетания. Из числа фразеологических исключаются также лексикализованные сочетания типа *делать сложение, серная кислота, центр тяжести* и вообще все виды устойчивых сочетаний, если они не обладают признаком семантической неделимости. Объектом фразеологии остаются только такие сочетания, которые характеризуются 100% идиоматичностью по И. А. Мель-

чуку[1] или семантической устойчивостью по В. Л. Архангельскому (см. ниже), например *дело в шляпе*, *девичья память*, *согнуться в три погибели*. Стремление максимально сузить объем фразеологии приводит к тому, что даже в таких сочетаниях, как *ложный шаг*, *даровать жизнь*, *хранить тайну*, *тень грусти*, *тени прошлого*, *облечь доверием*, не усматривается никакой семантической неделимости, идиоматичности. Е. А. Иванникова оставляет без внимания все свойства фразеологических сочетаний, кроме идиоматичности, а последнюю принимает только как абсолютное, не поддающееся градуированию качество.

Наибольший интерес в статье В. Л. Архангельского «О понятии устойчивой фразы и типах фраз» представляет попытка осуществить анализ фразеологических объектов с помощью терминов, обозначающих отношения между их частями. Различаются три вида зависимости между членами фразеологической единицы: взаимозависимость, односторонняя зависимость (детерминация) и совмещение[2]. Они встречаются на лексическом, морфологическом (парадигматическом), синтаксическом (синтагматическом) и семантическом уровнях[3]. Зависимые элементы фразем считаются автором постоянными, а независимые — переменными величинами. «Свободные» сочетания характеризуются совмещением двух переменных, а фразеологические единицы — взаимозависимостью двух постоянных или детерминацией постоянного и переменного на одном или нескольких уровнях.

Предлагаемая автором детализация уровней зависимости излишне усложняет и затемняет действительную картину отношений между компонентами словосочетаний. Морфологическая и синтаксическая зависимости не могут существовать автономно, вне связи друг с другом. Это касается также морфолого-синтаксической и семантической зависимостей. Поскольку морфолого-синтаксическая зависимость может быть лишь дополнительным индикатором, а не конструктивным элементом устойчивости, нет необходимости в использовании этого критерия[4]. Различие между лексической и семантической зависимостью плодотворно и должно быть сохранено. Необходимо лишь следующее уточнение. Это различие имеет смысл только тогда, когда лексема, понимаемая как звуковая оболочка слова, представляет множество семем[5]. Оно необходимо для того, чтобы отличить лексемное совмещение при семемной взаимозависимости или детерминации в таких фраземах, как *втирать очки*, *веревка плачет*, *песенка спета* и т. п. Но в тех случаях, когда лексема представляет лишь одну семему, не может быть различия между лексемной и семемной зависимостью.

В тесной связи с учением о постоянных и переменных элементах фразеологических единиц находится понимание автором устойчивости. «Устойчивость фразеологических единиц основана на ограничениях в выборе переменных по сравнению со свободой выбора переменных в теоретически возможном эквиваленте фразеологической единицы» (стр. 105). Преимущество этого определения заключается в том, что оно позволяет подойти к устойчивости как к понятию относительному и дает основание для количественного выражения этого важнейшего свойства сочетаний. Однако В. Л. Архангельский не воспользовался указанным преимуществом.

Мнение В. Л. Архангельского о том, что идиоматичность есть не что иное, как устойчивость семем[6], отнюдь не означает, что само понятие идиоматичности не становится излишним. В заключительных параграфах статьи В. Л. Архангельский приводит объективные признаки различения устойчивых фраз и устойчивых фразем. Большой интерес представляет попытка автора отличать устойчивую фразу как единицу системы языка от устойчивой фразы как коммуникативной единицы речи.

В статье Н. Н. Амосовой «Фраземы как разновидность фразеологических единиц английского языка» обсуждаются те же проблемы, что и во второй главе ее книги «Основы английской фразеологии» (Л., 1963, стр. 58—72). К фразеологии

---

[1] См.: И. А. Мельчук, О терминах «устойчивость» и «идиоматичность», ВЯ, 1960, 4, стр. 75—78.

[2] Из введенных в научный обиход Л. Ельмслевом трех терминов («интердепенденция», «детерминация», «констелляция») признан удачным и заимствован только один, а два других заменены русскими соответствиями.

[3] Нельзя признать удачной трактовку морфологического уровня как парадигматического, а синтаксического как синтагматического. В действительности на всех уровнях структуры языка обнаруживаются как парадигматические, так и синтагматические отношения.

[4] См. об этом: Ф. Краснов, О предмете фразеологии, «Славянский сборник», II, 1964 («Уч. зап. филол. фак-та Киргизск. гос. ун-та», 10), стр. 59—60; В. М. Никитевич, Несвободные сочетания, их соотношение со свободными сочетаниями и отдельным словом, ФН, 1965, 2, стр. 41.

[5] См.: Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава, ВЯ, 1963, 1, стр. 30.

[6] Ср.: И. А. Мельчук, указ. соч., стр. 75—79.

Н. Н. Амосова относит лишь единицы постоянного контекста, т. е. только такие сочетания, в которых значение одного из компонентов определяется одной единственной лексемой. С этой точки зрения, сочетание *to grind* (*one's*) *teeth* «скрежетать зубами» относится к фразеологии, потому что только в сочетании с существительным *teeth* «зубы» глагол *to grind* означает «скрежетать», а сочетание *to break the news* «сообщить новость» не относится к фразеологии, потому что *to break* означает «сообщить» не только в сочетании с существительным *news*, но также в сочетании с еще одним существительным *matter* (*to break the matter* «сообщить о деле»). Подобные сочетания Н. Н. Амосова называет единицами узуально ограниченного контекста и считает их переходным типом между фраземами и переменными сочетаниями. С нашей точки зрения, деление на постоянный, узуально ограниченный и переменный контекст не очень существенно. Все три типа представляют собой узуально ограниченный контекст, только в первом случае указательный минимум сводится к одной лексеме, во втором случае он состоит из небольшого числа лексем, в третьем —из большого, но все же конечного числа лексем. Это различие в степени устойчивости не должно вести, как полагает Н. Н. Амосова, к выделению трех различных отраслей лингвистической науки — фразеологии, стилистики и контекстологии. Н. Н. Амосова считает, что «переменные сочетания» являются единицами речи (стр. 131). Между тем, любой из описываемых ею трех типов сочетаний представляет собой относящийся к языку инвариант. Во «фраземах» этот инвариант состоит из одного варианта, а в двух других случаях речь всякий раз осуществляет определяемый задачами коммуникации выбор варианта в пределах инварианта, заданного системой языка [7]. Это дает основание для построения единой науки о сочетаемости лексем, за которой удобнее всего закрепить привычный термин «фразеология». Наше несогласие с позицией Н. Н. Амосовой не распространяется на конкретное исследование сочетаний лексем английского языка, отличающееся глубиной и оригинальной методикой.

В. П. Жуков ставит в своей статье «О смысловом центре фразеологизмов» задачу обнаружить смысловой центр в тех фразеологизмах, где это возможно. «Под смысловым центром понимается такой знаменательный элемент фразеологизма, доля которого в общем значении фразеологизма очевидна» (стр. 140—141). Вводится также понятие фразеологического центра, значение которого не вскрывается в «современном русском языке даже потенциально» (стр. 143). Так, во фразеологизме *стреляный воробей* смысловым центром является лексема *стреляный*, которая соотносится по смыслу с той же лексемой в свободном употреблении (в значении «бывший в боях, обстрелянный»), а фразеологическим центром — лексема *воробей*, лишенная какой-либо определенной смысловой содержательности. Однако эти центры можно выделить далеко не всегда даже и в приводимом автором материале. Утверждение о единстве фразеологического и семантического центра недостаточно подкреплено фактами.

Статья Е. Н. Толикиной «О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы» по объему шире заглавия. Кроме вынесенной в заглавие темы, в ней говорится также о знаковой сущности и о путях образования фразеологических единиц. С нашей точки зрения, автор неправомерно сужает состав фразеологизмов, сводя его к группе сильноидиоматичных конструкций. Терминологические сочетания автор относит к фразеологизмам только в тех случаях, когда они выходят из специальной сферы употребления и становятся принадлежностью общелитературного языка (например, *сдвинуться с мертвой точки*, *поставить знак равенства*, *довести до белого каления* и т. д.). В обычных терминах-сочетаниях Е. И. Толикина видит только «структурное единство» (стр. 159) и «цельность номинации» (стр. 160), которых, по ее мнению, еще недостаточно для причисления их к фразеологизмам. Между тем терминологические сочетания должны занять во фразеологии такое же место, какое термины-лексемы занимают в лексикологии.

В остальных одиннадцати статьях сборника либо изучается конкретный фразеологический материал, либо обсуждаются вопросы, связанные с составлением фразеологического словаря русского языка. Таковы статьи А. М. Бабкина «Фразеология и лексикография», Н. А. Кирсановой «О некоторых семантических признаках фразеологических единиц», М. И. Сидоренко «К вопросу о границах лексического состава фразеологических единиц», В. Н. Сергеева «К вопросу о переходе устойчивых свободных сочетаний во фразеологические», И. Н. Шмелевой «Фразеологизация крылатых слов», В. П. Фелицыной «О пословицах и поговорках

[7] См.: М. М. Копыленко, Об изоморфных соотношениях «язык — речь», «сознание — мышление», «Тезисы докладов межвузовской конференции на тему „Язык и речь“», М., 1962; его же, К исследованию славянской фразеологии древнейшей поры, «Филологический сборник», 3, Алма-Ата, 1964; его же, О соотношении языка и речи в связи с проблемами изучения сочетаний лексем, «Филологический сборник», 4, Алма-Ата, 1965.

как материале для фразеологического словаря», К. С. Горбачевич «Об историко-этимологических справках в фразеологическом словаре», И. М. Абрамович «Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношении к ним фразеологического словаря», А. С. Герда «Фразеология фельетонов М. Кольцова», Н. М. Александрова «К вопросу о составе фразеологического словаря академического типа» и В. Т. Шклярова «О словаре фразеологических синонимов».

А. М. Бабкин справедливо отмечает, что установление понятия фразеологизма «должно лечь в основу работы над фразеологическим словарем, определить его типологические границы и объем» (стр. 17). Мы готовы согласиться с А. М. Бабкиным в том, что в первую очередь должны быть подвергнуты лексикографической обработке сочетания, представляющие семантические единицы сложного порядка, эквивалентные слову (стр. 22). Число таких единиц, как указывает А. М Бабкин, достигает 25 000. Однако специфические черты их определены в статье недостаточно четко. Н. М. Александров, в отличие от А. М. Бабкина, расширяет состав фразеологического словаря, предлагая поместить в нем «вообще все употреблямые в русском языке устойчивые сочетания» (стр. 226).

Н. А. Кирсанова на основании анализа языка трилогии Ф. В. Гладкова приходит к выводу, что фразеологические единицы бывают многозначными и могут вступать в синонимические отношения с другими фразеологизмами. Вопросам фразеологической синонимии посвящена также статья В. Т. Шклярова. Понимание термина «фразеологический синоним» у обоих авторов примерно одинаковое, но материал исследуется ими разный и под различными углами зрения, поэтому статьи хорошо дополняют друг друга. Небольшая статья М. И. Сидоренко, где автор различает определительные отношения, возникающие в языке и в речи, и устанавливает разные виды грамматико-семантических связей фразеологизмов со словами в предложении, очень интересна по методу исследования и результатам.

В. Н. Сергеев описывает специфические сочетания, в которых термин-слово употребляется в переносном смысле (*бросить кисть, живые краски* и др.). По мнению автора, в таких случаях устойчивые сочетания превращаются во фразеологические и должны быть объектом словаря русской фразеологии.

Статья Л. И. Ройзензона «Фразеология в новых западнославянских словарях» по сути является содержательным очерком истории и современного состояния западнославянской фразеологии. Сборник завершает составленный В. Н. Сергеевым «Библиографический указатель литературы по фразеологии, изданной в СССР с 1918 по 1961 г.» Это первый обзор трудов по фразеологии, содержащий 892 названия. Одно только это число говорит о значительном развитии молодой лингвистической дисциплины. Материал систематизирован по семьям, группам и отдельным языкам. Думается, что у составителя было достаточно данных для выделения раздела «Общая фразеология». Однако такой раздел отсутствует. В него могли бы войти имеющие общее значение труды В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, О. С. Ахмановой, И. Е. Аничкова и других ученых. Кстати, многие из этих трудов вообще отсутствуют в библиографии. Объясняется это, видимо, тем, что составитель отбирал материал, руководствуясь заглавиями работ. Иначе трудно объяснить, почему в указатель не включены важные статьи В. В. Виноградова «Вопросы изучения словосочетания» (ВЯ, 1954, 3) и «Основные типы лексических значений слова» (ВЯ, 1953, 5), статья И. Е. Аничкова «О классификации, определениях и названиях частных языковедческих дисциплин» («Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», 181, 1958), статья А. И. Смирницкого «Аналитические формы» (ВЯ, 1956, 2) и мн. др. В библиографии почему-то отсутствуют книги В. В. Виноградова «Современный русский язык» (М., 1938) и «Русский язык» (М., 1947), а также книги А. И. Смирницкого, О. С. Ахмановой, А. И. Ефимова, К. А. Левковской и других авторов, в которых вопросам фразеологии уделяется значительное место. Многочисленны и другие лакуны, которые, надо надеяться, будут заполнены в последующих выпусках библиографии. Встречаются неправильные переводы, например в № 526 — «в сказках» вместо «в баснях» (укр. «в байках»), в № 539 — «сказаний» вместо «рассказов» (укр. «оповідань»). Ошибочно указано, что статьи А. А. Берлизова и Л. Цвиркунова (№№ 499, 551) написаны на белорусском языке (надо «на украинском»). Есть ошибки и в именном индексе: нужно не Мовтович Н. А. (так же и в самом указателе), а Мовшович Н. А., не Рудякова Н. А., а Рудяков Н. А. Пропущены Ефремов Л. П. (объединен с Ефремовым А. Ф.), Супрун А. В. (объединен с Супруном А. Е.).

Сборник в целом хорошо характеризует современное состояние фразеологических исследований в нашей стране.

М. М. Копыленко

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1965

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

23—25 ноября 1964 г. в Институте народов Азии АН СССР (Москва) состоялась первая конференция по языкам Юго-Восточной Азии, в которой приняли участие ученые Москвы и Ленинграда. Конференцию открыл Г. П. Сердюченко (Москва), который рассказал об исследовании разносистемных языков Юго-Восточной Азии советскими учеными и охарактеризовал задачи, стоящие перед конференцией. С сообщением об изучении языков Юго-Восточной Азии на восточном факультете ЛГУ им. А. А. Жданова выступили Ю. М. Осипов и Е. А. Серебряков. Ю. Н. Мазур рассказал об изучении языков Юго-Восточной Азии в Институте восточных языков при МГУ.

Ряд докладов был посвящен проблемам этнолингвистики. Г. Г. Стратонович (Москва) в докладе «Местные этнолингвистические классификации народов Индо-Китая» охарактеризовал различные критерии, используемые в качестве основы классификации, и отметил особую роль лингвистического критерия. В докладе «Этнолингвистическая классификация населения Океании» П. И. Пучков (Москва) охарактеризовал различные системы классификации малайско-полинезийских языков, в том числе лексико-статистический метод группировки их, и отметил важность принципа генеалогической классификации языков для наиболее последовательной и единообразной группировки народов Океании. Необходимость сочетания лингвистического и этнолингвистического критериев при разработке общей для всей Юго-Восточной Азии лингвистической и этнолингвистической классификации подчеркнул С. А. Арутюнов (Москва) в докладе «Об этнолингвистическом подходе к изучению языков Юго-Восточной Азии».

Ю. Х. Сирк (Москва) в докладе «О классификации австронезийских языков» отметил дискуссионный характер классификации, согласно которой эта семья языков подразделяется на четыре ветви (индонезийскую, меланезийскую, микронезийскую и полинезийскую), и неубедительность сравнительно-фонологического обоснования указанной классификации, представленного в работах О. Демпвольфа.

Четыре доклада были посвящены характеристике языковой ситуации в отдельных странах Юго-Восточной Азии в связи с процессом формирования и развития общенародных языков.

Г. П. Сердюченко в докладе «Языковые вопросы в демократической республике Вьетнам» охарактеризовал пять основных этно-лингвистических групп населения Вьетнама: вьет-мыонг, тайско-китайскую с тремя подгруппами — тайской, китайской и тибето-бирманской, мяо-яо, мон-кхмерскую и малайско-полинезийскую, а также те задачи в области нормирования современного вьетнамского литературного языка, решением которых занимаются вьетнамские языковеды. Доклад Л. Н. Морева (Москва) «О языковой обстановке в Таиланде» содержал характеристику распространения в Таиланде языков (тайский, китайский, мон-кхмерский, малайско-полинезийские и тибето-бирманские языки). Докладчик подчеркнул особую роль центрального диалекта как общенародного средства общения (язык школы, радио, телевидения, делопроизводства). Характеристика тагалога, используемого в качестве основы государственного языка Филиппин, история его развития, его связи с другими языками и их диалектами получили освещение в докладе М. Круса (Москва) «Языки и диалекты Филиппин и их распространение». В докладе В. В. Сикорского (Москва) «О формировании индонезийского языка» было отмечено своеобразие языковой ситуации в Индонезии, где в основе индонезийского языка — языка национального единения народностей Малайского архипелага — лежит не язык ведущей в культурном и политическом отношении народности страны — яванцев (50% населения), а язык суматринских малайцев (5% населения); в докладе описываются этапы становления индонезийского языка. Процессы формирования индонезийского языка освещались в докладе Н. Ф. Алиевой (Москва) «Некоторые аспекты развития индонезийского языка как государственного языка республики Индонезии»

Значительная часть докладов была посвящена проблемам, связанным с выделением и описанием грамматических и лексико-грамматических категорий в языках этого ареала. Н. В. Солнцева (Москва) в докладе «Грамматические категории в изолирующих языках» рассматривала морфологические категории как единицы измерения в общей и частной типологии. В докладе «Принципы выделения морфологических категорий в тайском языке» Ю. Я. Плам (Москва) показал, что в зависимости от функции формального элемента и отношений между формальным элементом и словом возможны четыре типа грамматических категорий и указал на наличие в тайском языке морфологических категорий. На возможность применять термин «морфема» к явлениям бирманского языка указал Н. В. Омельянович (Москва) в докладе «О границах приложимости термина „морфема" к бирманскому языку». Д. И. Еловков (Ленинград), посвятивший свой доклад вопросам о категории времени и вида в бирманском языке, отрицал существование грамматической категории времени в этом языке. В докладе Ю. А. Горгониева (Москва) «Относительно так называемой „факультативности" грамматической формы» рассматривались условия и степень иррегулярности грамматических форм в кхмерском языке. М. Г. Глазова (Москва), сопоставляя служебные морфемы глагольной парадигматики во вьетнамском, тайском, лаосском, кхмерском и китайском языках, выявила тождество ряда конструкций с видовыми показателями. Л. И. Шкарбан (Москва), в докладе «О синтаксических и морфологических свойствах тагальского глагола» охарактеризовала синтагматические свойства глагола с точки зрения синтаксических окружений, отличающих класс глаголов от класса имен, а парадигматику глагола — с точки зрения взаимоотношения словоизменительных и словообразовательных категорий. Вопросу о природе местоимений и их месте в системе языка был посвящен доклад Ю. Х. Сирка «О словах — заменителях глагола в индонезийских языках».

Многие доклады были посвящены проблемам морфологической структуры слова и описанию характера и особенностей словообразования. И. В. Подберезский (Москва) в докладе «Морфологическая структура слова в тагальском языке» охарактеризовал тагальский язык как агглютинативный язык префигированного типа. Описанию словообразовательных типов в индонезийских языках был посвящен доклад В. Д. Аракина (Москва) «Типологические особенности словообразовательной системы в некоторых языках индонезийской группы». Взаимосвязь между структурным составом многосложного слова и количественной и качественной характеристикой его морфемного состава отметила Т. Т. Мхитарьян (Москва) в докладе «О структурном составе производного именного слова во вьетнамском языке». Характеристике и классификации «речевых» и «словарных» композит был посвящен доклад Ю. Л. Благонравовой (Москва) «Место композитных образований в системе номинативных единиц тайского языка». Вопрос о широко распространенной полифункциональности корневых слов в яванском, малайском (индонезийском) и сунданском языках освещался в докладе А. С. Теселкина (Москва) «О „конверсии" в индонезийских языках». В докладе Д. Мазо (Ленинград) излагались принципы классификации образований с префиксом *а-* в бирманском языке. Вопрос о причинах лексических совпадений в лаосском, тайском и вьетнамском языках был поставлен в докладе И. Г. Зисман.

В группе докладов, посвященных проблемам синтаксиса, были затронуты вопросы, связанные со структурой словосочетания и предложения, методикой их синтаксического анализа, грамматической функцией порядка слов.

Характер зависимости структуры словосочетания от категориальной принадлежности слов, выступающих в качестве компонентов словосочетания, стремилась выяснить Е. И. Шутова (Москва) в докладе «Структура словосочетания в языках изолирующего типа».

Н. И. Тяпкина (Москва) в докладе «О глагольных предложениях в языках изолирующего типа» охарактеризовала общие для тайского, вьетнамского и китайского языков структурно-смысловые особенности глагольных предложений, обусловленных своеобразием в выражении субъектно-объектных отношений. Противоречивость в толковании функции порядка слов отметила В. Х. Васильева (Москва) в докладе «О роли порядка слов в тайском языке». С докладом «Классификация предложений во вьетнамском языке» выступила И. Е. Алешина (Москва), предложившая осуществлять такую классификацию по степени усложненности структур. Описанию качинского языка — младописьменного языка тибето-бирманской группы, входящей в состав китайско-тибетской семьи, был посвящен доклад Е. В. Пузицкого (Москва) «Характеристика грамматического строя качинского языка».

Было прослушано также несколько докладов по фонетике. Описанию системы фонем литературного чжуанского языка в терминах дифференциальных фонологических признаков был посвящен доклад А. А. Москалева (Москва). Специфические черты фонетической системы южных говоров охарактеризовала

М. В. Гордина (Ленинград) в докладе «О фонетическом строе южных говоров современного вьетнамского языка в сопоставлении с северовьетнамскими говорами». О некоторых предварительных данных по экспериментальной фонетике индонезийского языка сообщил А. П. Павленко (Москва).

На заключительном заседании было принято решение ежегодно проводить конференции по языкам Юго-Восточной Азии, а также решение об издании трудов конференции.

Н. И. Тяпкина (Москва)

*

С 28 января по 2 февраля 1965 г. в Ленинграде состоялась первая Всесоюзная конференция по топонимике Советского Союза. В работе конференции приняли участие представители 50 городов 14 союзных республик. Всего на конференции было прослушано 115 научных докладов и информационных сообщений. Сложившиеся ранее топонимические коллективы и на этот раз проявили наибольшую активность.

На первом пленарном заседании были прослушаны доклады А. И. Попова (Ленинград), К. К. Целуйко (Киев), Э. М. Мурзаева (Москва), С. Л. Берга (Ленинград) и информационное сообщение Л. Н. Митрохиной и В. Г. Болдова (Москва) о реферативных работах по топонимике.

А. И. Попов в докладе «Основы топонимического исследования» остановился на необходимости совокупного изучения всех исторических памятников, касающихся данной территории, а также знания географической характеристики этой местности. К. К. Целуйко в докладе «Принципы и методы регионального изучения топонимики» отметил, что существует два подхода к топонимическому исследованию: глобальное и региональное. Автор считает, что основным должно быть региональное исследование, включающее всестороннее описание и изучение местной топонимии и теоретические обобщения, сделанные на основе сопоставления региональных топонимических исследований. Доклад Э. М. Мурзаева «Словари географических названий, обзор и перспективы» был посвящен различным типам географических словарей. Автор предостерегал исследователей-топонимистов от поспешного объяснения названий, указывая, что объяснение топонимов данной местности должно всегда сопоставляться с топонимией соседних, а часто и несмежных территорий, связанных с рассматриваемой территорией языковой или исторической общностью. Работа по составлению словарей, подчеркнул докладчик, требует строго разработанной программы, отражающей специфические особенности данного словаря (географического, топонимического или др.). Л. С. Берг в докладе «О единой топонимической картотеке СССР» обратил внимание слушателей на важность собирания фактического материала на местах по единой программе. Им был предложен для обсуждения образец топонимической карточки.

В последующие дни работа конференции проводилась по секциям: секция теоретических и методических вопросов топонимики (руководитель А. И. Попов), топонимики Европейской части СССР (руководитель К. К. Целуйко), топонимики Кавказа, Крыма, Казахстана и Средней Азии (руководитель Э. М. Мурзаев) и топонимики Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока (руководитель А. П. Дульзон)

На секции теоретических и методических вопросов было прослушано 13 докладов. Наибольший интерес слушателей вызвал доклад А. П. Дульзона (Томск) «Приемы анализа адаптированных топонимов субстратного происхождения». На материале западносибирской топонимии автор показал возможность реконструкции исходных субстратных форм топонимов. Привлекли внимание аудитории доклады А. К. Матвеева (Свердловск) «Методы изучения топонимики субстратного происхождения» и Б. Савукинаса (Вильнюс) «К методике этимологизирования гидронимов», в которых были показаны возможности этимологического метода исследования в топонимике. Ряд докладов был посвящен вопросам теории: Ю. А. Карпенко (Черновцы) «Проблема вариантов в топонимике», Г. Е. Корнилова (Чебоксары) «Опыт классификации топонимов по степени свойства „быть собственным именем"», В. Д. Беленькой (Москва) «Проблема синхронии в топонимике», В. А. Никонова (Москва) «Топонимия и формирование восточных славян», П. П. Шубы (Минск) — «О топонимизации некоторых словообразовательных средств», А. В. Суперанской «Топонимические системы и ономастические схемы», Ю. М. Сирахуладзе (Тбилиси) «К вопросу о собирании и изучении географических названий» и К. П. Вальдман (Ленинград) «Опрощение сложных топонимов», Е. М. Поспелова (Москва) «Топонимические атласы и перспективы их составления» и др.

В секции топонимики Европейской части СССР было прослушано более 30 докладов и сообщений, посвященных различным территориям среднерусской полосы России, Прибалтики, Украины, Белоруссии: В. Ф. Дамбе (Рига) «Литературная форма географических названий Латвий-

ской ССР», В. М. Адамовича (Минск) «О суффиксальном способе образования названий Белоруссии (по материалам Случчины)», Г. П. Бондарук (Москва) «Русские, украинские и белорусские местные географические термины», Ю. Г. Вылежнева (Пермь) «Принципы топонимического районирования (на материале южной части Пермской области)» и мн. др.

27 докладов было представлено на секции топонимики Кавказа, Крыма, Казахстана и Средней Азии. Большинство докладов посвящено изучению региональной топонимики: В. Н. Поповой (Томск) «Структурно-семантические модели названий озер Павлодарской области», А. В. Суперанской (Москва) «Топонимия и микротопонимия Крыма», А. Л. Хромова (Душанбе) «Топонимия Ягноба», А. А. Абдрахманова (Алма-Ата) «Отражение этнонимов в топонимике Казахстана» и др. С большим интересом был выслушан доклад Е. Койчубаева (Алма-Ата) «Нецветовая сущность топонимических компонентов *ак*, *кара*, *кок*, *сары*».

На секции топонимики Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, где было представлено 20 докладов, также преобладали региональные исследования, основанные большей частью на материалах, собранных авторами. Здесь можно отметить доклады И. А. Воробьевой (Томск) «Русская гидронимия Западной Сибири (некоторые вопросы происхождения и словообразования)», А. С. Кривощековой-Гантман (Пермь) «Следы древнепермской гидронимии *-юг*, *-юк* в Прикамье», Т. И. Тепляшиной (Москва) «О названиях населенных пунктов в Удмуртии в бассейне реки Чепцы» и др.

Изучение топонимики имеет и большое практическое значение. Вопросами наименований и переименований нельзя заниматься, не считаясь с топонимической системой территории, где происходят наименования и переименования. Этому было уделено большое внимание. На специальном секционном заседании были заслушаны доклады Б. Я. Думина (Львов) «Охрана или слом топонимии? (на примере УССР)», Л. Л. Трубе (Горький) «О наименованиях и переименованиях населенных пунктов (на примере Горьковской области)» и др. На другом секционном заседании рассматривались вопросы преподавания топонимики в высших учебных заведениях.

На конференции было принято решение, в котором указана необходимость планомерного сбора топонимического материала на местах и его первичная обработка, а в будущем — составление топонимической картотеки СССР, собираемой на основе единой программы. Кроме того, конференция предложила создать при Географическом обществе (на общественных началах) Комитет географических названий, а при Отделении языка и литературы АН СССР — специальную топонимическую комиссию. Указано на необходимость создания периодического топонимического органа.

Г. П. Бондарук (Москва)

*

10—13 марта 1965 г. в Башкирском гос. ун-те (Уфа) состоялась межвузовская научная конференция по вопросам методологии и методики лингвистических исследований. В конференции приняли участие языковеды 22 городов (Уфы, Саратова, Горького, Казани, Свердловска, Перми, Челябинска, Оренбурга и др.), представлявшие 26 научных учреждений, в том числе 10 университетов и 12 пединститутов.

На пленарном заседании после вступительного слова ректора Башкирского ун-та Ш. Х. Чанбарисова было прослушано 5 докладов. Доклады Т. Г. Султангузина (Уфа) «Роль противоречий в развитии языка» и Б. Н. Головина (Горький) «О природе и лингвистической типологии языковых значений» были посвящены проблемам семиотики. Т. Г. Султангузин проанализировал гносеологический аспект современных знаковых теорий и дал философское обоснование пониманию значения как отражения предмета действительности. Б. Н. Головин, выделив четыре основных типа значения — структурное, денотативное, прагматическое и сигнификативное, предложил трактовать последнее как единство двух образов: образа звучания и образа предмета. Л. И. Баранникова (Саратов) рассмотрела в своем докладе вопрос о соотношении собственно-лингвистического (структурного) и социологического аспектов в исследовании языка; игнорирование любого из этих аспектов неизбежно приводит, по ее мнению, к идеализму. В докладе М. З. Закиева (Казань) «К проблеме грамматического членения предложения» была показана неудовлетворительность традиционной классификации членов предложения и предложена для татарского языка новая классификация, основанная на нескольких иерархически связанных принципах. Дж. Г. Киекбаев (Уфа) посвятил свой доклад общетипологическому анализу категории определенности-неопределенности в урало-алтайских языках; на обширном материале он показал, что эта категория присуща всем алтайским и финно-угорским языкам, хотя и выражается в них по-разному.

На секции общего и русского языкознания было про-

слушано и обсуждено 26 докладов, отражавших разнообразную тематику и проблематику.

Самое большое число докладов на этой секции было посвящено анализу сущности языковых категорий и единиц. Ю. М. Скребнев (Уфа) в докладе «Несколько замечаний о природе лингвистических антиномий» остановился на господствующем в языке принципе всеобщей субституируемости. Говоря о сущности противоречий между отдельными языковедческими постулатами, докладчик предложил дифференцировать случаи, когда указанные противоречия вызываются диалектической сложностью, многогранностью самого объекта, и случаи, когда противоречия обусловлены ошибочной универсализацией и фетишизацией постулируемых лингвистикой положений. Попытку более четкого разграничения фактов языка и речи с позиций материалистической диалектики предпринял в своем докладе «Язык и речь» В. И. Безруков (Тюмень). Р. Р. Каспранский (Уфа) в докладе «Роль и место абстракции в лингвистике» остановился на двух ее типах: 1) абстракции по материальным признакам (результатом ее является, например, звук языка в отличие от звука речи) и 2) абстракции по отношениям, по функциям (результатом ее является, например, фонема). Л. М. Васильев (Уфа) в докладе «Компоненты сознания в их отношении к единицам семантической структуры языка и речи» пытался обосновать мысль о том, что под языковыми знаками, в отличие от фигур как не мотивированных объективной действительностью компонентов языка (например, фонем, слогов и т. п.), следует понимать только такие структурные единицы, которые имеют корреляты в самой объективной действительности. Сигнификативное значение как единица семантической структуры языка, по мнению докладчика, непосредственно может соотноситься лишь с двумя компонентами сознания: представлениями и понятиями; связь же эмоций и воли с языком всегда опосредствована мышлением. О. М. Трахтенберг (Стерлитамак) выступила с докладом «Категории единичного, особенного и всеобщего в развитии языка», в котором на обширном фактическом материале были показаны связь и взаимодействие этих категорий. М. А. Новгородов (Бийск) охарактеризовал в своем докладе многообразные средства выражения логической универсальности и экзистенциальности высказываний русского языка, интерпретируя их в терминах символической логики. Г. И. Богин (Уфа) в докладе «Материальные основы системности языка» раскрыл роль семантических, прагматических и синтаксических отношений в формировании и развитии языка как системы знаков и отношений. В. С. Юрченко (Саратов) в докладе «О системе в синтаксисе», постулируя в русском языке четыре главнейших структурных типа предложения (двусоставное глагольное, двусоставное именное, безличное и номинативное), считает, что основным из них в синхронном плане является распространенное двусоставное глагольное предложение. Остальные типы выводятся из этой инвариантной структуры как ее варианты. А. В. Турасова (Ульяновск) посвятила свой доклад экспликации понятий *система* и *структура*. Н. В. Черемисина (Уфа) в докладе «Об изоморфизме единиц различных уровней языковой системы» отметила, что изоморфность звуковой организации фонетического слова, синтагмы и предложения определяется не только сходством соответствующих фонетических средств (силы, мелодики, темпа и тембра), но и общим принципом связи элементов, составляющих каждую из этих единиц, в целостную структуру.

Несколько докладов было посвящено методам лингвистических исследований. Об итогах статистического изучения речи, проводившегося в Горьковском ун-те, доложили Б. Н. Головин («Предварительные итоги статистического изучения русской художественно-прозаической речи») и Г. М. Логинова, («Из опыта статистического изучения стилевой дифференциации структуры русского сложного предложения»). В докладе О. Б. Сиротининой и Г. Г. Полищук (Саратов) «Экспериментальные методы изучения синтаксиса» были представлены результаты инструментально-фонетического анализа несогласованных определений и дополнений в русском языке. В. Н. Муравьева (Уфа) рассмотрела в своем докладе вопрос о соотношении стихийного и сознательного начал в области нормализации современного русского литературного языка, а также сообщила об итогах экспериментально-фонетического и статистического анализа вариантных форм существительных им. падежа мн. числа (типа *инженеры — инженера*). В докладе К. П. Орлова (Астрахань) было предложено трансформационное описание придаточных определительных предложений русского языка. И. И. Теплова (Горький) проанализировала в своем докладе дистрибутивные и трансформационные модели русских глаголов с приставками *пере-* и *про-*. Л. Н. Мурзин (Пермь) в докладе «К вопросу о вычленении базисных конструкций предложения в русском языке» рассмотрел возможные операции над *S*-конструкциями, в результате которых получаются базисные конструкции (под синтаксической конструкцией он понимает синтагматическое объединение дистрибутивных классов слов и их синтаксических признаков по принципу доминации). С. Г. Гаврин (Пермь) вы-

ступил с докладом «О методах изучения фразеологического состава русского языка».

В ряде докладов были затронуты проблемы синхронии и диахронии в лингвистических исследованиях. И. П. Распопов (Уфа) в докладе «О синхронном и диахроническом аспектах научного изучения языка», признавая необходимость четкого разграничения указанных аспектов, показал на примерах из русского синтаксиса плодотворность применения структурных принципов в практике исследования и описания языковых явлений как с синхронической, так и с диахронической точек зрения. В докладе В. Г. Руделева (Оренбург) «Место синхронии и диахронии в вузовском преподавании лингвистических дисциплин» была предложена в качестве примера синхронической модели классификационная схема фонем русского языка, составленная на основе девяти дифференциальных признаков (акустических и артикуляционных). Л. В. Сахарный (Пермь) в докладе «Некоторые проблемы синхронного словообразовательного анализа» обосновал необходимость разграничения при словообразовательном анализе: 1) уровня морфемной структуры слова и 2) уровня производства слов по моделям.

Конкретные вопросы синтаксиса русского языка были предметом докладов Р. М. Гайсиной (Уфа) «О средствах речевого контакта в русском языке» и Т. А. Кильдибековой (Уфа) «Об условиях речевой трансформации вопросительных предложений в повествовательно-восклицательные».

Три последние доклада на этой секции были посвящены синонимике. Л. М. Васильев (Уфа) в сообщении «К методике типологического изучения синонимов» остановился на некоторых принципах сопоставительного анализа синонимов в славянских языках. В докладе В. Л. Ибрагимовой (Уфа) «Особенности синонимических рядов с опорными словами *идти*, *ходить* в славянских языках» был представлен конкретный образец такого анализа. Синтаксической синонимике был посвящен доклад А. Ф. Михеева (Барнаул) «Синонимическое поле конструкций, выражающих причинно-следственные отношения в современном русском литературном языке (различение инвариантных и изоморфных структур)».

На секции «Языки народов СССР» было прослушано и обсуждено 17 докладов.

Сравнительно-типологическому изучению урало-алтайских языков были посвящены доклады Дж. Г. Киекбаева (Уфа) «О генетическом единстве формы определенности в сфере имени и глагола в урало-алтайских языках» и Бал-Доржи Бадараева (Улан-Удэ) «О словообразовательных моделях в алтайских языках». Первый докладчик проанализировал с помощью аксиоматического метода генетически соотносительные морфологические средства выражения категории определенности-неопределенности в урало-алтайских языках. Во втором докладе была предложена типологическая модель, при помощи которой доказывается генетическая общность алтайских языков.

М. В. Зайнуллин (Уфа), остановившись на принципах классификации временных глагольных форм изъявительного наклонения в тюркских и некоторых финно-угорских языках, предложил осуществить эту классификацию на основе следующих признаков: 1) давность действия, 2) употребление указанных форм в абсолютном и относительном значениях, 3) очевидность и неочевидность действия и 4) структура изучаемых форм.

Различные вопросы синтаксического строя башкирского и татарского языков рассматривались в докладах Г. Г. Саитбаталова (Уфа) «К вопросу о синтагмах в башкирском языке», С. М. Ибрагимова (Казань) «Использование синонимического богатства в преподавании татарского языка», А. Х. Фатыхова (Уфа) «Об изучении семантико-синтаксических отношений между компонентами сложных предложений в башкирском и татарском языках», А. М. Азнабаева (Уфа) «Обособление как специфическое синтаксическое явление в башкирском языке», Г. Х. Ахатова (Уфа) «Винительный определенный и неопределенный падежи в татарском языке» и др.

Г. Ф. Саттаров (Казань), посвятивший свой доклад татарской топонимике, отметил, что глубокое ее изучение дает ценный материал для истории татарского и других тюркских народов, а также их языков.

В докладе Дж. Г. Киекбаева и Н. Х. Ишбулатова (Уфа) «Вопросы сравнительного изучения башкирских диалектов» были рассмотрены принципы изучения башкирских диалектов в сравнении с диалектами других тюркских языков. В. Ш. Псянчин (Уфа) и Р. Ф. Зарипов (Уфа) выступили с сообщениями по вопросам башкирской грамматики. Г. А. Нечаев (Сыктывкар) посвятил свой доклад вопросу об адъективации имен существительных в коми языке. О принципах построения курса истории татарского литературного языка доложил Ф. С. Фасеев (Уфа).

На заключительном пленарном заседании было сделано два доклада. Н. С. Дмитриева (Уфа) в докладе «О традиции и новаторстве в грамматической терминологии», прослеживая судьбу лингвистических терминов, предложенных М. В. Ломоносовым, пыталась определить, какое место

должны занимать в современной терминологии традиционные термины, в какой мере допустимо наполнение их новым содержанием и насколько правомерна замена отечественной терминологии интернациональной. Доклад Я. И. Гаряева (Челябинск) «Вопросы преподавания общеязыковедческих дисциплин в вузе» содержал ряд критических замечаний и рекомендаций по курсам «Введение в языкознание» и «Общее языкознание». Кроме того, был обсужден проект программы по общему языкознанию для филологических факультетов университетов, составленный доцентами Саратовского ун-та Л. И. Баранниковой и О. Б. Сиротининой.

В принятой на заключительном заседании резолюции был одобрен опыт проведения межзональной конференции, специально посвященной вопросам методологии и методики лингвистических исследований, и высказано пожелание проводить такие конференции регулярно.

Л. М. Васильев, М. В. Зайнуллин (Уфа)

*

21—23 апреля 1965 г. в Киеве в Институте языковедения им. А. А. Потебни АН УССР состоялось очередное XII республиканское диалектологическое совещание. Его тематика отражает возрастающую роль лингвогеографического и фонологического аспектов в диалектологических исследованиях, интерес к проблемам межъязыкового и междиалектного взаимодействия, и в частности, к вопросам украинско-славянских и украинско-неславянских контактов, а также к изучению украинских говоров в иноязычном окружении. Определенный сдвиг намечается и в развитии исторической диалектологии. Много внимания было уделено исследованию структурных особенностей отдельных диалектов на различных уровнях, а также проблемам диалектной лексикологии и лексикографии. На совещании наметились определенные тематические циклы, включившие 65 докладов и сообщений, прочитанных диалектологами Украины, России, Белоруссии, Молдавии и Румынии.

Нынешнему совещанию предшествовало завершение и подготовка к печати I тома атласа украинского языка, что сопровождалось усиленной разработкой лингвогеографических методов. Возможно, этим объясняется некоторое перемещение «центра тяжести» теоретических исследований из области общеязыковедческих проблем диалектологии (этому вопросу был посвящен лишь доклад И. И. Ковалика из Львова «О языке и речи в диалектологии») в план проблем лингвистической географии.

Доклады лингвогеографического цикла не только отражают завершение работы над I томом атласа украинского языка, но и связаны с некоторыми дальнейшими перспективами. Подготовка к созданию III тома атласа украинского языка, объектом которого явятся говоры южной и восточной Украины, ставит лингвогеографов перед проблемой картографирования говоров дозаселенных и новозаселенных районов. Специфике этих говоров и особенностям их лингвогеографического отображения был посвящен доклад Ф. Т. Жилко (Киев) «Лингвогеографическое исследование новосформированных говоров украинского языка». Отсутствие барьеров языкового общения, проявляющихся на старожильческой украинской территории в виде изоглосс — следов древнейшего диалектного разграничения (связанного с феодально-административным или даже племенным членением), а также междиалектные контакты на всей территории позднейшего заселения создают достаточно пестрый лингвистический ландшафт в новонаселенных и дозаселенных районах, изобилующий мозаическими вкраплениями иносистемных элементов и разнообразными позднейшими модификациями, часто обусловленными гиперкоррекцией. При картографировании подобных говоров есть возможность выделить степень «вхождения» диалектного элемента в систему говоров путем использования особых графических средств для передачи иносистемных элементов.

Опыт отражения лексики в I томе атласа украинского языка, изложенный в докладе И. Г. Матвияса (Киев), свидетельствует о значительных трудностях картографирования лексического материала в связи с недостатками соответствующего раздела программы для атласа и о необходимости создания детального лексического атласа украинского языка со специальной программой. Принципы составления такого атласа и характер программы для него были освещены в докладе И. А. Дзендзелевского (Ужгород).

Ряд докладов лингвогеографической серии был посвящен общеславянскому лингвистическому атласу — проблематике и организации работы (Р. И. Аванесов, Москва), проверке вопросника в полевых условиях (В. Ф. Коннова, Москва), транскрипции (С. К. Пожарицкая, Москва). В ходе обсуждения было высказано пожелание, чтобы дубликаты материалов, записанных для ОЛА с территории украинских говоров, хранились в Институте языковедения АН УССР как национальный диалектологический фонд.

Лингвогеографический аспект был одним из основных также в ряде докладов, посвященных характеристике отдельных диалектных групп или определенных проблем на различных уровнях языка. Так, И. А. Варченко (Киев) в до-

кладе «Межъязыковые акцентуационные контакты и лингвистическая география» указал на взаимопроникновение украинской, русской и белорусской систем в области акцентуации, выявленное в процессе работы над I томом атласа украинского языка.

В докладе Т. В. Назаровой (Киев) «Фонетический уровень взаимодействия некоторых именных основ в украинских говорах» выяснялись закономерности аналогического взаимодействия твердой и мягкой разновидностей основ существительных с *-ĕ-*флексиями путем сопоставления ареалов соответствующих морфем и рефлексов *ĕ*. Данные лингвогеографии были удачно использованы в сообщении Л. М. Коць (Львов) об особенностях склонения ряда существительных, преимущественно *-ĕ-* основ.

В докладе В. С. Ващенко (Днепропетровск) «Об исчезновении старого в лексике говоров Поднепровья» лингвогеографические методы применены при характеристике архаических лексических пластов, переходящих постепенно в пассивный фонд.

С учетом лингвогеографического материала были построены также доклады Н. Т. Войтович (Минск) «Безударный вокализм брестско-пинских говоров» и А. П. Груцо (Минск) «Лексические особенности полесских говоров белорусского языка». В этих докладах, выполненных по материалам диалектологического атласа белорусского языка, были выделены группы фонетических и лексических изоглосс, четко отделяющие говоры Брестской области от остального массива юго-западных белорусских говоров; были отмечены также черты, сближающие эти говоры с западнополесскими говорами украинского языка.

Дискуссионным был доклад Г. Ф. Шило (Дрогобыч) «Проблема классификации юго-западных говоров». Выделяя пучок изоглосс между поднестровскими и южноволынскими говорами, докладчик считает его рубежом юго-западных и северных говоров, объединяя, таким образом, южноволынские и западнополесские говоры в один диалектный (северный) тип. Противоположная точка зрения (Ф. Т. Жилко), высказанная в процессе обсуждения, основывалась не только на выделении группы древнейших изоглосс, разграничивающих западнополесские и южноволынские говоры, но и на анализе продолжения соответствующих ареалов на территории I тома атласа украинского языка.

Б. А. Шарпило (Луганск) связывает в генетическом плане среднеподнепровские говоры с северными (полесскими) диалектами, восстанавливая тем самым дихотомическую классификацию украинских говоров. Эта гипотеза также нашла своих сторонников и противников, хотя, по-видимому, без тщательного анализа лингвогеографических данных и прежде всего материалов атласа, она не может стать достаточно убедительной.

Значительную группу составили доклады, объединенные в другом тематическом цикле. Эти доклады были посвящены изучению структурно-системных особенностей украинских говоров. Среди них большой интерес вызвали вопросы диалектной фонологии. В частности, оживленную дискуссию вызвали попытки фонологического анализа вокализма покутских и гуцульских говоров. В докладе А. Н. Залесского (Львов) фонологически интерпретировались звуковые явления покутского вокализма. Докладчик устанавливает два взаимосвязанных звуковых ряда, характеризующихся артикуляционным сдвигом к среднему и нижнему подъему [и] > [и, е] и [е] > [е, а]. Последнее смещение позволяет сохранить различие фонем /и/ : /е/. Фонологический очерк вокализма гуцульского говора одного села был представлен в докладе Т. В. Поповой (Москва), где при описании вокальной системы на основе дифференциальных признаков гласных фонем, фонемного инвентаря и дистрибуции фонемных единиц учитывалась идентификация /и/, /е/. Большинство выступавших считали, однако, такую систему в целом нетипичной для гуцульских говоров и в известной степени «крайней точкой» развития тенденций, сказывающихся в гуцульском вокализме.

Интересное наблюдение прозвучало в сообщении С. М. Шур (Москва), сопоставившей системы с неразличением безударных /о/, /а/ (аканье) и /о/, /у/ (уканье) как аналогичные в структурном плане и характеризующиеся повышенной нагрузкой «крайних» фонологических элементов за счет «средних» (не маргинальных) в безударной позиции.

Малоисследованное явление озвончения глухих согласных в интервокальной позиции было темой сообщения А. А. Бурячка (Киев).

Одновременно с растущим интересом к фонологическому анализу, тематика совещания отразила расширение диапазона исследований и на других уровнях, слабее представленных на предыдущих совещаниях,— в частности, активизацию изучения диалектной акцентологии.

Акцентологическим вопросам, кроме названного выше доклада И. А. Варченко, были посвящены доклады В. М. Иллича-Свитыча (Москва) и В. Г. Скляренко (Киев). В. М. Иллич-Свитыч, анализируя акцентуацию парадигмы *-а*-основ жен. рода в юго-западных украинских говорах, отмечает экспансию смешанной парадигмы с окситонезой в ед. числе и баритонезой во мн. числе в говорах с окситонированной парадигмой (окраинные юго-западные украин-

ские говоры) и предполагает праславянское происхождение смешанной парадигмы. В. Г. Скляренко в докладе об истории акцентуации форм им.-вин. падежей дв. числа существительных I склонения рассматривает формы типа *дві руцí* с конечным ударением как результат перемещения структурной зависимости от числительного (*двѣ рýцѣ*) к существительному (*дві рукú*) в качестве промежуточного этапа такого перемещения.

Группа докладов, связанная с закономерностями грамматического строя украинских говоров, интересна прежде всего свежим фактическим материалом и в ряде случаев его новым осмыслением. Много неизвестных или малоизвестных фактов диалектного словоизменения приводилось в докладах и сообщениях И. Т. Вальченко (Глухов,) В. П. Дроздовского (Одесса), Н. И. Марчук (Киев), М. М. Онышкевича (Львов), И. И. Ощипко (Львов), Н. П. Прилипко (Киев), М. И. Сюсько (Ужгород). Частично в историко-диалектологическом плане был построен хорошо аргументированный доклад С. Ф. Бевзенко (Одесса) «Возникновение флексии *-е* существительных типа *зілля* в юго-западных диалектах», в котором доказывается фонетическое происхождение *-е*<*-а* в галицко-буковинской группе говоров юго-западного наречия.

Отдельным вопросам диалектного словообразования были посвящены доклады Т. М. Возного (Львов), З. Г. Николаенко (Ужгород), В. Т. Горбачук (Винница), В. А. Горпинича (Глухов).

Диалектный синтаксис иллюстрировался, преимущественно, материалами буковинских говоров, исследуемых черновицкими диалектологами: простое предложение (З. И. Иваненко), сложное предложение (К. Ф. Герман), управление (И. И. Слынько).

Среди докладов с лексикологической проблематикой наибольший интерес вызвало освещение лексических связей украинских говоров с другими славянскими и неславянскими диалектами, в частности межъязыковые контакты карпатского ареала, широкое изучение которых в известной степени активизируется работой над созданием карпатского диалектологического атласа. Этим вопросам были посвящены доклады Б. В. Кобылянского (Львов) — о лексических параллелях в украинских восточнокарпатских (гуцульских, покутских) и болгарских говорах, Г. П. Клепиковой (Москва) — о терминологии высокогорного пастбищного скотоводства в Прикарпатье и П. Н. Лизанца (Ужгород) о венгерских заимствованиях в украинских говорах Закарпатья. К этому циклу примыкает и доклад П. П. Чучки «Антропонимия Закарпатья и миграция населения в украинских Карпатах».

Проблемы украинско-белорусских лексических явлений были отражены в сообщениях Т. С. Янковой (Гомель) «Фразеологизмы в переходных украинско-белорусских говорах» и В. А. Куприенко (Мозырь) «Белорусско-украинские связи в лексике промыслов (рыболовства, пчеловодства и охоты)», украинско-молдавские контакты были предметом сообщения Р. Я. Удлера (Кишинев).

Характеристике отдельных диалектных лексических групп были посвящены доклады и сообщения К. С. Баценко (Каменец-Подольск), И. М. Малявской (Львов), Н. В. Павлюка (Одесса).

Особое место на совещании заняла проблематика межъязыковых контактов и двуязычия, поставленная на материале украинских говоров за пределами республики. В частности, большое внимание привлекли сообщения об украинских говорах на Кубани краснодарских диалектологов И. Г. Чередниченко, Е. Ф. Тарасенковой, Н. П. Федоренко и др. Предварительные результаты начавшегося широкого изучения украинских говоров Кубани, а также магнитофонные записи диалектной речи, иллюстрировавшие сообщение Н. П. Федоренко, свидетельствуют о значительной устойчивости украинской диалектной системы (преимущественно в фонетической и морфологической сферах) и об активных русско-украинских контактах, проявляющихся наиболее заметно в лексике. Определенная стойкость украинской морфологической системы в условиях межъязыковых контактов отмечалась и в докладе Г. С. Солонской (Харьков) «Особенности системы словоизменения в украинских говорах Воронежчины». Устойчивость фонологической диалектной системы в иносистемном языковом окружении была темой доклада Н. Павлюка и И. Робчука (Румыния) «Фонологические особенности украинских говоров в Румынии».

Оживленная дискуссия состоялась по вопросам диалектной лексикографии. Исходя из известных недостатков существующих дифференциальных словарей отдельных диалектных территорий, А. А. Москаленко (Одесса) в докладе «Украинские, русские и белорусские диалектологические словари» поднял вопрос о том, какими путями должна развиваться современная диалектная лексикография, насколько едиными по структуре, системе ремарок и т. д. должны быть различные диалектные словари. В процессе обсуждения доклада подчеркивалась необходимость активизации сбора диалектной лексики по специальным программам (принципы построения таких программ были изложены в сообщении П. И. При-

ступы), издания неопубликованных и создания новых диалектных словарей, хотя некоторые рекомендации А. А. Москаленко (в частности, о введении трех реестров в словаре — лексического, семантического и фонетико-морфологического) не были приняты (И. А. Дзендзелевский, П. П. Чучка). Со словарями диалектной лексики отдельных районов ознакомили присутствующих Н. А. Грицак (Ужгород) — Закарпатье, М. Т. Доленко (Винница) — Винницкая область, Я. Д. Нагин (Херсон) — нижнее Поднепровье.

Историко-диалектологическая тематика была представлена докладами И. М. Керницкого (Львов) «Некоторые особенности карпатских говоров в украинских памятниках XVI—XVII ст.», Л. А. Бовы-Ковальчук (Сумы) «Диалектизмы в синтаксисе „Перестороги"» (начало XVII в.), В. В. Нимчука (Киев) «Язык „Урбара" — первого печатного памятника закарпатского диалекта украинского языка» и П. Д. Тимошенко (Киев) «Язык описаний украинских замков 1552 г.», который не только систематизировал диалектизмы в оригиналах имеющихся списков, но и выявил ряд принципиально важных ошибок в печатном издании исследуемых памятников («Архив Юго-Западной России», ч. 7, т. 1, Киев, 1886).

В целом для совещания характерно расширение тематического диапазона и повышение научно-теоретического уровня украинских диалектологических исследований. Большое значение имеют творческие контакты диалектологов разных республик, в определенной степени стимулирующие интерес к изучению украинских автохтонных и переселенческих говоров украинистами и славистами различных центров страны.

Т. В. Назарова (Киев)

*

11—15 мая 1965 г. в Институте русского языка АН СССР проходило X диалектологическое совещание, в котором приняло участие около 200 представителей 93 высших учебных заведений и научных учреждений страны.

Ряд докладов был посвящен одной из наиболее важных проблем, стоящих перед диалектологией — изучению процессов, протекающих в современных говорах. В докладе В. Г. Орловой (Москва) «Основные задачи изучения современных процессов в говорах русского языка» была показана сложность взаимоотношений между говорами и литературным языком в период усиливающегося влияния литературного языка, не сводимых к понятию «нивелировки» говоров. Несмотря на пережиточный характер говоров, они остаются важным звеном в структуре современного устного разговорного языка. Различны при этом роль разного рода социальных факторов, вызывающих отход от местных разновидностей языка, и условия, в которых возникает пользование двумя системами и наступает торможение диалектных новообразований. В. Г. Орлова указала на необходимость дифференцированного подхода к изучению процессов, протекающих на разных уровнях языковых систем современных говоров, и изучения условий и характера того использования двух систем, которое наблюдается у многих современных носителей говоров. Анализ процессов этого рода дает богатый материал для рассмотрения ряда теоретических положений, например, таких, как вопрос о проницаемости разных уровней языковой системы, о возникновении новообразований под влиянием извне, но на основе закономерностей исходной системы, и др. В заключение В. Г. Орлова говорила о необходимости разработки специальных программ, направляющих изучение современных процессов в русских говорах.

А. Б. Пеньковский (Владимир) в докладе «Об изучении процессов развития в живой диалектной речи» рассматривал речевую деятельность диалектного коллектива как проявление одной и той же, но движущейся системы, которая находится в процессе изменения и развития и выступает у разных индивидуумов или отдельных их групп в различных речевых состояниях. Каждое речевое состояние движущейся системы характеризуется определенным набором рядов сосуществующих элементов, характером этих рядов и характером отношений между рядами и между элементами внутри ряда. Ряд сосуществующих элементов, т. е. материально различных, но функционально тождественных единиц речи, выступающих в тождественных условиях и представляющих одну и ту же единицу одного из уровней системы языка,— показатель того, что в данном звене системы осуществляется живое актуальное развитие.

Г. Г. Мельниченко (Ярославль) в докладе «К вопросу о задачах и путях изучения процессов, наблюдаемых в лексике говоров русского языка на современном этапе их развития в советском обществе» говорил о необходимости изучения тех изменений в словарном составе говоров, которые совершаются в процессе взаимодействия двух лексических пластов: лексики общенародной, литературной, которая составляет большую часть словаря говора, и лексики локальной, диалектной, удельный вес которой с точки зрения количественной может быть иногда очень незначительным по отношению к общему числу слов, употребляемых в связной речи.

Новую методику описания русского диалектного материала предложили С. В. Бромлей и Л. Н. Булатова (Москва) в докладе «Сопоставительное описание морфологии русских говоров с применением эталона». Докладчики поставили задачу построить эталон (метаязык) для описания плана выражения морфологии русских говоров. В качестве эталона строится такая морфологическая система, которая не представлена ни одним из реальных русских говоров, но из которой может быть выведена система любого русского говора. При сопоставительном описании русских говоров осуществляется сравнение систем разных говоров через единицы метаязыка. Это дает возможность выделить элементы, общие для всех говоров или групп говоров, и элементы, отличающие отдельные говоры или отдельные группы говоров, а также установить роль одних и тех же материальных элементов в системах разных говоров.

Л. И. Баранникова (Саратов) свой доклад «К вопросу об изучении диалектов на территориях позднего заселения» посвятила методам изучения диалектов, находящихся в условиях междиалектного и межъязыкового контактирования. Параллельно с монографическим описанием таких диалектов, возможно и использование методов лингвистической географии. В региональных атласах должны быть сохранены общие принципы, положенные в основу картографирования при составлении карт атласов основной территории распространения русского языка. Однако границы картографируемой территории не могут быть слишком большими, сетка пунктов может быть подвижной, т. е. более сгущенной для одних явлений и более разреженной для других, выбор явлений, подлежащих картографированию, определяется не только особенностями изучаемых диалектов, но и их отношением к диалектам основной территории распространения русского языка.

Изучением языковых контактов начинает заниматься в последние годы все большее число отечественных лингвистов, и намечается постепенное преодоление того отставания в этой области, которое было вызвано господством в нашей науке сначала марровских, а затем сталинских догм. В русской диалектологии, наряду с изучением контактов литературного языка и диалектов, все больше стало появляться исследований, посвященных межъязыковым и междиалектным контактам. Этим проблемам был посвящен и ряд докладов на совещании. В. И. Столбунова (Черновицы) показала специфику развития говоров русских поселенцев на Буковине, Ф. П. Сергеев (Кишинев) привел свои наблюдения над характером взаимодействия между диалектами русского и украинского языков в условиях смешанного заселения в Калмыцкой АССР, о судьбе русских говоров на территории распространения молдавского языка говорила Л. И. Ермакова (Кишинев), о лексических заимствованиях в русских говорах Литвы из окружающих языков — М. Сивицкене (Вильнюс). Русским говорам в Азербайджане были посвящены доклады Г. Н. Асланова (Баку) и С. Д. Кац (Баку). Г. Н. Асланов исследовал фонетическое освоение русскими заимствований из азербайджанского языка, С. Д. Кац показала роль межъязыковых и междиалектных контактов в образовании словарного состава одного из таких русских говоров. О русском старожильческом говоре в Казахстане говорил М. К. Кокобаев (Целиноград).

Проблемам социальной диалектологии, также не разрабатывавшимся у нас после дискуссии 1950 г., был посвящен доклад В. Д. Бондалетова (Пенза) «Об использовании материала условно-профессиональных арго при изучении народного языка». Как показал докладчик, арго, не имея собственного грамматического строя и располагая лишь оригинальной лексической системой, функционирует на базе и по законам грамматики общенародного (диалектного) языка. Однако функционирование арготической лексики на основе общенародной грамматики позволяет на новом и необычном материале не только проследить грамматические категории и средства их выражения, но также получить представление о некоторых количественных показателях грамматической и словообразовательной структуры народного языка, например, о соотношении частей речи, грамматических родов, глагольных классов и т. п., но и уловить основные тенденции развития грамматической системы народного языка.

Т. Г. Паникаровская (Вологда) в докладе «Изменения в звуковой и морфологической системах говора деревни Парфенки за время советской власти» провела сопоставление данных Н. Н. Дурново, детально изучившего говор д. Парфенки в конце XIX—начале XX в., с данными личных обследований этого же пункта и на конкретных примерах проследила изменения, происшедшие в говоре за пятьдесят с лишним лет.

Два доклада были посвящены вопросам семантики. В докладе Р. В. Херольяниц (Воронеж) «Лексико-семантические группы слов в народном говоре (на материале лексики сел Каширское, Коломенское, Московское Новоусманского района Воронежской области)» рассматривалась диалектная полисемия, омонимия и синонимия. Среди многозначных слов в диалекте докладчик выделила группу слов, многозначных в речи носителей диалекта, и группу слов, много-

значных в речи старшего, но однозначных в речи младшего поколения либо имеющих разную систему значений в языке различных возрастных групп. Свидетельством того, что перед нами слова-омонимы, а не самостоятельные значения многозначного слова, является, по мнению докладчика, невозможность мотивировать связь между значениями этих слов при синхронном подходе к лексической системе диалекта. Намечаются следующие пути возникновения синонимов в говоре: а) влияние литературного языка, б) влияние других диалектов, в) выделение в одном и том же предмете, явлении и т. д. различных присущих ему признаков лексическими средствами самого говора, г) семантическое сближение слов, ранее различавшихся по значению. Т. С. Коготкова (Москва) в докладе «О некоторых особенностях диалектной синонимии в лексической системе одного говора на современном этапе его развития» показала, что проблема синонимии современного говора включает в себя в первую очередь изучение: а) семантических взаимоотношений среди компонентов в исконных синонимических рядах, б) активизировавшихся в настоящее время дублетных взаимоотношений, возникающих в говоре как результат сосуществования слов диалекта и их эквивалентов из литературного языка и соседних говоров, в) взаимоотношений нейтрального слова и эмоционально-экспрессивных синонимов, г) взаимоотношений между фонетическими, морфологическими, морфонологическими вариантами слова.

Ряд докладов был посвящен анализу фонетических диалектных черт. Г. А. Турбин (Челябинск) в докладе «Шепелявенье мягких зубных согласных в уральских говорах» объединил в понятии «шепелявенье» шипящее произношение палатализованных или палатальных *с*, *з* и спирантизацию *т'*, *д'*, в том числе цеканье-дзеканье. По мнению докладчика, оба эти явления ранее были свойственны одним и тем же говорам и возникали при цоканье. Л. Л. Касаткин (Москва) в докладе «Утрата затвора аффрикатами [ч'], [ц] в западных южнорусских говорах» показал, что особенности фонологической системы говоров западных южноруссов, произносивших твердый [ч], обусловили заимствование ими инодиалектного мягкого [ч'] в виде [ш'], что в свою очередь привело к изменению [ц]>[с]. Анализ фонологической системы пинежского говора, данный в докладе В. В. Колесова (Ленинград) «К фонологическому объяснению северно-русского цоканья», позволил докладчику прийти к выводу о том, что появлению передненебной аффрикаты наряду с зубной в реконструируемой исходной системе препятствовало отсутствие дифференциации между палатализованными зубными и передненебными согласными.

Данными инструментального анализа речи подтверждались положения доклада В. Т. Мосиенко (Челябинск) «Переход имен существительных среднего рода в мужской род в говорах Южного Урала».

Проблемы диалектного словообразования рассматривались в докладах: О. Г. Пороховой (Ленинград) «Вопросы методологии и методики исследований лексико-семантического словообразования в русских народных говорах»; В. Б. Силиной (Москва) «Некоторые аспекты изучения диалектных словообразовательных моделей в связи с проблемой суффиксальной вариантности», где подчеркивалась необходимость изучения словообразовательной системы говоров методом установления и анализа обобщенных словообразовательных типов; Л. В. Сахарного (Пермь) «Некоторые проблемы и методика синхронного анализа словообразования народных говоров как устной разновидности современного русского языка», где был рассмотрен вопрос о продуктивности словообразовательной модели.

В докладе А. С. Герда (Ленинград) была показана одна изоглосса псковских говоров, характеризующая северную границу переходной диалектной зоны от русского языка к белорусскому. Е. М. Романович и Е. И. Чеберук (Минск) в своем докладе указали на некоторые особенности ударения в белорусских говорах сравнительно с русским и украинским ударением.

В обсуждении докладов приняли участие Ю. С. Азарх, Л. И. Баранникова, Р. В. Бахтурина, С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. В. Горшкова, Ф. Т. Жилко, В. А. Малаховский, Н. М. Малеча, Г. Г. Мельниченко, В. Г. Орлова, И. А. Оссовецкий, И. А. Попов, Е. И. Самохвалова, М. Ф. Семенова и другие участники совещания.

Участники совещания заслушали сообщения Р. И. Аванесова и О. Н. Мораховской (Москва) о работе Научного совета по диалектологии и истории языка, В. Ф. Коннновой (Москва) о вопроснике общеславянского лингвистического атласа, С. К. Пожарицкой (Москва) о фонетической транскрипции для общеславянского лингвистического атласа, Ф. Т. Жилко (Киев) о методах лингвистического картографирования, принятых в работе над диалектологическим атласом украинского языка.

Л. Л. Касаткин (Москва)

*

24 мая 1965 г. в Ярославле проходило совместное заседание кафедры русского языка Ярославского гос. пед. ин-та

им. К. Д. Ушинского и Топонимической комиссии Московского филиала Географического общества СССР по вопросам ономастики. В нем приняли также участие сотрудники Ростово-Ярославского музея-заповедника, Ярославского областного архива, члены Ярославского отделения географического общества СССР и краеведы-любители (всего свыше 60 человек). На заседании были прослушаны и обсуждены 7 докладов.

В докладе Е. М. Поспелова (Москва) рассматривались различные источники происхождения севернорусской субстратной гидронимии на *-кса*, *-кша*. Г. П. Бондарук (Москва) в своем докладе «Местные географические термины в составе названий (на материале топонимии Ярославской области)» подчеркнула, что в составе топонимов Ярославской области выделяются местные слова, не известные общелитературному языку, а также слова, распространенные в литературном языке, но имеющие в говорах иное значение, и др.

Г. Г. Мельниченко (Ярославль) в докладе «О собирании ономастических материалов по архивным фондам» изложил разработанную им систему организации и оформления ономастических картотек. А. Н. Иванов (Ярославль) сообщил о научной деятельности ярославского краеведа А. Е. Богдановича в области топонимики.

В докладах А. С. Лебедева (Ярославль) «О некоторых топонимах г. Ярославля», В. А. Гречухина (Ярославская обл.) «О некоторых топонимах Мышкинского Верхневолжья» и А. К. Салтыкова (Ярославская обл.) «Из наблюдений над топонимикой Ивановского сельсовета Мышкинского района Ярославской области» собраны многочисленные топонимы Ярославской области и предпринята попытка проанализировать их этимологию и историю происхождения.

Два доклада (Б. А. Дмитриева и Т. Н. Кондратьевой) были представлены только в тезисах, так как докладчики не смогли присутствовать на заседании. В докладе Б. А. Дмитриева (Углич) «Топонимика Угличского края» рассматривается ряд топонимов с точки зрения их этимологии и источников происхождения. В докладе Т. Н. Кондратьевой (Казань) «Топонимические названия в былинах» проанализировано более пятидесяти имен — географических названий эпоса — с этимологической и стилистической точки зрения.

Подводя итоги работы заседания, зав. кафедрой русского языка Ярославского пед. ин-та Г. Г. Мельниченко отметил ту большую работу по собиранию топонимических материалов, которую ведут на местах краеведы-любители, и выразил пожелание, чтобы в дальнейшем деятельность в этом направлении приобрела более широкие масштабы, так как сбор местных географических названий и их разностороннее изучение представит ценные данные для различных научных исследований, основанных на топонимических материалах, и обогатит представление географов, лингвистов, этнографов, археологов и др. о географической номенклатуре.

А. М. Мелерович (Ярославль)

*

С 30 мая по 1 июня 1965 г. в г. Череповце проходила межвузовская конференция, посвященная проблемам фразеологии и задачам ее изучения в высшей и средней школе. Организованная кафедрой русского языка Череповецкого пед. ин-та, конференция собрала 93 представителя от 37 высших учебных заведений и научных учреждений РСФСР и других союзных республик.

В общетеоретическом плане интересны доклады Н. Н. Амосовой (Ленинград) «Теоретическое и практическое значение фразеологии как особой отрасли языкознания», А. М. Бабкина (Ленинград) «Русская фразеология как объект исследования и преподавания», В. Л. Архангельского (Ростов-на-Дону) «Фразеологические серии в русской фразеологической системе».

В своем докладе «Сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический и ареальный аспекты изучения фразеологии» Л. И. Ройзензон и Ю. Ю. Авалиани (Самарканд) попытались вскрыть причины семантической и структурной общности у определенной части фразеологических единиц родственных и неродственных языков. Был приведен большой и очень интересный фактический материал.

В докладе А. В. Кунина (Москва) «О фразеологической вариантности и структурной синонимии в современном английском языке» были установлены границы между фразеологическими вариантами и структурными синонимами, выявлены случаи распада фразеологической вариантности. Докладчик отметил триадность развития во фразеологии: невариантные фразеологические единицы переходят в вариантные, и вариантные фразеологические единицы переходят в структурные синонимы.

В прениях по докладам выступили: Е. А. Василевская (Москва), С. Е. Крючков (Москва), А. И. Молотков (Ленинград), Л. И. Ройзензон, В. Л. Архангельский, А. В. Кунин, Н. Н. Амосова. А. И. Молотков выступил также с сообщением о работе группы лингвистов (Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров) над фразеологическим словарем.

На заседании секции «Структурно-семантические особенности фразеологических единиц» два доклада были посвящены вопросам лексикографической разработки фразеологии: Л. Ф. Барановой (Рязань) «О характере фразеологической словарной статьи», Л. Ф. Козыревой (Ростов-на-Дону) «Устойчивые фразы русского языка в Академическом русско-немецком словаре под ред. Г. Г. Бильфельдта». В докладе В. П. Жукова (Новгород) «О смысловой структуре фразеологизмов» сделана попытка на основе семантических факторов отграничить фразеологические единицы, с одной стороны, от «фразеологических сочетаний» (типа *кромешный ад*), с другой — от пословиц, крылатых слов и т. п. изречений. В докладе В. Н. Телия (Москва) «О лексических компонентах фраземы как элементах ее структуры» также доказывалось, что рассматривать компоненты фразеологизмов как лексемы невозможно.

В докладе М. И. Сидоренко (Череповец) «К определению фразеологических синонимов» рассматривались критерии, которые необходимо учитывать при установлении синонимичности фразеологических единиц. Е. Н. Толикина (Ленинград) в докладе «О критериях фразеологических единиц» остановилась на решении вопроса о специфике фразеологического значения как одного из важнейших критериев выделения фразеологизма. Е. И. Иванникова (Ленинград) посвятила свой доклад «О фразеологических единицах, эквивалентных словосочетанию» выяснению особенностей фразеологизмов, которые представляют собой лексически делимые единицы (типа *как лунь седой*, *девичья память*). В докладе Л. А. Капанадзе (Москва) «Фразеологизация в терминологиях» доказывалось, что исключение терминологических сочетаний слов из фразеологического состава не имеет оснований. Характеристику фразеологических сочетаний (типа *щурить глаза*) дал в своем докладе «Некоторые вопросы классификации фразеологических сочетаний современного русского языка» Ю. А. Гвоздарев (Ростов-на-Дону). Об употреблении устойчивых словосочетаний в языке народной медицины рассказала В. С. Терехова (Ленинград). Устойчивым словосочетаниям русского языка с латинскими элементами в их структуре был посвящен доклад Э. В. Лукичевой (Череповец). В докладе Б. С. Шварцкопфа (Москва) «Фразеологические единицы в отношении к языковой норме» был поставлен вопрос об анализе фразеологизмов в их связи с языковой нормой на разных языковых уровнях. А. Н. Шаранда (Минск) прочитал доклад «Статистика и фразеология», подготовленный коллективом сотрудников Института языкознания АН БССР под руководством Р. Г. Пиотровского.

В прениях по докладам выступили: Н. Н. Амосова, А. В. Кунин, В. Л. Архангельский, В. Т. Шкляров (Ленинабад), В. П. Жуков, Е. И. Иванникова и др. Одновременно прошло обсуждение монографий Н. Н. Амосовой «Основы английской фразеологии» (Л., 1963) и В. Л. Архангельского «Устойчивые фразы в современном русском языке» (Ростов-на-Дону, 1964), которые получили высокую оценку в целом ряде выступлений.

На секции «Структурно-синтаксические особенности фразеологических единиц» были прочитаны доклады, посвященные изучению синтаксической организации и природы фразеологизмов: А. И. Молоткова «Понятие формы фразеологизма», Е. А. Земской (Москва) «Фразеологизмы как фактор синтаксической аналогии в современном русском языке», В. И. Кодухова (Ленинград) «Фразеологизация как лингвистическое понятие», С. Е. Крючкова, Л. Ю. Максимова (Москва) «Свободные и несвободные конструкции сложноподчиненных предложений», С. Г. Гаврина (Пермь) «О фразеологических связях слов в связи с проблемой развития фразеологического состава русского языка» и др.

Мысль о том, что фразеология образует звено в общей языковой системе, доказывалась на сопоставлении фразеологического материала разных языков в докладе «О связи фразеологии с системой языка» Э. И. Левинтовой, Е. М. Вольф (Москва). Р. Д. Оганесова (Армавир) посвятила свой доклад роли процесса фразеологизации в образовании временных составных союзов. В докладе А. В. Пашковой (Ростов-на-Дону) «Устойчивые фразы в составе сложносочиненного предложения» анализировались соединительные, сопоставительные, противительные отношения, которые образуются в сложносочиненных предложениях между свободными и фразеологическими частями. В сообщении М. В. Добрыдневой-Потапешкиной (Рязань) рассматривались наречные неделимые словосочетания и другие обстоятельственно функционирующие фразеологические комплексы, которые имеют в качестве стержня форму род. падежа.

О. В. Шевкунова (Ульяновск) в докладе «К вопросу о формировании незамкнутых предикативных фразеологических единиц» указала на два пути формирования этого типа фразеологизмов: 1) на основе первоначально свободных в синтаксическом отношении компонентов с наметившейся лексико-семантической устойчивостью, 2) на основе структурно замкнутых предикативных устойчивых

единиц. Сравнительные устойчивые обороты в английском языке, обозначающие цвет, были проанализированы в докладе С. И. Ройзензона (Самарканд).

В прениях по докладам выступили: В. Л. Архангельский, А. И. Молотков, Л. И. Ройзензон, Л. В. Николенко, Н. М. Сидякова, С. Г. Гаврин, Е. А. Земская, А. В. Кунин, Е. Ф. Ершова, Н. Н. Амосова.

На секции «Фразеология художественной литературы и публицистики» были прослушаны доклады: В. И. Филоненко (Пятигорск) «К вопросу об изучении языка писателя», Л. Н. Санжарова (Новокузнецк) «Из наблюдений над фразеологией В. В. Маяковского» (на материале «Окон РОСТА»), Г. А. Бакановой (Иркутск) «Стилистическая роль фразеологизмов в публицистических выступлениях В. И. Ленина», А. М. Чепасовой (Челябинск) «Словарь фразеологизмов художественных произведений и писем А. П. Чехова» и др.

На заседаниях секции «Историческое развитие фразеологического состава и диалектная фразеология» с интересом были прослушаны доклады Р. Н. Попова (Череповец) об условиях консервации в современном литературном русском языке элементов его старого качества и Л. Я. Костючук (Псков) о сочетаемости компонентов в устойчивых словосочетаниях древнерусского языка. Доклад Л. Я. Маловицкого (Череповец) содержал интересные наблюдения над относительно редким употреблением в структуре фразеологизмов местоименных слов и давал историческое освещение этого явления. Жанрово-стилистическому своеобразию фразеологии грамот XIV—XV вв. Кирилло-Белозерского монастыря был посвящен доклад Н. П. Чмыховой (Таганрог).

О воронежской диалектной фразеологии в ее отношении к литературному русскому языку говорила в своем докладе Н. К. Соколова (Воронеж). Л. И. Ройзензон (Самарканд) посвятил свой доклад определению задач диалектной фразеологии. Конкретным наблюдениям над лексикализованными и фразеологическими словосочетаниями говоров Пермской и Воронежской областей были посвящены доклады Л. К. Андреевой (Пермь) и Е. Н. Шестаковой (Воронеж).

В прениях по докладам выступили: Е. А. Василевская, Н. К. Соколова, Л. И. Ройзензон, Л. Я. Маловицкий и др.

На секции «Методика изучения фразеологии в высшей и средней школе» с большим вниманием были прослушаны доклады В. И. Кодухова (Ленинград) «Система вузовского изучения фразеологии», Е. Д. Шевляковой (Магадан) «К вопросу о путях обогащения и активизации словаря учащихся младшего школьного возраста» и др. В прениях по докладам выступили А. М. Бабкин, С. Е. Крючков, В. Ф. Гутенев (Ленинград).

Ряд докладов участников конференции обсуждался в тезисной форме: О. С. Ахмановой и Э. М. Медниковой (Москва) «К вопросу о границах фразеологической сочетаемости слов и путях ее изучения», А. Вурма (Прага) «О русско-чешском фразеологическом словаре», Я. Бездека и И. Коута (Прага) «Некоторые вопросы сопоставительного изучения фразеологии русского и чешского языков», А. И. Германовича (Симферополь) «К вопросу об этимологии фразеологизмов» и некот. др.[1].

В решении конференции предлагается ряд конкретных мер по дальнейшему улучшению изучения фразеологии русского и других языков, в частности, указывается, что в дальнейшем следует считать целесообразным проводить симпозиумы по отдельным, наиболее значительным проблемам фразеологии. Конференция поручила кафедре русского языка Пермского пед. ин-та вести подготовку и издание ежегодной сводной библиографии фразеологических работ, опубликованных в Советском Союзе, а кафедре русского языка Череповецкого пед.ин-та — подготовить «Материалы к терминологическому словарю по фразеологии».

Участники конференции выразили благодарность Вологодскому обкому КПСС и Череповецкому горкому КПСС за создание отличных условий для успешной работы конференции.

Р. Н. Попов, М. И. Сидоренко (Череповец)

[1] См. сб. «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе», Вологда, 1965.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Новости ЮНЕСКО. Информационный бюллетень.— 1965. 1. 21 стр.

В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. ч. 2.— Глагол, наречие, образные слова, междометия, служебные слова.— М.—Л., 1965. 263 стр.

И. Петканов. Други славянски елементи в романските езици до XVI в.

вкл. [Отд. отт. из «Годишник на Софийския ун-т. Филолог. ф-т. LIX, 1. Стр. 431—492].— София, 1965.

Ученые записки Ярославского гос. пед. ин-та. LIII.—Русский язык и лит-ра.— Ярославль, 1965, 480 стр.

Лінгвістычны зборнік. Артыкулы, паведамленні матэрыялы.— Мінск, 1965. 288 стр. (Мінскі дзяржаўкы пед. інст. Кафедра родной мовы) [ротапринт].

Annali. Sezione slava. VII.— Napoli, 1964. 254 стр.

Buletinul de informare ştiinţifică. Lingvistică şi filologie.— Bucureşti, 1964. 4—12.

Crestomaţie romanică. II.— Bucureşti, 1965. 1211 стр.

EOS. Commentarii Societatis philologae polonarum. LIII, 1, 2.— Wratislaviae — Varsaviae — Cracoviae, 1963. Стр. 1—420.

EOS. Commantarii Societatis philologae polonarum. LIV, 1.—Wratislaviae — Varsaviae — Cracoviae, 1964. Стр. 1—215.

For Max Weinreich on his seventieth birthday. Studies in Jewish languages, literature and society.— The Hague, 1964.

Język polski. XLV, 1.— 1965. 64 стр.

Slovo a slovesnost. XXVI, 2, 1965. Стр. 101—212.

Studia slavica. X, 3—4.— 1964. Стр. 221—481.

Zpravodaj místopisné komise ČSAV. VI, 1963. 59 стр.

B. Collinder. Sprachverwandtschaft und Wahrscheinlichkeit. Ausgewählte Schriften neu veröffentlicht zum 70. Geburtstag des Verfassers 22. Juli 1964 zusammen mit einer Bibliographie der Werke von Björn Collinder 1921—1964.— Uppsala, 1964. 240 стр.

K. Dravinš. Altlettische Schriften und Verfasser. 1.— Lund, 1965. 116 стр.

W. Flämig. Untersuchungen zum Finalsatz im Deutschen (Synchronie und Diachronie).— Berlin, 1964. 36 стр.

M. Fogarasi. Beiträge zur Geschichte der internationalen Bildungssuffixe des Russischen. Von den Anfängen bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts.— Budapest, 1965. 214 стр.

J. Knobloch. Spachwissenschaftliches Wörterbuch. Lief. 1— Heidelberg, 1961. Стр. 1—80; Lief. 2 — Heidelberg, 1963. Стр. 81—160. («Indogermanische Bibliothek», II. Reihe. Wörterbücher).

W. Mańczak. Polska fonetyka i morfologia historyczna. — Łódz — Warszawa — Kraków, 1965. 170 стр. [ротапринт].

I. Paternost. Russian-English glossary of linguistic terms.—The Pennsylvania state university, 1965. 230 стр. [ротапринт].

F. Rice, A. Cuss. Information sources in linguistics. A bibliographical handbook.— Washington, 1965. 42 стр.

A. H. Roberts. A statistical linguistic analysis of American English.— The Hague, 1965. 440 стр.

W. R. Schmalstieg. Readings in Old Prussian.— The Pennsylvania state university, 1965. 21 стр. [ротапринт].

K. R. Schmidt. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240).— Kopenhagen, 1964.

W. Tosh. Syntactic translation.— The Hague, 1965. 162 стр.

T. Witkowski. Grundbegriffe der Namenkunde.— Berlin, 1964. 92 стр.

CONTENTS

Articles: E. A. M a k a e v (Moscow). Structure and stratification of the common Germanic vocabulary; **Discussions:** A. F. L o s e v (Moscow). On the treatment of mathematical linguistics by linguists; S. K. S a u m j a n, P. A. S o b o l e v a (Moscow). Applicative engendering model and formalization of grammatical synonymy; Y. D. A p r e s j a n (Moscow). An experiment in the description of verb-meanings by their syntactic features (types of government); S. B. B r o m l e y (Moscow). Classification-principles of verbs in modern Russian:, **Materials and notes:** E. A. I v a n č i k o v a (Moscow). On optional and obligatory structures in syntax; B. V. G o r n u n g (Moscow). On the nature of synonymy and some theoretical premises of compiling dictionaries of synonyms; A. N. K o n o n o v (Leningrad). An experiment of reconstruction of Turkic verbal adverbs in -(°)*n*, -(°)*б*, -(*j*)°*б*, -(°)*пан*, -(°)*бан*, -(°)*баны*, -(°)*баныӊ*(*н*) (Materials for a comparative-historical grammar of the Turkic languages); M. A. K u m a k h o v (Moscow). Distributive analysis of polysynthetic complexes; **Critics and bibliography; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: E. A. M a k a e v (Moscou). Structure et stratification de lexique germanique commun; **Discussions:** A. F. L o s e v (Moscou). Modes d'exposition de linguistique mathématique pour les linguistes; S. K. S a u m j a n, P. A. S o b o l e v a (Moscou). Modèle applicatif-génératif et formalisation de synonymie grammaticale; Y. D. A p r e s j a n (Moscou). Essai de description des significations de verbe au moyen de leurs traits syntaxiques (types de régime); S. B. B r o m l e y (Moscou). Principes de classification de verbes en russe moderne; **Matériaux et notices:** E. A. I v a n č i k o v a (Moscou). Sur les structures syntaxiques facultatives et obligatoires; B. V. G o r n u n g (Moscou). Sur la nature de synonymie et quelques prémisses théoriques pour la compilation des dictionnaires synonymiques; A. N. K o n o n o v (Léningrad). Essai de reconstruction des adverbes verbaux turques en -(°)*n*, -(°)*б*, -(*j*)°*б*, -(°)*пан*, -(°)*бан*, -(°)*баны*, -(°)*баныӊ*(*н*) (Matériaux pour une grammaire comparative et historique des langues turques); M. A. K u m a k h o v (Moscou). Analyse distributive des complexes polysynthétiques; **Critique et bibliographie; Vie scientifique.**

Subscription for this journal is accepted by firms doing business with v/o «Mežd unarodnaya Kniga».

Технический редактор *Г. П. Фролова*

Т-02290	Подписано к печати 31/VIII-1965 г.	Тираж 5540 экз,	Зак. 2769
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.	Печ. л. 14,0	Бум. л. 5	Уч.-изд. листов 15,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. С. Ахманова, *В. В. Виноградов* (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), *П. С. Кузнецов*, *Э. А. Макаев*,
М. В. Панов, *В. З. Панфилов*, *И. И. Ревзин*, *Ю. В. Рождественский*,
Б. А. Серебренников, *Н. И. Толстой* (отв. секретарь редакции), *О. Н. Трубачев*

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55